

КВАНТА ИНВЕСТ
принимает вклады населения
до 600% годовых в рублях
до 45% годовых в валюте
Все расчеты через **СБЕРБАНК**
Страховка компании **ГЕРМЕС**

Москва, Центр,
м. «Тургеневская» - «Чистые пруды»,
Уланский пер., 8/10, проход и проезд
с проспекта Академика Сахарова
Справки по телефонам:
924-1624, 924-1636,
924-1585

**Каждый день
по заложнику С. 4**

СТОЛИЦА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

№ 25 (187) 1994 Г.

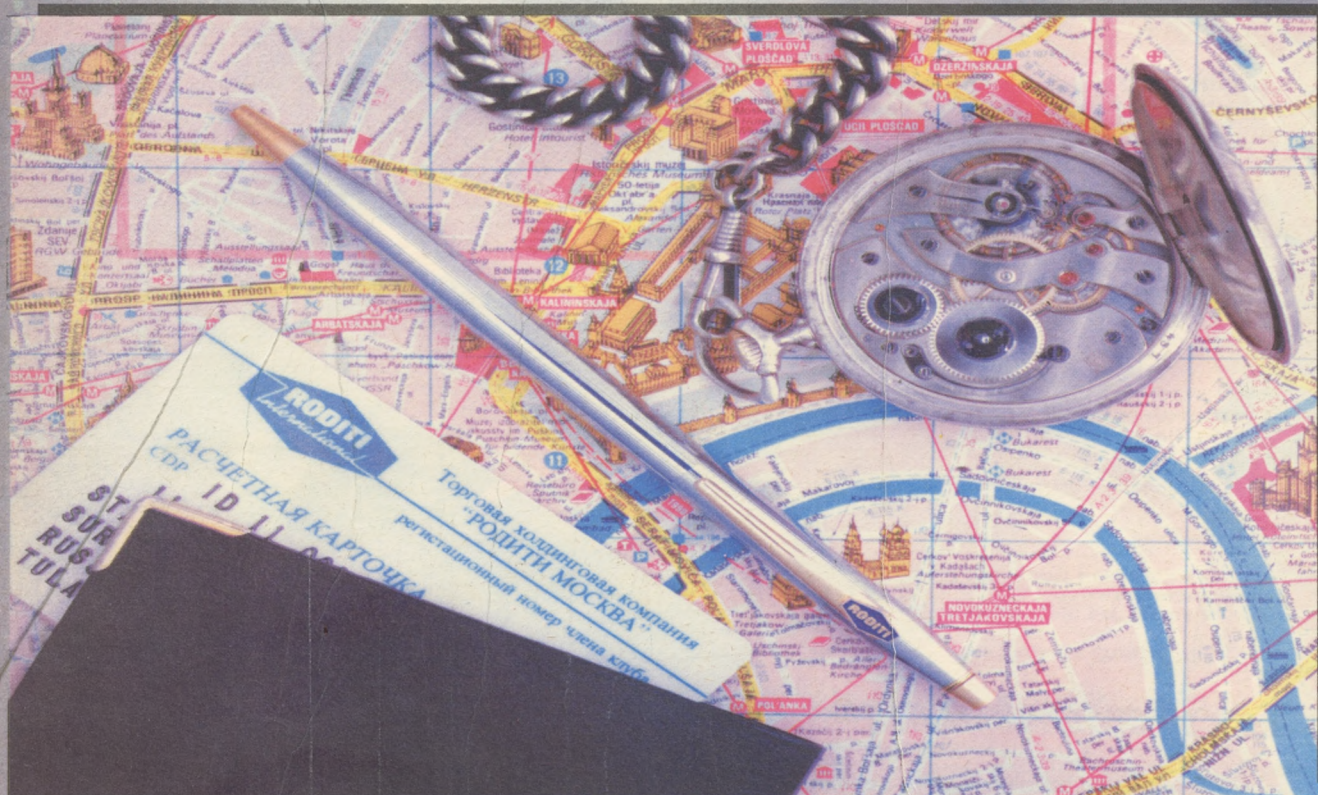
Zsn 76878

X869-9980ISSI

РОДИТИ

ПРОМЫШЛЕННО - ФИНАНСОВАЯ КОРПОРАЦИЯ

Британские деловые традиции на российском рынке

ОФИС В МОСКВЕ

113184, Москва, ул. Новокузнецкая, 1

Тел.: (095) 233-21-65, 964-49-84. Факс: (095) 233-07-01

ОФИС В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Тел.: (812) 164-11-29. Факс: (812) 164-32-11

ОФИС В ЛОНДОНЕ

Тел.: (071) 439-43-90. Факс: (071) 434-08-96

ОФИС В ВЕНЕ

Тел.: (0222) 715-21-91. Факс: (0222) 713-44-31

ОФИС В ГАМБУРГЕ

Тел.: (040) 721-70-95. Факс: (040) 721-18-38

В НОМЕРЕ

10 Виктор Копин:
В ноябре 1993 года Виктор Черномырдин утвердил «Перечень оружия боеприпасов, боевой и специальной техники, специальных средств, состоящих на вооружении внутренних войск МВД РФ». Теперь у внутренних войск будет не банальные пистолеты Макарова, но гранатометы, пулеметы, зенитные и авиационные пушки, ракеты, бомбы, противотанковые мины, БТРы и БМП, даже бронепоезда.

29 Михаил Поздняев:

Прокрутите на досуге видеозаписи всех этих сборищ, всмотритесь в лица старушек, вслушайтесь в их истерические вопли — вам поневоле захочется повторить Апостольское: «Родители, не раздражайте детей ваших...»

32 Владимир Воронов:

Увы, прекрасный пол не только давал нам жизнь — он и отнимал ее. «Мадонна с младенцем» — привычный женский образ! А разве смерть с косой — не женщина?

Политика

«Тяжелые» пошли
Елена Салина, Эдуард Кудрявицкий (фото) 4

Как хорошо быть либералом!
Виктор Копин 10

Приватизация Солженицына
Леонид Радзиховский 13

Битва за кресло с надписью:
«Президент»
Сергей Шаповал 14

Россия и Совет Европы
Интервью с Иваном Рыбкиным 16

Масоны во Франции
Эдуард Дорожкин 17

Экономика
«Пиковая дама» экономики
Дмитрий Белов 22

Жизнь
Старуха-процентщица, «новая русская»
Михаил Поздняев 29

Бронжилет для прекрасной дамы
Владимир Воронов 32

Вовина отмазка
Елена Аверина 36

Эти богемные модницы
Юлия Марьяшкина 38

Тристан и Изольда XX века
Андрей Шемякин 40

На задворках высотки
Алексей Митрофанов 44

Культура
Компас
Дмитрий Быков 48

Псовая охота на «Серебряного медведя»
Дмитрий Савельев 55

Миллион счастливых детей
Наталья Белоюшина 58

Дикие животные сказки
Людмила Петрушевская
Собрание сочинений
Игоря Иртеньева 62

Как не стать художником
Алексей Тарханов 63

Письма 2
Цитатник 20
С миру по нитке 35
Дневник И. 52

На 1-й странице обложки фото Эдуарда Кудрявицкого, дизайн С.Стыриковича

40 Андрей Шемякин:

Великая депрессия тридцатых годов закончилась потому, что убили Бонни и Клайда. Наша началась с того, что наглухо запрещенный фильм Артура Пенна 1967 года, близко к тексту пересказывающий их историю, показали по российскому телевидению.

48 Дмитрий Быков:

Драматург, сценарист, режиссер Александр Галин вырос в Курске. До двадцати одного года он жил в непосредственном соседстве Курской магнитной аномалии... Аномалия зарядила его на всю жизнь.

Общественно-политический иллюстрированный еженедельник

Москва, 101425, ГСП-4,
Петровка, 22
Телефоны: 928-23-49, 921-67-45
Телефакс: 921-29-85
Телекс: 413739 autp

Журнал «Столица» выходит еженедельно с августа 1990 г. Зарегистрирован Комитетом Российской Федерации по печати 25 октября 1993 г. (№ 0110344). Учредитель: редакция журнала «Столица».

Главный редактор:
Андрей Мальгин

Заместители главного редактора:
Консуэло Сегура, Петр Смирнов,
Владислав Старчевский
Коммерческий директор:
Юрий Бычков

Директор издательства:
Борис Рабкин

Ответственный секретарь:
Анатолий Остроухов

Отдел общественно-политической жизни:
Александр Касатов

Отдел экономики и науки:
Елена Эрикссен

Отдел правовых и морально-этических проблем:
Елена Салина

Отдел искусств:
Татьяна Савицкая

Отдел литературы:
Дмитрий Быков

Отдел репортажа:
Владимир Грибанов

Отдел писем: Наталья Туровская

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника «Столица» на системе «Скантекст—2000», поставленной фирмой «Аутопан»

Номер подписан в печать 17.06.1994 г.
Тираж 87 000
Цена договорная

Над номером работали:
К.Сегура, Г.Подгурская, И.Цыцарева

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. При перепечатке ссылка на «Столицу» обязательна. Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о размещении рекламы звоните по телефону: 923-19-71
По вопросам распространения обращайтесь по телефону: 928-27-69

© «Столица», 1994

Отпечатано в издательско-полиграфическом комплексе «Московская правда», ул. 1905 г., д. 7.
Зак. 1832

Точность адреса

В «Столице» № 19 есть небольшая заметка Алексея Ерохина «Все на продажу — вплоть до нижнего белья?» в рубрике «Очень личное мнение». Мнение, хоть и «очень личное», но, думаю, многими разделенное и поддержанное. Однако есть одно замечание как автору, так и редакции.

Мне кажется, что стоило бы указать газету (или газеты), напечатавшие интервью с К.Кельми и О.Табаковым. Безусловно, кто-то их читал и знает «адрес», но большинству читателей неизвестно, в каком издании состоялись подобные откровения.

Вероятно, редакция «Столицы» умышленно не назвала газет, но, по-моему, такое умолчание ошибочно. Точны интервьюируемые, точен Ерохин, пусть уж будет точна вся информация целиком. Иначе какая-то недосказанность, неполнота информации. Вам так не кажется?

В.ДУГИН

Оренбург

О, могучий, великий...

Вообще это загадка — наш с детства родной и для большинства единственный русский язык. Великий и могучий. Но, увы, для многих совершенно неизвестный.

В чем тут беда, сказать затрудняюсь. То ли качество образования никуда, то ли влияние диалектов и жаргонов чересчур велико, то ли действительно просто уж очень сложен... Хотя и родной.

Некоторые примеры потрясут.

Учительница русского языка и литературы (!) вдруг говорит: «Она послала стихи на конкурс и забыла об этом...»

Кандидат технических наук, придя из поликлиники, упоминает про «электрокардиограмму», а побывав в театре, рассказывает, что «ампула» актера — первый любовник».

Бесконечные «включат» вместо «включат», «инженера» и «кварталы»...

Знакомая просит почитать с ней «тет-на-тет» (правда, лексика не русская, но уж такая знакомая!), другая обещает воздать кому-то «с корицей»...

Думаете, это шутка или юмористический рассказ? Увы, просто цитаты.

Наслушавшись такого, становится не по себе читать о постепенно завоевываемой литературе и сцену ненормативной лексики. Та — ненормативная, а эта какая? Хотя, впрочем, здесь есть своя логика: ненормативная и легкая, и проще, и всем знакома. Да и вариантов — не так чтоб много.

А великий и могучий, видимо, чересчур уж велик. Не осилим.

В.ГОЛУБЕВ

Санкт-Петербург

Вода, вода...

Каждое лето в городе отключают горячую воду. В одних районах ограничиваются двумя неделями, в других — не укладываются и в полтора месяца. И так каждый год!

А ведь, по сути дела, работы ведутся где-то примерно одну неделю, так как остальное время вода в кранах есть, только холодная, а делать ремонт без отключения воды, естественно, невозможно. Кроме того, никто никогда не подсчитал, сколько лишнего газа расходуется за это время на подогрев воды. Не обходится ли это намного дороже, несмотря на дачное время?

Нигде за рубежом подобных отключений не практикуют. И если уж для нас слишком дорого заменить в городе трубы, кстати сказать, давно уж вышедшие из строя, то, по крайней мере, можно подумать о людях, а не о премиях для РЭУ и сократить время ремонта до недели — вполне реального срока.

Г.ЕРШОВ

Москва

Союз нерушимый

Речь пойдет о профсоюзах. Нужны ли они нам теперь, тем более в таком количестве? Многие их функции спокойно от них «ушли». Путевки продаются в любом турбюро, а со скидкой — это попробуй найди подобное предприятие!

Материальная помощь профсоюзов теперь — это деньги на один день, трудовые конфликты разбирают судьи... Даже бюллетени не везде подписывает местком. Не существует больше извечного «треугольника», очереди на квартиры...

А что осталось? Забастовки? Теперь профсоюзы бастуют и требуют каких-то там прав для себя, хотя, по идее, должны — для народа. И непонятно, чем занимаются эти, в основном молодые и здоровые, мужчины. Не пора ли им подыскать себе настоящую работу?

А.СМИРНОВА

Кострома

Правила на стене

Прочитала в 18-м номере «Столицы» заметку Эдуарда Дорожкина «Цветок на память». Подумала: в московском метро много разных «памятных» мест и всегда есть обо что споткнуться. Увы...

Вот еще одно. Не приходилось ли вам читать «Правила для пассажиров метро», принятые год назад и украшающие стены вагонов? А это очень интересное чтение. Что бы вы думали нам запрещено? Конечно, курить под землей, ездить на велосипедах и роликовых коньках по перронам (вы часто там катаетесь?), спускаться на пути (вы часто туда спускаетесь), ну, безусловно, сорить, пачкать, везти громоздкие вещи...

В общем, все правильно — кто будет спорить? Вот только, как тоже верно пишет Дорожкин: «Все московское метро — это сплошная катастрофа...»

Разве мы с вами каждый день задерживаем поезд,

бега по рельсам, или оставиваем эскалаторы, съезжая по ним вниз на мотоцикле, или гасим свет в вагонах, задевая за потолок досками для дачного сарая... Не мы? А кто?

И почему, в таком случае, не повесить рядом с существующими и утвержденными и другие правила, уже для работников метрополитена, где будет черным по белому записано, что запрещается срывать график движения поездов, допускать на линии неисправные вагоны, устраивать давку пассажиров при входе на эскалатор из-за останки соседнего.

Очень много можно написать в этих правилах. Будут ли они выполняться — вот в чем вопрос.

И.ЛОБАНОВСКАЯ

Москва

АЛЕКСАНДР ЗАЙЦ

Заданность жанра

При всем жанровом многообразии журнал «Столица», на мой взгляд, всегда был приверженцем интервью.

Читая недавно подряд два номера журнала (20-й и 21-й), я вдруг неожиданно для себя обнаружил такую вещь. В интервью с деятелями искусства, актерами, например, всегда «слеплен» довольно четкий, яркий, своеобразный облик, внутренний образ интервьюируемого. Примеры: интервью с Кирой Муратовой и Николаем Караченцовым.

В интервью же с деловыми людьми, сотрудниками фирм, министерств и представительств, такой образ, как правило, отсутствует.

На первый план выдвигается проблема — экономическая, политическая, любая. Примеры: интервью с Георгием Микериним, Юри Кахном, Владимиром Соболевым.

Случайно ли такое «разделение на виды» или объективно обусловлено, сам определить я не могу, да и не хочу. Хочу только сказать, что, по-моему, подобное деление назвать оправданным нельзя. Жанр есть жанр, и в интервью не могут и не должны преобладать равно как деловые, так и личностные особенности собеседника. Стоит придерживаться «золотой середины», в противном случае получается либо сухо и скучновато, либо излишне эмоционально и экспрессивно. Из-за этого первая часть журнала — деловая — довольно сильно отличается от второй — бытовой и литературной.

Возможно, мое мнение субъективно. Однако это мнение вашего читателя и почитателя. Всегда. Поэтому и рискнул его высказать.

Г.АЛЕКСЕЕВ

Новгород

«Воруют...»

Да, со времен Карамзина, так охарактеризовавшего ситуацию в России, ничего не изменилось.

Пришло лето, значит, многие уедут на дачи, и газеты начали довольно часто писать о квартирных кражах.

Москвич живет в постоянном напряжении и на улице, и дома. Следствие этого: небывалый рост нервных и психических заболеваний.

Может быть, городским властям стоит попробовать с помощью какой-то большой фирмы начать установку в подъездах домофонов? Кстати, и сами двери бы поменять...

Конечно, проблемы в целом это не решит, однако часть напряжения снимет.

К.КАЛУГИН

Москва

СПАСАТЬ И ПРИУМНОЖАТЬ

Прогуливаясь по Арбату, волею-неволею обратив внимание на деревянный домик, чудом сохранившийся в самом конце Староколюшенного переулка. Он выстроен в начале 1870-х годов и известен москвичам как дом предпринимателя Пороховщикова. В нем жили и встречались известные писатели, философы и композиторы. В этом доме на протяжении многих лет жил знаменитый религиозный русский философ князь С.Н.Трубецкой — последователь и друг В.С.Соловьева. У С.Н.Трубецкого проводил музыкальные вечера в течение многих лет его друг, великий русский композитор и пианист А.Н.Скрябин.

Сейчас чудесное резное здание готовится к реставрации и огорожено забором. И вместе с тем живет довольно интересной жизнью. В подвале старинного архитектурного памятника работает фирма «СМИРВАЛЬД».

Многие годы отечественная реставрационная фирма работает в области научной реставрации предметов декоративно-прикладного искусства. Талант целого поколения мастеров — сотрудников фирмы раскрылся в стенах этого замечательного памятника.

«Спасать и приумножать» — вот девиз этой фирмы. Спасать памятники старины, а приумножать — традиции русской реставрационной школы.

Фирма «СМИРВАЛЬД» образована в 1989 году В.В.Смирновым. За это время она проводила научную реставрацию по заказам множества известных музеев: останкинского Дворца-музея творчества крепостных, Музея декоративно-прикладного искусства (Царицыно), Государственного музея музыкальной культуры им. М.И.Глинки, Государственного научно-исследовательского музея архитектуры им. А.В.Щусева, Государственного музея им. Л.Н.Толстого, Политехнического музея, Переславского историко-художественного музея и множества других.

Кроме того, среди заказчиков «СМИРВАЛЬДа» — гостиницы «Националь» и «Метрополь», «Дирекция по восстановлению зданий Президента Российской Федерации», а также другие хозяйственные структуры, имеющие на своем балансе предметы декоративно-прикладного искусства, являющиеся национальным достоянием.

Здесь не только реставрируют антикварные предметы, и в частности антикварную мебель, но и воссоздают ее по сохранившимся рисункам или чертежам, по образцам мастеров прошлого. В этой фирме можно заказать копию мебели из той, что производится в настоящее время в мире, и, что самое характерное, любую копию русской мебели, а также решить проблемы оформления интерьера вашего жилища или офиса.

А в планах — создание Музея мебели в этом здании силами и на средства фирмы. Подобно тому, что был в Москве в начале века и описан Ильфом и Петровым в «Двенадцати стульях».

Контактные телефоны фирмы:

291-22-01, 291-10-74

«ТЯЖЕЛЫЕ»

СПЕЦИАЛЬНЫЙ РЕПОРТАЖ

ПОШЛИ

Елена САЛИНА

Эдуард КУДРЯВИЦКИЙ (фото)

Старайтесь не брать деньги
в долг... Вовремя отдавайте долги.

*Из милицейской инструкции
потенциальным заложникам*

Водители в РУОПе (Региональное управление по борьбе с организованной преступностью) лихие. Хорошо хоть ночные дороги пусты. Конечно же, нас тормознул гаишник.

- Чего так несешься? — спросил он водилу.
- Бандитов везу.
- А почему номера частные?
- Так... сменил.
- А-а-а... Ну, езжай.

Сменить номера на оперативном сленге — «поменять квитанцию». Машина — «коробочка», рация — «музыка», сотрудники спецподразделения — «тяжелые». Заложник и вообще любой потерпевший — «терпила».

Наш «терпила», человек, которого освободили вот только что, буквально двадцать минут назад, сидел впереди, рядом с водителем, и потихонечку приходил в себя. А бандитов у нас не было. Их везли в другой машине.

Конвейер

Захват заложников сегодня «в моде» и поставлен на поток. Вот цифры по Москве: 1990 г. — 3 уголовных дела, 1991 — 12, 1992 — 48, 1993 — 62. Если учесть, что вовсе не по каждому раскрытому преступлению возбуждается дело, спасенных душ получится еще больше. И очевидно, что это не предел.

За четыре месяца текущего года освобожден уже 61 человек. Похоже, начинает зашкаливать: 1—3 заявления в сутки. То есть каждый день по заложнику, а иногда и по два. Но это в среднем. В январе был день, когда освободили семерых, причем по отдельности. Встречаются со-

вершенно неучтенные заложники. Повязали теплую компанию, а он там, миленький, в квартире, наручниками к батарее прикован. И никто не ищет.

Напряженность обстановки в городе наглядно иллюстрируют сводки любого из последних месяцев. Выбирать необязательно, достаточно просто ткнуть пальцем.

4 апреля заявление принесла женщина, сына которой держали в заложниках целый месяц, требовали 100 тыс. долл. Сначала женщина пыталась решить проблему сама, но безуспешно. 5 апреля заложник освобожден. Семь задержанных, все неработающие. 13 апреля в милицию обратился зам. директора ТОО по поводу исчезновения своего шефа.

Условие освобождения — 10 тыс. долл. 14 апреля шефа освободили, живым, хотя сильно побитым. Задержали пятерых членов солнечевой группировки: двоих тренеров по карате, одного водителя и двоих неработающих.

16 апреля директор ИЧП с Урала заявил, что похищен его земляк, директор торговой фирмы. Его жизнь оценили в 25 млн руб. 18 апреля заложник освобожден, задержаны два водителя коммерческого банка из его родного города, приехавшие за своей жертвой в Москву.

26 апреля у афганца, живущего в Москве, пропал брат. Назначенная цена — 5 тыс. долл. Пятеро похитителей задержаны в тот же день. У всех

оказался официальным статус афганских беженцев.

30 апреля по оперативной информации освобожден президент акционерного общества, за которого требовали 20 тыс. долл. Преступники задержаны: шестеро неработающих и ученик 11-го класса. Изъята марихуана. И так далее.

Мотивы и поводы

Захват заложников следует считать последней, крайней степенью вымогательства. Политических и иных «высоких» мотивов этого вида преступлений у нас пока не наблюдается. Правда, в среде московских

кавказцев случаются похищения людей, которых земляки якобы пытаются заставить выполнить свой долг по защите родины от врагов. Но в итоге все равно требуют откупного: хочешь жить спокойно — плати.

Таким образом, в основе всего лежат деньги или их имущественный эквивалент (машины, квартиры, даже приватизированные магазины и частные фирмы).

«Чистых» заложников, когда с человека требуют деньги просто потому, что они у него есть, немного, приблизительно 10 процентов. В подавляющем большинстве случаев между вымогателем и его будущей жертвой задолго до похищения существуют какие-то финансовые отно-

шения, разрешить которые цивилизованными методами они не могут или не хотят. Обычно это просроченные кредиты и долги.

Например, мелкий предприниматель взял ссуду в коммерческом банке, а «прокрутиться» не успел. Все, счетчик включен. Долг с оговоренными раньше процентами плюс 1 процент за каждый просроченный день (это по-божески, бывает и 100 процентов) плюс бандитам «за работу». Впрочем, к услугам наемных вышибал обращаются не всегда. Часто в числе задержанных вымогателей оказываются сотрудники служб безопасности самих же банков.

Весьма распространенным поводом для вымогательства стали до-

рожно-транспортные происшествия. Слегка поцарапал навороченный «мерседес» — откупайся. А где «крестянину» на «запорожце» взять столько денег? Значит, продавай квартиру.

Квартирный рэкет набрал свою популярность вместе с массовой приватизацией. Если у человека нет денег, у него есть жилье, которое всегда в цене. Схема может быть такой. Владелец шикарного авто подъезжает к охраняемой стоянке и просит сторожа пустить его «железного друга» всего на одну ночь, разумеется, за отдельную плату. Ночью «друга» уводят, тайно или явно — в рассветный час сторож уже лыка не вяжет. «Ах, так? — кричит разгневанный владелец. — Тогда отдавай квартиру». И ничего другого несчастному «ветерану труда» не остается.

Однажды свежеспасенный заложник удирал от милиции с первой космической скоростью. Оказалось, был в розыске по факту хищения на Украине. Организовал там фиктивную фирму, собрал денежки и скрылся в Москве. А московские бандиты его вычислили и потребовали поделиться.

Еще некоторый процент приходится на так называемые ложные сигналы. Особенно урожайным был на них прошлый год (15 случаев). Многие, наверно, помнят два дела, связанные с мнимыми похищениями детей известных актеров. Малолетние шутники таким образом просто вымогали деньги у родителей. Примечательно, что детки организовали все очень грамотно и достоверно. В одном из дел фигурировала даже окровавленная рубашка жертвы.

Сюда же относятся классические примеры, когда проигравшему в карты нечем отдать долг, он звонит жене и говорит, что за его жизнь требуют выкуп. Набивший оскомину вариант с дамой, ушедшей на работу, а пришедшей к любовнику, тоже был. И ее «освободили».

Похищение: как это делается

Захватывают заложников обычно по утрам, когда те выходят из дома. Засовывают в машину и увозят. Свидетелей, как правило, не бывает, поскольку все происходит очень быстро.

Прячут в квартирах, снятых на время, реже в офисах, на складах, в подсобках, загородных домах отдыха. Людей, которые пленников охраняют, оперативники называют «отмороженными». Я долго выясняла этимологию этого слова и в результате получила набор таких значений: нечувствительный к боли; эмоцио-

нально холодный; с одной извилиной в голове; тупой как пробка; шкаф, часто накачанный наркотой. Причем, как меня уверили, «отморозиться» (сделать вид, что все уже до лампочки) каждый может, а вот «отмороженный» — состояние неизменное, присущее лишь отдельным индивидуумам.

Два или три таких «отмороженных» неусыпно стерегут пленника, пока их более продвинутые собраты добиваются денег. Иногда жертву достаточно запугать до смерти: вот твой паспорт, вот прописка, вот ребенок — и заложник, даже без охра-

родственников, помимо смешной банальности о том, как плохо быть должником, есть вполне практичные вещи. Так, заложникам рекомендуется не нервировать понапрасну бандитов, дабы избежать лишних травм; соглашаться на все их требования — сделки, совершенные под контролем милиции, потом будут аннулированы; попытаться сообщить о своем местонахождении хотя бы выброшенной в окно запиской; если бандиты разрешат позвонить родственникам, выбрать того, у кого стоит определитель номера.

Родственникам предлагается всяче-

ны, сам шаг не сделает из «клетки». Некоторых бьют, просто так, для разрядки, или пытаются с целью получения нужной информации. Других, наоборот, всячески убажуют, даже кормят ресторанной едой, видя в них залог собственного благополучия.

Суммы денег, требуемые за освобождение, отличаются большим разнообразием в начале примеров. Они варьируются от нескольких тысяч до миллионов долларов, в зависимости от буйства фантазии вымогателей. Максимум, с которым пришлось столкнуться московским оперативникам, составлял 300 млн долл. Повидимому, сами бандиты с трудом представляли, как будет выглядеть такая гора наличности, поэтому быстренько сторговались на 50 тысячах.

В инструкции, сочиненной РУОПом для потенциальных заложников и их

ски тянуть время под предлогом сбора денег; записывать на магнитофон все переговоры с преступниками; требовать позвать к телефону заложника; настаивать на том, чтобы при передаче денег им показали живого и здорового заложника; звонить в милицию не со своего телефона, который может прослушиваться бандитами.

А самое главное — не пытаться решить проблему самостоятельно.

Подготовка операции

Так вот, если бы бандитом была я, первое, что я зарубила бы себе на носу: никогда не связывайся с заложниками. Квартирная кража — пожалуй, самая раскрываемость мизерная. Угон машины — при некоторой технической сноровке почти безопасно. Даже грабеж среди бела дня — не исключено, что повезет. Но зах-

ват заложника — предприятие **абсолютно бесперспективное**. Может быть, потому, что в этом (редком, к сожалению) случае решающим обстоятельством становится человеческая жизнь, а не проценты, добытые в квартальный отчет. К чести рууповцев, пока у них не было ни одной осечки. Все заложники, по поводу которых обращались в милицию, освобождены живыми.

Старший оперуполномоченный Валерий Королев, на личном счету которого свыше полусотни освобожденных, считает, что бандитов почти всегда губит жадность. Ошалев в предвкушении сладкой жизни, они

заламывают такие суммы выкупа, которые люди физически не способны собрать даже для спасения самого любимого на свете мужа или сына. Вымогатели просто вынуждают их идти в милицию, не оставляя иного выхода. Несомненно, существуют и другие примеры, когда стороны любовно договариваются без постороннего вмешательства, но они так и остаются тайной.

Итак, заявление написано, отчет времени начался. Подготовка решающей операции длится обычно от нескольких часов до четырех-пяти суток. Сигнал к активным действиям — первый телефонный звонок «с той

стороны» (чаще всего преступники предпочитают именно такой способ общения).

Парадокс в том, что, взяв в плен человека, бандит сам автоматически становится заложником ситуации. С этой минуты он и его жертва связаны одной пуповиной покрепче, чем близнецы-братья.

Чтобы получить желаемый выкуп, вымогатель **вынужден** идти на контакт с третьими лицами, а значит, и с милицией. Каждый новый звонок (аппаратура, отслеживающая местонахождение абонента, есть и вполне надежная, к тому же милиция часто прибегает к помощи ФСК, бывш. КГБ, где на этом собаку съели) сужает офлажкованный круг. Как бы хитроумно ни перемещался бандит во времени и пространстве, скоро он оказывается «под колпаком».

Многое зависит от третьего лица: жены, матери, руководителя фирмы — кого вымогатели изберут посредником. Как себя поведет? Выдержит ли колоссальный психологический прессинг? Представьте себе состояние матери большого грузинского семейства, которая узнает, что ее обожаемый муж ничего не ел уже четыре дня, да при его-то застарелой язве. Иногда бандиты берут на понт: «Мы знаем, что у тебя менты, мы всех их сфотографировали!» Начинаются охи, ахи, обмороки, истерики.

Впервые, пожалуй, из уст работника правоохранительных органов я услышала гениальную мысль о том, как важно, чтобы потерпевшие полностью и безоговорочно доверяли оперативнику, принимающему решение. Это сказал Валерий Королев, за что я ему безумно благодарна. Кстати, ничего особо страшного не случится, если преступники действительно заподозрят наблюдение. Перепугавшись, они могут даже отпустить своего пленника.

Золотое милицейское правило: никогда не трогать вымогателя, если неизвестно, где находится заложник.

В давней практике Королева был случай, когда задержали чеченца, пришедшего «на стрелку» за деньгами. А тот на самом деле не знал, где его «коллеги» держат заложника. Что делать? Договорились, что чеченец свяжет оперативников со своим «авторитетом», причем звонить будет из телефона-автомата, указанного им самим, и никто не станет подсматривать набираемый номер. «Вы гарантируете мне безопасность?» — спросил «крестный папа», поняв, что его «раскололи». «Да», — ответил Королев.

Встречались, как в фильмах из заг-

раничной жизни. «Папа» приехал с десятком телохранителей, Королев — с ОМОНОм. «Ты убираешь своих людей, я — своих», — сказал «авторитетный» гражданин. «Да», — ответил Королев. И тогда из машины выпустили заложника. Потом, спустя два месяца, задержали и «крестного». На другом деле.

Освобождение: как это делается

25 мая в Москву в командировку приехал предприниматель из Екатеринбурга. Сразу же отправился на один из московских заводов. При выходе оттуда трое неизвестных запихнули его в машину и увезли. Это видел работник завода и сообщил в милицию.

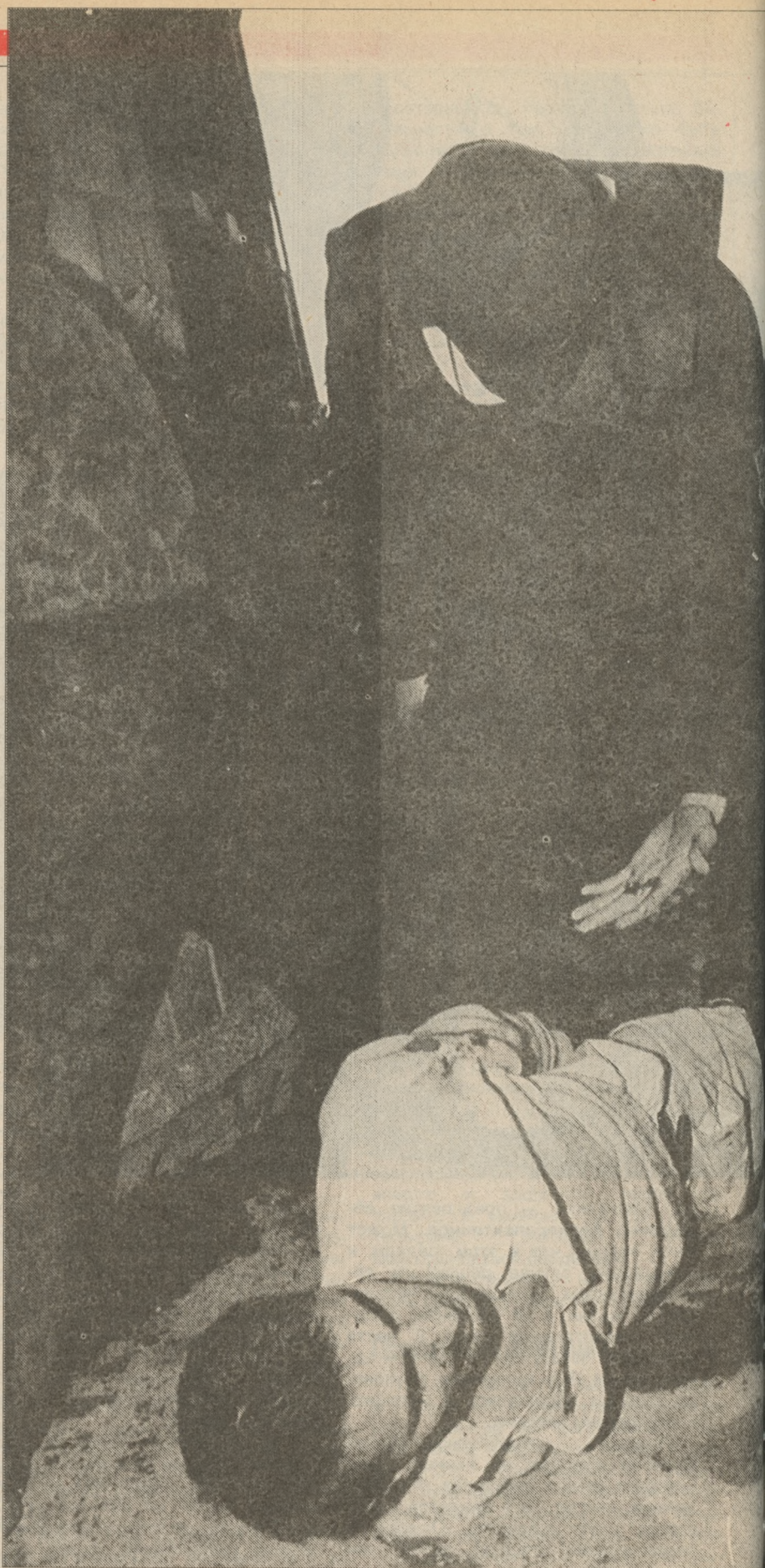
В тот же день заложник, по требованию похитителей, позвонил в Екатеринбург директору своей фирмы и сказал, что если тот завтра же не привезет 20 тыс. долл., его (заложника) четвертуют, а посылки с частями тела пришлют по почте.

И вот назавтра, 26 мая, мы, двое журналистов, в составе объединенных сил Главного и Регионального управлений по борьбе с оргпреступностью уже полтора часа сидим в засаде на окраине Москвы. Пять автомашин, в том числе красавец микроавтобус с бойцами спецназа, притаились за глухой стеной здания, близко от того места, где спрятан заложник. Его держат в офисе вполне легальной фирмы, который, в свою очередь, расположен на территории охраняемого склада — и попасть туда непросто.

Мы знаем, что директор из Екатеринбурга уже приземлился в Домодедове и уже приехал сюда, на Кантемировскую, 59. Два оперативника, сопровождавшие его от самого дома под видом сослуживцев, вошли вместе с ним, и там сейчас идет яростная торговля. Для правдоподобия екатеринбуржцы просят бандитов сбавить цену и клянутся, что отдадут деньги сразу, как только заложник сядет в такси. Весь разговор прослушивается в головной машине ГУОПа.

В конце концов бандиты соглашаются. Они выводят заложника за ворота склада, то есть в безопасное для него место.

И одновременно встает на дыбы белый, как свадебный, автобус, в окнах которого уже не человеческие лица, а черные маски с узкими прорезями для глаз. «Тяжелые» пошли», — раздается над ухом, и наша машина выскакивает из-за угла вслед за другими, чтобы тут же затормозить у

злополучного склада.

...Теперь мне кажется, что тот, кто хоть раз попал в лапы спецназа, до конца дней своих будет прилежно трудиться у станка и уступать места старушкам в автобусе.

Наверно, прошла минута. Или не прошла. Но четыре холеных, чистеньких мальчика уже валялись бесформенными кровавыми кулями на земле. И охранники склада — такие же молоденькие, в пятнистой форме — торчали распятыми вдоль кирпичных стен, как в «золотом сечении», символизирующем гармонию человека. «Мы боялись, что они начнут размахивать руками», — тихо сказал кто-то за моей спиной...

Выяснилось, что обе фирмы, московская и екатеринбургская, были партнерами по бизнесу. Но однажды москвичи внезапно повысили цену на товар: то ли доллар скакнул вверх, то ли еще что. В Екатеринбурге продать товар по новой цене не смогли и вернули его нереализованным. А поставщики потребовали заплатить неустойку. На том и рассорились.

Заложника долго возили с места на место, пытаясь пристроить понадежнее, но в итоге ничего лучшего не придумали, как держать у себя в офисе. Золотую цепочку и полтора миллиона наличными отобрали «за вежливое обращение». А потом еще заставили получить на молокозаводе товар на 9,5 миллиона (фуру, загруженную соком) — в кредит, от имени его фирмы, — чтобы продать самим.

Названия обеих фирм и фамилия заложника упоминались в газетах, но я не хочу их повторять — зачем бедить подживающие раны.

Наказание

Вот тут-то и начинается самая чертовщина.

Как только с блеском (стрельбой и спецназом) захваченный вымогатель заявляет, что требовал он «сва-

во», кровного, а не чужого, хотя и несколько экзотическим способом, сразу вступает в действие ст. 200 УК РФ — самоуправство.

Цитирую: «Самоуправство, то есть самовольное, с нарушением установленного законом порядка, осуществление своего действительного или предполагаемого права, причинившее существенный вред гражданам либо государственным или общественным организациям, — наказывается исправительными работами на срок до шести месяцев, или штрафом... или общественным порицанием...»

Ну и каким же таким «порицанием» сейчас кого испугаешь?

Правда, год назад законодатели пересмотрели ст. 125 (похищение или подмен ребенка), распространили ее также и на взрослых, увеличив при этом срок наказания до 12 лет лишения свободы. Но расследование по ней идет долго и со скрипом. Статья эта из разряда «прокурорских», а отловить ночью плюс к вымогателю еще и следователя прокуратуры, чтоб возбудил дело, — задача почти нерешаемая. Первый заместитель прокурора Москвы Юрий Смирнов создавшуюся ситуацию прокомментировал так: в некоторых прокуратурах осталось всего по два следователя, они по локти в крови — идут сплошные убийства, а тут в наличии всего лишь какие-то синяки.

Прокуратуру понять тоже можно.

«Рано или поздно они убьют заложника, — сказал мне на прощанье Валерий Королев. — Не хочу быть мрачным пророком, но все идет к этому».

Спустя неделю «Комсомольская правда» опубликовала статью «Они так его мучили перед смертью, что он стал святым». В Ростове трое ублюдков задушили семиклассника, взятого сначала в заложники.

Тяжелые пошли времена.

Как хорошо быть либералом!

Плач по либерализму — дело в России привычное

Виктор КОПИН

Начиная с Пушкина и кончая Неводворской, все ведут пропаганду принципов свободы, а общество пребывает по-прежнему в царстве необходимости. Марина Салье даже опубликовала статью «Катастрофа либеральных принципов» («НГ», 24.03.94), долженствующую потрясти мир происшедшим с Россией несчастьем. Но... катастрофа прошла незамеченной.

Да и была ли она, катастрофа-то? Откуда вдруг уверенность, что в России либерализм «был да сплыл?»

Суть либерализма точно выразил К.Маркс в тезисе о «свободном развитии каждого как условия развития всех». А вот американский социолог Т.Парсонс в конце 40-х годов считал исторический материализм Маркса просто версией утилитаристского индивидуализма. Мало того, долгий период либералов учили в марксизме, а русские либералы вообще испытали на себе его прямое влияние. И в настоящий период многие бывшие преподаватели марксизма с необычайной легкостью стали либералами, т.е. антикоммунистами.

Либерализм во главу угла ставит свободу личности, индивидуализм, отказывая государству в праве ограничивать свободы граждан. Как бы ни различались версии либерализма, общим для них является признание необходимости устранения государства из всех сторон общественной жизни, и в первую очередь — из экономики. Государство, следовательно, должно быть слабым, а индивид — сильным. В этом сходство либерализма и марксизма (в теории, по крайней мере). Правда, методы реализации этого тезиса в марксизме и в либерализме противоположны: марксизм не признает разделения властей и парламентаризма, связывает частную собственность с отчуждением и пр.

Кое-какая польза от государства, считают либералы, есть. В экономике, например, государство обязано ликвидировать монополии и заботиться о существовании конкуренции (хотя и здесь либералы не особенно доверяют государству — оно норовит создавать собственные монополии). Даже признавая необходимость государства, либералы питают к нему недоверие: в экономике оно неэффективно, в политике — вредно, в морали — безнравственно, в искусстве — бесполезно. Государство плохо не потому, что оно — «машина для угнетения» (по версии марксизма), а потому, что неэффективно и для своего существования нуждается в дотациях, паразитируя при этом на деятельности эффективных экономических субъектов. Никто из либералов не отрицает государство попусту: есть и конкурентоспособные государственные предприятия. И слава Богу. Но неэффективное должно освободить дорогу эффективному.

Заявлялись ли в России подобные установки? Нет. В России толкуют про «сильное государство». Некоторые намеки на либерализм делал Егор Гайдар, пропагандируя идеи «дешевого государства», однако порожденная им же безумная налоговая политика немедленно заглушила либеральный трезвон. Вероятно, только Лариса Пияшева критиковала политику Е.Гайдара с последовательностью либеральных позиций. Она предложила метод «обвальной приватизации», который за месяц-два полностью ликвидировал бы государственную монополию. Граждане стали бы богаты и сильны, а государство — как получится. От Л.Пияшевой отмахнулись как от назойливой мухи. Сейчас Е.Гайдар фактически отошел от либерализма, он сам уже упрекает оппозицию за то, что она не желает, чтобы Россия была сильной.

Так ли это? Нисколько. Про «силь-

ное государство» твердят и Геннадий Зюганов, и Владимир Жириновский. Коммунисты перестали учить про «отмирание государства», патриотизм потребовал единого и неделимого государства Российского. Разумеется, чрезвычайно сильного. Казалось бы, именно оппозицию неустанно долбят дубинками на митингах, а вот поди ж, недостаточно государство сильно.

В ноябре 1993 года Виктор Черномырдин утвердил «Перечень оружия, боеприпасов, боевой и специальной техники, специальных средств, состоящих на вооружении внутренних войск МВД РФ». Теперь у внутренних войск будут не банальные пистолеты Макарова, но гранатометы, пулеметы, зенитные и авиационные пушки, ракеты, бомбы, противотанковые мины, БТРы и БМП, даже бронепоезда. Забыты разве что установки «Град», и теперь непонятно, как будут без них отделения милиции сражаться с преступниками. Нельзя, впрочем, отрицать, что к удовольствию коммунистов государство стало посильнее, а будет ужас каким

АЛЕКСАНДР УТРОБИН

мощным — в постановлении обещано все вышеупомянутые арсеналы обновлять и модернизировать.

Недавно Борис Ельцин направил в Думу поправку к бюджетному посланию, считая необходимым выделить на оборону в 1994 году не 37 триллионов рублей, а 55. Как пояснил Юрий Батулин, это первое конкретное дело, вытекающее из Договора об общественном согласии. Надо думать, будут и другие в заботе о сильной державе.

Сила есть — ума не надо. Либерал Андрей Козырев вдруг стал назойливо подчеркивать, как сильна Россия, что она — не «банановая республика», у нее особенная статья и «она не позволит!». «С Россией можно разговаривать только на «Вы», — заявляет президент.

Да зачем же демократическому государству демонстрировать силу? Что Россия собирается делать со своей мощью? «Запорю!» и «разорю!» — все это уже было. Разделение властей для того и придумано, чтобы нейтрализовать взаимную удаль молодецкую, чтобы неповадно было

махать кулаками.

М.Салье в своей статье про катастрофу порицает власти за недостаток нравственности, за то, что стали сильно задерживать зарплату и «перестали регулярно платить даже те жалкие гроши, которые платило коммунистическое государство». А что ждала уважаемая М.Салье от государства? Слышала ли она истории о задержках зарплаты частниками? И вообще, может ли либерал мечтать о каком-то «наполнении этикой» деятельности государственных чиновников? Не платить зарплату может позволить себе только сильное государство. У нас оно как раз и не платит, значит, пока оно сильно.

Отличительной чертой любого сильного государства является взяточничество, коррупция, попрание законов. Россия на протяжении столетий была сильна этим. А.Герцен отмечал, что в России взятки берут все, кроме немцев, а уж если чиновник не берет взятку, то он — невероятный злодей. Положение с тех времен изменилось мало. Что за причуда вла-

стей — ваучеры, как будто специально придуманные для интенсификации взяточничества? Откуда тяготение к модели приватизации, разработанной в XIX веке коммунистом Прудоном (не зная, правда, что «боны» следовало бы именовать «ваучерами»)? Во всем мире собственность продают за деньги, у нас — непонятно за что. Значит, за взятки. Кстати, помнит ли читатель, что российские либералы дружно осудили идею продажи собственности, так как «народное достояние скупит мафия»? И может ли справиться президентский контроль с порожденной системой взяточничества силой, даже если и снабдить Контрольное управление администрации президента баллистическими ракетами?

Широковещательные заявления о «сильной России» пугают не только предпринимателя внутреннего, но и внешнего. На «силу» расходуется половина бюджета, на «ум» — в 10 раз меньше, не абсурд ли? Можно ли силой заманить западного инвестора? Сила нужна только для того, чтобы «тащить и не пущать». Что бы подумал российский гражданин, если бы ни с того ни с сего Германия, Франция или Англия стали долдонить о своем величии и силе? Вообразите теперь, какое впечатление оказывают на западного предпринимателя заявления российских властей. Вот пример «специфики» российского либерализма: американская компания «Фибро Энерджи» поместила в проект «Белые ночи» 100 миллионов долларов, а правительство после этого обложило ее дополнительной данью. Куда жаловаться? У власти — сила. И отсутствие ума, когда оно надумало получать с зарубежных инвестиций налог, полагая, что это в особенности понравится инвесторам.

Какой нужен России опыт, чтобы доказать преимущества демократии над силой? Война демократических Афин с сильной Спартой? Крушение французской революции, когда гражданам внушалось, что «одна Республика должна быть богата, великолепна и всемогуща», но не сами граждане? Свой собственный опыт?

Политолог Алексей Кива, обладающий удивительной способностью «отклоняться с линией», потратил немало усердия для доказательства совместности демократии и силы. Главный аргумент — «специфика России». Хороша специфика, если именно она не дает возможности деньгам быть деньгами, а собственности — собственностью. Даже если раздобыть ваучеров, избавиться от государства нельзя, приоб-

ретая собственность: оно норовит и там оказаться «акционером». И в будущем будет нельзя, когда ваучерный этап приватизации закончится. «Кусочек» государства таков, чтобы иметь возможность контролировать управление собственностью.

В «Записках президента» Б.Ельцин пишет, что кандидатура Хасбулатова была им одобрена потому, что он был «тихим». И Зорькин — «тихим». И тот и другой совсем забылись и возомнили себя властью. И что удивительно для их постов — сильной властью. Известно, чем это кончилось. Но извлечены ли уроки?

Демократия — это общественное устройство, когда представительная власть принимает нравящиеся гражданам законы. Исполнительная власть не нуждается в силе для принуждения граждан их исполнять. Судебная — не страшит граждан карамми. Сила необходима, если власти пытаются внедрить что-то противное гражданам. Но тогда это — не демократия, а что-то очень знакомое. Специфика России.

Специфика России еще в том, что у нас были специфичные либералы. Сейчас стало модным ссылаться на работы русского философа Семена Рабрана послереволюционного периода, когда он стал проповедовать идеи государственности как позитивные. Будь, дескать, государство посильнее, оно не допустило бы

большевиков к власти. Точно так же повели себя и коммунисты, утратив власть: они неожиданно стали «патриотами» и «державниками». Ни о чем подобном, будучи при власти, они и не помышляли, они были «интернационалистами». И дореволюционных либералов стала заботить судьба державы только тогда, когда их выперли из России. На это можно заметить единственное: будь российские либералы поумнее, именно они бы выдвинули лозунг «земля — крестьянам». Но это сделали другие.

Будь нынешние либералы полиберальнее, они бы сказали: «Россия, ты одурела!» (вернее, «Вы одурели!»), так к России надлежит, согласно президентскому предложению, обращаться. «У Вас нет ни возможности, ни нужды быть сильной, Вы должны быть умной». Однако российская специфика не позволяет ограничить расходы на силу, как это сделали японцы, тремя процентами.

Будь нынешние либералы поумнее, они не позволили бы нагородить государственных границ, где державные силы препятствуют свободе торговли. Зачем такая «специфика»?

Есть ли вообще в нынешней политике специфическое отличие от либеральных идей В.Жириновского? Пожалуй, только в том, что он искреннее и последовательнее, он не скрывает, зачем государству нужна сила, тогда как либерал Кива только реко-

мендует выдумывать специальную идеологию (попривлекательнее, чтобы победить на выборах, и «понятную народу»).

В прочем, не все так мрачно. Реформы хоть как-то, но идут. Можно вполне удовлетвориться гегелевским замечанием о том, что «лучше плохая погода, чем никакой». Рынок излечивает все причуды властей, и можно надеяться, что они уже не смогут вчистую разорить своих граждан ради непонятных амбиций. Единственное, что возмущает, так это усвоенная либералами за годы преподавания марксизма привычка «убедительно» обосновывать прихоти властей (ввели войска в Афганистан — «как это мудро с марксистских позиций!»). Как же можно без идеологии? Без партии гудошников «сыты будем, с хлебом будем»? Без идеологии никак нельзя.

Вот вам либеральная идеология. Деньги нужны для того, чтобы покупать собственность. Товары — чтобы их продавать. Государство — непонятно зачем, но уж вовсе не для того, чтобы мешать осуществляться цепочке «Т—Д—Т» и «Д—Т—Д». Можно ли с такой идеологией побеждать на выборах, неизвестно, но она чертовски привлекательна! И главное — прошла проверку практикой.

Конференция «КГБ: вчера, сегодня, завтра» стала уже традиционной — чуть больше года прошло со дня первой, а недавно состоялась уже четвертая. Организатор всех мероприятий — Сергей Григорьянц, известный в прошлом диссидент и правозащитник. Самая первая конференция прошла с большой помпой, привлекла внимание зарубежной и отечественной прессы и вызвала резкое недовольство тогдашнего Министерства безопасности. Именно тогда Олег Калугин, отставной генерал КГБ, и сделал сенсационное заявление: один из лидеров оппозиции, Сергей Бабурин, — негласный агент КГБ...

Впоследствии ажиотаж спал, и третье мероприятие этой серии проходило уже в полупустых залах и почти при полном отсутствии журналистов — на дворе был октябрь 93-го. По словам представителей Оргкомитета, Федеральная служба контрразведки (ФСБ) —

«КГБ: вчера, сегодня, завтра» — четвертый раунд на ринге

правопреемник КГБ — продолжает чинить препятствия организаторам, делает все возможное, чтобы сорвать и дискредитировать конференцию. Во всяком случае, действующим сотрудникам ФСК выступать здесь запрещено. Поэтому за всех своих бывших и нынешних коллег отдуваться пришлось Юрию Кобаладзе — шефу пресс-службы разведки. Надо отдать должное его бойцовским качествам — полемизировать он умеет неплохо. Свой основной удар он обрушил на вышедшую недавно книгу бывшего генерала НКВД Павла Судоплатова, сотрудника сталинских еще органов госбезопасности, специалиста по убийствам и террористическим актам. В своей книге, по словам Кобаладзе, он утверждает, что честь раскрытия атомных

секретов США всецело принадлежит советской разведке и без нее, мол, советские ученые не смогли бы вовремя изготовить свою бомбу. Господин Кобаладзе утверждает, что произведение Судоплатова пестрит неточностями, лживыми утверждениями. Он обвинил отставного генерала и в нарушении неписаных норм корпоративной этики...

Но самым интересным, на мой взгляд, было выступление адвоката Андрея Рахмиловича. На основе анализа комплекса документов он пришел к неожиданному выводу: сотрудники спецслужб не несут уголовной ответственности за нарушения закона! Чекисты могут вскрывать чужие письма, прослушивать телефоны и квартиры, проводить негласные обыски — все без санкций

прокуратуры! Запрещено законом? Ну и что — ведь нет ни единой строчки в Уголовном кодексе, предусматривающей, что за нарушение, например, закона «Об оперативно-розыскной деятельности» сотрудник спецслужбы будет осужден на какое количество лет! Парадокс: закон есть, но санкций за его нарушение нет! Даже «Правила дорожного движения» выглядят в этом смысле солиднее. Пожалуй, за последние несколько лет впервые обращено внимание на эту прореху в нашем законодательстве.

Однако похоже, что организаторы испытывают трудности с приглашением новых людей — выступают почти одни и те же ораторы; произносятся почти одни и те же слова. Складывается впечатление, может быть, и ошибочное, что конференция постепенно выдыхается. Жаль, если это действительно так.

Владимир ВОРОНОВ

Приватизация Солженицына

У Солженицына был потрясающий, неповторимый шанс. Он мог прийти к умирающему коммунистическому режиму, как Каменный гость к Доне Анне. В 1990-м он писал, что часы коммунизма свое отбили — и его приход мог бы стать их последним ударом. Вернись он в Россию в 1990-м — начале 1991-го, у всех было бы впечатление (так бы и в историю вошло), что приезд Солженицына и стал последним гвоздем, забитым в гроб коммунизма. Ростропович взмахнул дирижерской палочкой и прядью седых волос — и влетел в русскую историю (хотя через день улетел из «Белого дома» в Париж). Солженицын в 1990-м — начале 1991-го воплотил бы мечту Маяковского: «Мой стих трудом громаду лет прорвет и явится весомо, грубо, зримо, как в наши дни вошел водопровод, сработанный еще рабами Рима». Солженицын вошел бы грузной поступью Судьбы, вошел как Приговор Истории.

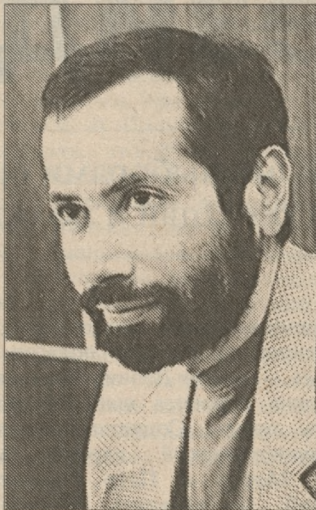
Почему он тогда это не сделал? Неужели важнее, интереснее описывать вращение Красного Колеса, чем собственноручно, своей рукой остановить это, уже рассыпающееся Колесо? Как он мог упустить этот единственный и неповторимый шанс — шанс из летописца стать творцом русской истории, перевернуть последнюю страницу главы? И какой главы!..

Но почему-то он этот величайший шанс своей жизни упустил. Шел, шел в гору — а перед вершиной остановился. Он возвращается в совсем другую, новую, постсолженицынскую Россию. Россию, которая пережила все те проблемы, которыми жил Солженицын, Россию, жадную, как никогда, до жизни сегодняшней, смотрящую не назад, а только вперед. Прошлое мучительно болит (а значит, является чем-то очень важным) накануне революции, накануне рождения нового — но как только младенец появился, прошлое умерло, стало чужим, ненужным. «Иди за Мною и предоставь мертвым хоронить своих мертвецов». Живая Россия, не поворачивая головы, идет за уродливым, но могучим младенцем — капитализмом. Историк, перестав быть пророками и вернувшись к тихой научной работе, с удовольствием перезахоранивают своих мертвецов.

Ну а Солженицыну что делать?

В 76 лет «начать сначала»? Или в компании историков (профессиональных и любителей) ковыряться среди разном похолодевших могил — могил Ленина, Сталина, Николая и т.д., могил, внезапно осиротевших, превратившихся в... обычные могилы?

Гибель КПСС, СССР нанесла страшный удар русским писателям, художникам, ученым-гуманитариям. Погиб мир, в котором (борьбой с которым) они жили. Но, наверное, ни для кого этот удар не был так жесток, как для Солженицына. В юности он поставил перед собой задачу — написать историю России и революции. Тогда он был правозащитным марксистом и история

Леонид
РАДЗИХОВСКИЙ

Говорят, великое искусство — вовремя уйти, пока еще в силе. Но не меньшее искусство — вовремя прийти. То же самое — пока еще в силе.

мыслилась по типу подробного — «Краткого курса истории ВКП(б)». Солженицын (как и Толстой) — один из немногих людей, не просто строящих планы, но и живущий по ним. План выполнен — «Красное колесо» написано. План в огромной степени перевыполнен — благодаря усилиям Солженицына колесо завертелось на месте волчком и рухнуло на землю.

Программа жизни реализована. Жизнь продолжается. Чем жить?

Идеология исчерпана. Идеолог остался с чем? Нормальный человек впал бы в тяжелую депрессию. Но Солженицын слишком мужественный человек, получивший слишком много страшных ударов. Сломить его нельзя. Как опытный зэк в одиночке, он выдумывает себе все новые задания, чтобы не остаться наедине с пустотой.

Что же он может сделать, какой глобальный «проект жизни» для себя составить?

Напоминать о былых заслугах? Унизительный, но надежный способ, чтобы о них все как можно быстрее забыли.

Пророчествовать, глаголом жесть сердца людей? Сердца — сырые дрова, к пророчествам невосприимчивы. Какой-то студент уже довольно нагло сказал Солженицыну примерно так: что вы лезете в пророки? У Толстого — и то не вышло! Солженицын достойно ответил: никуда я не лезу, но выражать свое мнение могу.

В этом ответе — новая жизненная философия. Пророк разоружается, «приватизируется», т.е. становится частным, частным лицом. Позиция умная, мужественная (для такого человека, как он!), единственно разумная. Но — хватит ли сил на ней удержаться, не сорваться в пророчества — пророчества сегодня ненужные, а то и — увьи! — вызывающие смех?..

«Пророчества» сегодня тем более не нужны, что никаких глобальных, набатных «Жить не по лжи!», «Не могу молчать!», «Подморозить Россию!» и т.д. просто не получится. Они придуманы при диктатуре и рассчитаны на диктатуру. Тотальный ответ («истина одна») тоталитарной системе. Демократия такого не вмещает — как малагабаритная квартира не вмещает орган. И писатели, и философы, и даже пророки у демократии другие — изящные, локальные, частные, не зовущие, а развлекающие. Такой уж это строй — диктата (прежде всего морального) не терпит.

Смирится ли с этим Солженицын?

Власть и Церковь будут тащить его к себе, пытаясь составить вечный треугольник: православие — самодержавие — народность. Устоит ли Солженицын перед соблазном стать Госпителем (Максимум Горьким 90-х годов), зачеркнув всю свою предыдущую жизнь. Если он сумеет достойно пройти испытание смирением, будет «просто» писателем, частным писателем, то это станет самым главным моральным подвигом Аввакума XX века.

Битва за кресло с надписью: «Президент»

Ситуация с досрочными выборами президента Украины принесла уже много сенсаций и неожиданных поворотов

Сергей ШАПОВАЛ

Кравчуку не удалось добиться переноса выборов президента и местных органов власти с 26 июня на более поздний срок. Не были приняты его главные аргументы — необходимость создания до выборов законодательной базы, нужной для функционирования исполнительной власти, и принятие новой Конституции. Парламент не остановило даже то, что, по мнению Кравчука, «акция 26 июня лишит президента, правительство и парламент Украины возможности влиять на регионы». «Все знают о противоречиях Украины и Крыма. Мы рискуем тем, что

эта напряженность может быть ратражирована на все области Украины», — заявил Леонид Кравчук.

Против переноса выборов высказались лидеры Социалистической и Коммунистической партий Александр Мороз и Петр Симоненко, бывший председатель Верховного Совета Иван Плющ и Межрегиональный блок реформ, возглавляемый Леонидом Кучмой и Владимиром Гриневым. За отсрочку выступали некоторые национально-демократические партии, в том числе и Рух. По словам Вячеслава Черновила, выборы в ситуации неопределенности полномочий президента и местных советов безразличны.

«Идет драка за президентское кресло, на котором пока ничего не написано», — сказал в интервью лидер Руха.

Список кандидатов в президенты и результаты парламентских выборов достаточно точно отражают настроение в сегодняшней Украине. Если во время предвыборной президентской кампании 1991 года из шести претендентов было два диссидента, многолетних политзэка (Вячеслав Черновил и Левко Лукьяненко) и два ярко выраженных интеллектуала-демократа (Игорь Юхновский и Владимир Гринев), то два с половиной года спустя Украина предпочла бывших партийных работников и «крепких хозяйственников».

Леонид Кравчук

Прошел по всем ступеням партийной иерархии до второго секретаря ЦК КПУ. Сделал свой политический капитал на том, что в отличие от других партийных руководителей еще в 1989 году вступил в диалог с руководителями Руха, воплощавшего в те времена «украинский буржуазный национализм». После избрания в 1990 году председателем Верховного Совета проводил достаточно гибкую политику, устраивавшую Москву и вселявшую надежду на постепенный отход Украины от России. После августа 1991 года его выступления все труднее стало отличать от руховских, совсем недавно считавшихся весьма радикаль-

ными. Одержал убедительную победу на президентских выборах 1991 года. Затем довольно быстро стал терять авторитет, напрямую связанный с эффективностью экономических реформ. Ни разу не отважился ни на одно решительное действие. Завоевал в народе славу «хитрого лиса», заботящегося, прежде всего, о собственном репуте.

Леонид Кучма

До избрания народным депутатом Украины руководил производственным объединением «Южный машиностроительный завод» — одним из самых крупных оборонных предприятий в СССР. Прорделал путь от инженера до секретаря парткома и далее до поста генерального директора. Стал лауреатом Ленинской премии в области закрытых космических исследований. В конце 1992 года занял пост премьера. Отважился на некоторые радикальные шаги в области реформирования экономики, принесшие позитивные результаты: на некоторое время был приостановлен спад производства, снизилась инфляция. Однако затяжные тяжбы с парламентом, стремившимся ограничить

полномочия правительства, отсутствие четкой позиции президента постепенно свели на нет все усилия кабинета Кучмы: менее чем через год премьер ушел в отставку, а правительство было «очищено» от реформаторов. За Кучмой закрепилась репутация человека, которому «не дали сделать дело», поэтому он обладает некоторым запасом народного доверия.

Александр Мороз

Вышел из недр партийного аппарата среднего звена. Долгое время не был замечен среди политиков, хотя и возглавлял группу большинства в парламенте. После создания в 1991 году Социалистической партии и серии радикальных выступлений Мороз приобрел широкую известность как защитник народных интересов. Он активен, часто выступает на предприятиях, последователен в аргументации, не догматичен. Социалистическая партия и председатель ее политсовета Мороз пользуются поддержкой в промышленных районах (например, в Донбассе) и менее популярны на селе.

После сдачи подписных листов в Центризбирком выявились пять «финалистов» предвыборного президентского марафона в республике: нынешний президент Леонид Кравчук, бывший премьер-министр Леонид Кучма, председатель прежнего Верховного Совета Иван Плющ, лидер Социалистической партии Александр Мороз и министр образования Петр Таланчук.

В условиях неразберихи, царящей в общественном мнении на Украине, и формирования нового расклада сил в парламенте трудно прогнозировать исход президентских выборов. Неожиданное для многих избрание Александра Мороза спикером парламента (что не отменяет его участия в предвыборной кампании) сделало ситуацию еще более неопределенной, тем более что поговаривали о том, что Кравчук договаривался именно с Морозом о возможности переноса выборов. Однако, судя по всему, они состоятся. Стало быть, с большой долей уверенности можно говорить о том, что основная борьба за пост президента развернется между Леонидом Кравчуком, Иваном Плющом и Леонидом Кучмой.

При всем недовольстве властями

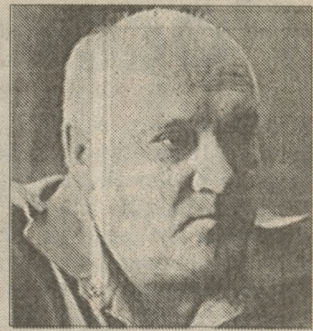
люди предпочитают действующих политиков. Некоторые эксперты с уверенностью говорят об отсутствии шансов на успех у Кравчука и прогнозируют победу Плюща, объясняя ее возможностью получить большинство голосов на селе. Учитывая умение Кравчука виртуозно выходить из довольно сложных положений и способность нравиться разным слоям населения, его победа представляется, тем не менее, весьма вероятной. А Плющ, поторопившийся заявить, что будет претендовать только на пост президента, рискует оказаться рядовым народным депутатом. Леониду Кучме, убедившемуся в непопулярности созданного при его участии Межрегионального блока реформ, пришлось пойти на контакт с определенной частью прокоммунистических сил, чем он и оттолкнул от себя национально-демократические партии и движения.

Следует ли ожидать перемен в украинско-российских взаимоотношениях

Иван Плющ

Появился на украинском политическом олимпе после долгих лет работы в советских и партийных органах Киева и Киевской области. После избрания Кравчука президентом переместился в кресло спикера. Заседания парламента часто стали походить на небольшие импровизированные концерты: председатель радовал зрителей простотой нравов, явной одновременностью образованием и знаменитым «суржиком», т.е. гибридом украинского и русского языков. На политическом поприще Плющ явно преуспел, научившись проталкивать нужные решения и виртуозно заваливать ненужные. В народе, особенно среди сельских жителей, пользуется определенной популярностью в силу своей простоты и «народности».

Петр Таланчук

Стал известен, когда, будучи ректором Киевского политехнического института, отважился предоставлять помещения для собраний, проводимых Рухом, в том числе и для его первого съезда. После провозглашения независимости Украины сместился в сторону «партии власти» и был назначен на пост министра образования. Очень трудно говорить об известности Таланчука в народе, но среди студентов он известен: в первую очередь им он обязан тем, что набрал нужное количество подписей для участия в выборах.

в связи с парламентскими и президентскими выборами? Слияние Украины с Россией, о котором заговорили в последнее время, вряд ли произойдет, а вот «сближение», обещанное левыми силами, победившими на парламентских выборах, произойдет, и, возможно, с ущербом для украинского суверенитета. Подобный курс наиболее вероятен и в случае победы Леонида Кучмы, рейтинг которого сейчас достаточно высок. Кроме того, парламенту еще предстоит определить полномочия президента, и вполне возможно, что он будет наделен лишь представительскими функциями. А в этом случае политику будет определять Верховный Совет, в руководящих органах которого представители левых — коммунисты, социалисты и аграрники — уже получили большинство.

Изменения же позиции по поводу крымской проблемы, на которые рассчитывали власти Крыма после избрания спикером Александра Мороза, похоже, не будет. Украинские левые, готовые к более тесной экономической интеграции с Россией, уже заявили, что намерены отстаивать территориальную целостность Украины.

Россия и Совет Европы

— Иван Петрович, в последнее время явно затормозилось движение России в полноправные члены Совета Европы. Мы до сих пор как бы отстранены от решения общеевропейских проблем. На Парламентской Ассамблее в Страсбурге мы — лишь «специально приглашенные»... Известно, что вы, в том числе и по должности, непосредственно занимаетесь этой проблемой. Собирается ли российский парламент ускорить вступление в Совет Европы? И будем ли мы вообще его членами?

— Да, несомненно, Россия вступит в Совет Европы, будет его полноправным членом. Мы, однако, не собираемся подгонять события искусственно. Мы избрали алгоритм решения этого вопроса, предложенный председателем Парламентской Ассамблеи Совета Европы господином Мигелем Мартинесом, с которым у меня состоялась продолжительная беседа. Этот алгоритм вполне разумен.

— А как вы относитесь к тому, что ряд стран — членов Совета Европы противятся тому, чтобы Россия вступала в эту организацию?

— Я уже высказывался по этому поводу, в том числе и в разговоре с председателем Парламентской Ассамблеи: конечно, эти страны имеют право на свое мнение, но... Знаете, как говорится, не худо бы им и на себя посмотреть. И думать о будущем, а не пытаться жить одним днем.

— Вы имеете в виду страны Балтии?

— Не все страны Балтии настроены одинаково. Очень взвешенная позиция в этом вопросе, например, у Финляндии (мы совсем недавно говорили на эту тему с президентом Финляндской республики) — она поддерживает наше стремление вступить в Совет Европы. Что касается нас, то мы, как известно, готовы сотрудничать в этом направлении и с нашими бывшими прибалтийскими республиками, ныне — суверенными государствами. У меня нет особых опасений, что отношения с этими странами осложнятся из-за наших войск: они, безусловно, уйдут оттуда — и из стран Балтии, и из Германии. Здесь не будет проблем.

Иван РЫБКИН:

Нам не жить друг без друга...

— Вы сказали на встрече с председателем Парламентской Ассамблеи Совета Европы Мигелем Мартинесом, что Россия готова выполнить все требования и формальности, чтобы стать полноправным членом Совета Европы. Но, как известно, требования эти подчас не очень-то соотнобразуются с сегодняшней российской реальностью, например, в части совершенствования законодательства. Как это препятствие может быть преодолено?

— Да, члены Совета Европы предъявляют нам различные требования о приведении нашего законодательства в соответствие с общедемократическими требованиями. Но они многого не учитывают в специфике российских реформ и в нынешней ситуации в России — и внутриполитической, и экономической. Во все времена нас призывали откорректировать наше законодательство — и в период существования СССР, и далее — РСФСР, и сейчас — при Российской Федерации... Но я говорю: господа, присмотритесь внимательнее — только что, в декабре прошлого года, принята совершенно новая российская Конституция, состоялись первые, по сути, демократические выборы в парламент!.. Это как раз то, на чем вы, Запад, все время настаивали. Конституция эта, между прочим, вобрала весь лучший демократический опыт, который накоплен в цивилизованном мире, она прошла самую пристальную

независимую экспертизу в Совете Европы, что же еще-то надо?! Мы, согласно этой Конституции, строим правовое государство, создаем новое законодательство, целые новые блоки — Гражданский кодекс, Избирательный кодекс, Административный, Уголовный, Уголовно-процессуальный, Водный, Воздушный, Земельный кодексы... Многое другое. И опыт ваш нам очень пригодится. Поэтому давайте работать вместе. Зачем же мы опять будем изобретать велосипед, когда уже разработано столько полезного в цивилизованном законодательстве? Зачем же мы будем входить, как говорится, в чужой монастырь со своим уставом?..

— Не кажется ли вам, что многие европейские страны просто-напросто... боятся вступления огромной и не слишком предсказуемой сегодня России в Совет Европы, оттого и выдвигают время от времени все новые и новые условия для приема нашей страны?

— Да, есть и это... Наша политическая ситуация внутри страны многих пугает, это безусловно. Я везде говорю, сказал это и Мигелю Мартинесу: таких политиков, которые призывают к «последнему броску на юг» или еще куда-нибудь за пределы России, чтобы омыть в чужих океанах свои солдатские сапоги, ничтожное меньшинство в российской общественной жизни. Абсолютно уверен, что мы, Россия, несмотря на свою «огромность», никогда не будем в Совете Европы «слоном в посудной лавке», хотя именно этот образ некоторые на Западе пытаются нарисовать. Они убеждают всех, что, когда Россия взойдет на европейский корабль, он получит крен. Но я считаю, что с нашим приходом река, по которой этот корабль плывет, станет намного полноводнее: если раньше он плыл по воде, которую составляли Рейн, По, Одер, Сена, то теперь мы добавляем туда свою Волгу, Урал, Каму, Оку... Чем плохо? Словом, я знаю одно: нам с Европой надо скорее быть вместе. Это я сказал и председателю Парламентской Ассамблеи Совета Европы. И он со мной согласился.

Григорий КРОШИН

Масоны во Франции: от президента до кухарки

Во Франции сто тысяч масонов. Они предпочитают оставаться в тени и утверждают, что принципиально не занимаются политикой. Однако в коридорах политической и экономической власти их можно встретить все чаще. Одни связывают это с симпатиями, которые питает нынешний президент Франции Франсуа Миттеран к «вольным каменщикам», другие полагают, что само время призывает масонов к активному участию в государственных делах. Так или иначе — во Франции с масонами принято считаться.

Президент

Во время Сопротивления юный Франсуа Миттеран познакомился со столь же юной Даниэль. Антуан Гуз, ее отец, был директором колледжа в Вильфранш-сюр-Сон и уже много лет заседал в масонской ложе.

28 октября 1944 года Франсуа и Даниэль поженились (браак этот продолжается до сих пор. — Э.Д.). Вскоре Миттеран оказывается в окружении огромного количества «братьев»-масонов. В первую очередь это Жорж Бошан, товарищ по Сопротивлению, который останется верен Миттерану до самой своей смерти. Затем Филипп Дешартр — он станет министром в правительстве де Голля, но всегда по-настоящему будет дружить только с Миттераном.

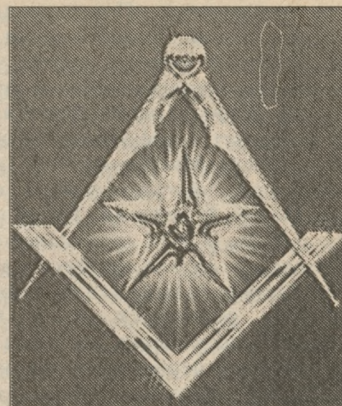
И тем не менее в тот период Франсуа Миттеран еще не был «другом франкмасонов» и с неприязнью относился к созданной ими Радикальной партии.

Сближение Миттерана с франкмасонами пришлось на конец пятидесятых годов, когда будущий президент Франции, потерпев на парламентских выборах поражение от правого кандидата, вплотную занялся организацией левого движения. Первой под крыло Миттерана попала Лига борьбы за республику, членами которой были уже известный нам Жорж Бошан и Франсуа де Гроссувр (на протяжении многих лет — тайный советник президента Миттерана. Недавно застрелился в собственном служебном кабинете в Елисейском дворце. Корреспонденту «Эвенман де жеди» Паскало Кропу незадолго до смерти де Гроссувр говорил о президентском окружении как «о банде, готовой на

все», а о самом Миттеране отозвался как о человеке, «которого в жизни волнуют лишь две вещи — деньги и смерть». — Э.Д.). Затем — Клуб якобинцев, возглавляемый молодым человеком, который уже тогда играл немаловажную роль в масонских ложах Лиона и который сыграет роль еще более важную в будущих социалистических правительствах Франции. Звали молодого человека Шарль Эрню.

Эрню был сыном жандарма-масона. Проведя спокойное детство в Лионе, он вдруг оказался в кругу верти гитлеровской оккупации — без диплома в кармане, без денег... В двадцать лет в 1943 году он поступает на государственную службу и... исчезает. Теперь достоверно известно, что Шарль Эрню не был «активнейшим участником Сопротивления», как о том писали некоторые его биографы. Напротив, в 1944 году он оказывается в правительстве Петена (профашистский, коллаборационистский режим во Франции во время второй мировой войны. — Э.Д.), в отделе рабочей пропаганды, подчинявшемся министерству информации. Затем он попадает в тюрьму в Гренобле — осужден по фактам соглашательства. Французский журналист Жан-Мойз Брайтберг, который занимался именно этим периодом жизни Эрню, собрал неопровержимые доказательства его коллаборационизма: записки петеновской контрразведки, в которых отмечалось «усердие» молодого сотрудника министерства информации, показания его товарищей тех лет, вырезки из газет пятидесятых годов.

Франкмасоны. Участвовали ли они в операции по «отмыванию» прошлого Эрню? Да, участвовали. По крайней мере секретарь комитета по «чистке

Масонский знак

кадров» города Лиона Морис Берла, от которого зависела судьба Эрню, человек очень влиятельный, был, как и отец Эрню, масоном. К тому времени, когда между Эрню и Миттераном произошло сближение, первый уже давно сумел восстановить политическую девственность. Человек крайне расчетливый, Эрню успел вовремя перейти в тот лагерь, который казался ему наиболее перспективным. Он не пожалел сил, чтобы доказать «братьям» правильность своих действий и убедить их в необходимости дальнейшей «разработки» этого направления. Принятый в ложу «Великий Восток» еще в марте 1950 года, Эрню стал заметной фигурой в масонском движении конца пятидесятых.

В то время как Эрню фактически начал выполнять функции посланника масонских структур при большой политике, особой потребности в Миттеране «братья» не ощущали. Кроме того, не было понятно, может ли, в принципе, Миттеран занять место в их рядах. Образование, полученное в церковном колледже, и разность политических позиций... В 1946 году его не пустили в ложу Аббэ-Грегюар, хотя визит был запланирован заранее. (Напомним, что к тому моменту Миттеран уже был министром французского правительства. — Э.Д.). Способен ли он простить подобное унижение? Способен... Если это может пойти на благо делу.

В июне 1964 года была учреждена Конвенция республиканских объединений. Смело можно сказать, что созданием своим она обязана не только и не столько усилиями Миттерана, сколько «работе» крупных масонских функционеров. Взять хотя бы Жан-Андре Фоше, возглавлявшего так называемый «Клуб монтаньяров» — достаточно крупную левую организацию. Его судьба сама по себе представляет живейший интерес

для исследователей. Приговоренный к смерти судом Освобождения за предательство в военное время, чуть позже он становится одним из руководителей Великой ложи Франции, а затем участвует в президентской кампании Франсуа Миттерана 1965 года и занимается урегулированием вопроса о Новой Каледонии. Таких примеров — быть может, чуть менее устаревших — можно привести множество. Не все из окружения Франсуа Миттерана, разумеется, были уличены в соглашательстве, но почти все в тот или иной период времени находилось в тесных взаимоотношениях с масонскими ложами.

Иногда масоны выступали даже слишком смело. В 1984 году, через несколько дней после назначения на пост министра образования Алена Савари, ему дали понять, что все будет не так просто, как он задумывал. (Во Франции в тот момент разворачивалась дискуссия о том, какой должна быть школа — католической или светской, государственной или частной. — Э.Д.) На его свежий энтузиазм вылили целый ушат грязи: Поль Гурдо, выступая от имени ложи «Великий Восток», поспешил выразить свое удивление тем, что впервые «за всю историю Республики» в кабинете министров не оказалось ни одного «посвященного». Стало понятно, что Миттеран упустил последний шанс — министром образования следовало назначить кого-нибудь из «братьев».

Тот же Поль Гурдо дал о себе знать Елисейскому дворцу, направив Франсуа Миттерану весьма нелюбимое послание, в котором взял на себя смелость напомнить президенту его предвыборные обещания, в частности те, которые касались вопроса об образовании. В послании содержались требования создать «эффективную систему светского образования, которая вобрала бы в себя все учебные заведения, финансирующиеся из государственного бюджета».

«Великий Восток» не может пропустить Миттерану фразу, брошенную им во время встречи с журналистами в январе 1992 года, о том, что их ложа, по его мнению, — «небольшая масонская группка», «маленькая группа товарищей». Вскоре руководство «Великого Востока» распространило коммюнике, в котором говорилось: «Подобные утверждения, не имеющие ничего общего с реальным положением дел, могут, тем не менее, бросить тень на все сообщество франкмасонов...» Один из заметных французских масонов, Анри Каявэ, имел возможность побеседовать о масонстве с Миттераном. «Я вспоминаю его упреки, — говорит Каявэ. — «По-

Президент Франции Франсуа Миттеран чему вы прячетесь? Почему вы скрываете?» А в другой раз: «Масоны, их много в моем окружении. Быть может, даже слишком».

Несколькими годами раньше Мишель Баруан, бывший главой «Великого Востока», писал: «Если франкмасонство как таковое не должно быть представлено нигде, поскольку считается делом тайным, то сами франкмасоны, кажется, задались целью быть везде — в политических партиях, в промышленных синдикатах, торговых ассоциациях, кооперативах, обществах страхования». К этому можно только добавить, что Жан-Луи Мандино, нынешний великий магистр Великой ложи Франции, является одновременно вице-президентом Национальной Федерации обществ взаимного страхования.

В настоящее время этой федерацией и Федерацией страховых обществ Франции застраховано около тридцати миллионов человек. То есть на каждую приходится больше, чем по полфранцуза. Суммы, которые уже вложены в различные предприятия и которые только запускаются «в производство», выглядят весьма впечатляюще. Национальная федерация реорганизует сейчас дополнительно шесть тысяч обществ социального страхования, которые имеют совокупный оборот в сорок миллиардов франков. Эти страховые общества владеют центрами социальной трудовой реабилитации, аптеками, оптиками, больницами, зубобра-

чебными кабинетами, яслями, домами престарелых, летними лагерями, туристическими агентствами... Они торгуют продуктами социального страхования и в скором времени по возможностям долгосрочного финансирования могут составить серьезную конкуренцию банковскому сектору.

Будучи инструментом экономической власти, страховые общества одновременно являются и ее центром. Франсуа Миттеран это понял, его присутствие на четырех подряд съездах Национальной федерации — лучшее тому подтверждение.

Мишель Баруан, бывший не только главой «Великого Востока», но и занимавший пост президента компании, Мишель Баруан, которого сводящие люди называли «стрелочником социальной экономики», говорил перед смертью: «Если вы хотите сказать, что в последнее время между франкмасонством и социальной экономикой есть много общего, то да, надо признать — есть. Но не следует забывать об опасности смешения понятий. Могут сказать: «Все люди из сферы социальной экономики — масоны. А это будет уже неправдой. Франкмасонство — это, в первую очередь, особый способ мыслить, чувствовать, жить и действовать».

Кухарка

Французские женщины-масоны носят длинные черные юбки и принимают мужчин только в исключительных случаях. «Сестры» из Великой женской ложи Франции, которая насчитывает сейчас девять тысяч членов, с самого момента ее образования держатся очень осторожно, действуют с величайшей опаской. И это несмотря на то, что их ложа признана и уважаема. Остальные «посвященные» сестры равномерно распределены между тремя «смешанными» ложами: «Право человека», Великая универсальная ложа и Великая смешанная ложа Франции. Это большая победа, поскольку масонская традиция отнюдь не приветствует участие в ложах женщин, более того — фактически запрещает его.

Запрет этот изложен в статье третьей Уложений Андерсона, которые считаются основным масонским законом: «Принимаемые лица должны быть людьми добропорядочными и преданными, рожденными свободными, достигшими зрелого возраста и осторожными. Не принимаются ни рабы, ни женщины, ни аморальные или скандальные люди — только люди с хорошей репутацией».

Сейчас две самые крупные «муж-

кие» ложи Франции, «Великий Восток» и Великая ложа, признают женское масонство, но по-прежнему отказываются «посвящать» женщин. В «Великом Востоке» сторонникам «объединения», которых достаточно много, никак не удастся собрать необходимые для изменения устава две трети голосов. «Но я обнаружил, что многие сестры и не хотят подобных изменений, — говорит Жильбер Абержел, великий магистр ложи «Великий Восток». — Главная преграда, наверное, в том, что сам процесс посвящения имеет характер глубоко интимный, и неосторожно брошенный женщиной взгляд может смутить посвящаемого. Кроме того, есть опасность проникновения в ложи обольстительниц. А это может повлечь за собой общее падение дисциплины среди франкмасонов». В 1974 году «Великий Восток» разрешил «сестрам» вход в помещения ложи, оставив, однако, за каждым отделением право самостоятельно решать, на какие заседания «сестры» будут допускаться, а на какие нет. В Великой ложе Франции женщинам вход во «дворцы» запрещен, за исключением тех случаев, когда ложи еще не освещены. «В сакральном мире разделение между мужчиной и женщиной принципиально», — поясняет великий магистр Жан-Луи Мандино.

Впрочем, подобное разделение, мы знаем, было принято и в несакральном мире. Родившееся в восемнадцатом веке под патронатом великих аристократок, таких, как мадам де Полиньяк, мадам де Шуазель и мадам д'Авринкур, женское масонство исчезает во время Великой французской революции и возрождается уже с новой силой во времена империи. Нетрудно догадаться, что новую силу женскому масонству могла придать

Мари-Франс Кокар — великий магистр Великой женской ложи Франции

только очень сильная женщина — ею оказалась императрица Жозефина. Как жены находятся под постоянной опекой своих заботливых мужей, так и «сестры» того времени находились под неусыпным надзором со стороны «братьев». «Сестры» объединились в так называемые ложи предварительного посвящения, целиком зависевшие от мужских собраний. То было салонное масонство. «Сестры» занимались, главным образом, благотворительной деятельностью. В период посвящения их обучали скромности, искренности, осторожности, верности и целомудрию.

Только к концу девятнадцатого века масоны заговорили о возможности настоящего «посвящения» женщин. Но безуспешно. В 1882 году сообщение о том, что Мария Дересм, журналистка и писательница-

феминистка, была принята в ложу «свободно мыслящих», вызвало всеобщее негодование. Это решение — первое за всю историю франкмасонства — было названо «неправильным» всеми масонскими объединениями. Мария Дересм была вынуждена тогда отказаться от членства, но за год до смерти, в 1893 году, сумела создать — вместе с Жоржем Мартином, муниципальным советником мэрии Парижа, — первую смешанную ложу «Право человека». Но лишь после второй мировой войны женщины-масоны получили реальную независимость. В 1945 году Великая ложа Франции признала автономию «лож предварительного посвящения». Двадцать первого октября того же года члены женских лож создали Женский масонский союз Франции. В тот же день женщины — впервые во Франции — получили право голоса на выборах. Семь лет спустя Масонский союз превращается в Великую женскую масонскую ложу, которая сыграла главную роль в борьбе женщин за свои права. «История женского масонства лишь предваряет историю феминистского движения», — говорит Мари-Франс Кокар, великий магистр женской ложи. — Еще члены «лож предварительного посвящения» заботились о гражданских и политических правах женщин, занимались проблемами образования и семьи. В семидесятых годах они многое сделали, чтобы смягчить общественное мнение по вопросам контрацепции и абортов. Они были на передовом фронте борьбы, когда в 1961 году встал вопрос о контроле над деторождаемостью».

По материалам зарубежной печати подготовил Эдуард ДОРОЖКИН

«Посвященные» с Востока

С тех пор как в странах Восточной Европы рухнули коммунистические режимы и на идеологическом фронте наступило общее «потепление», масонство начало активно возрождаться и там — в основном благодаря усилиям крупных западноевропейских лож. Впрочем, пока действовать приходится очень осторожно, с оглядкой на силы, открыто враждебные масонскому движению — крайне правые в России и католические интегралы в Польше. С другой стороны, масонство в этих странах

имеет многовековые традиции. В России, например, запрещенное сначала Екатериной Великой в 1794 году, а затем и Александром Первым в 1822-м, оно продолжало существовать — нелегально, разумеется — до самой Октябрьской революции. Много масонов было среди членов первой Государственной думы, избранной в 1906 году. «Братья» входили во временное правительство Керенского, который тоже был масоном. После революции ситуация резко изменилась. Ленин (которого

масоны, кстати говоря, поддерживали во время ссылки) и Троцкий по отношению к масонству заняли позицию совершенно однозначную — уничтожить на корню. У высокопоставленных русских «братьев» оставался только один выход — бежать. Они и бежали. Именно в это время русские масонские ложи появляются в Париже (как часть Великой ложи Франции), в Лондоне и в Соединенных Штатах Америки. Сейчас потомки тех самых «посвященных», вернувшись на «историческую родину», пытаются реанимировать россий-

ское масонство, которое вполне может оказаться единственным движением, способным противостоять крайне правым настроениям. Традиционно придерживаясь демократических воззрений, масоны, тем не менее, умеют одинаково успешно вести дискуссии как с правыми, так и с левыми, как с «умеренными», так и с «непримиримыми». Кроме того, не следует забывать, что русские масоны всегда могут «прикрыться» целым рядом громких русских имен — как из сферы политики, так и из сферы культуры.

Цитатник

Анатолий Собчак, мэр Санкт-Петербурга:

«...По-настоящему способные, талантливые и порядочные люди идти на работу в государственные органы просто не хотят».

— Так что же вы там делаете, Анатолий Александрович?!

Джеймс Вулси, директор ЦРУ:

«По моему мнению, будет правильно сказать, что фашисты или, по существу, национал-социалисты в России не могут не вызывать опасений после того, что произошло в России... И остается только надеяться на то, что Жириновский лает громче, чем сможет укусить, даже если он и попробует куснуть побольнее».

(ИТАР—ТАСС)

ВИКТОР ЧУМАЧЕВ

Лешек Бальцеревич, отец польской экономической реформы:

«Мне кажется, что нет никакой существенной разницы между взглядами Явлинского и Гайдара...»

Как это — нет разницы? Когда Г.Явлинский бросает взгляд в зеркало, он видит там Г.Явлинского, а когда это делает Е.Гайдар — то Е.Гайдара.

Сергей Шахрай, вице-премьер, которого не отпустили в отставку:

«...Случившееся помогло мне выявить как моих истинных сторонников, так и противников, и даже «предателей». Ценный опыт».

В старину какой-нибудь правитель вынужден был для получения аналогичных результатов притворяться мертвым и подслушивать: что о нем говорят оставшиеся в живых подданные...

Сэм Нани, председатель специального комитета по расследованиям сената США:

«... организованная преступность в бывшем Советском Союзе быстро превращается в кошмар, угрожающий не только соблюдению законов, но и национальной безопасности».

(ИТАР—ТАСС)

ВИКТОР ЧУМАЧЕВ

Victor CH'94.

МОСКОВСКАЯ НЕЗАВИСИМАЯ РАДИОСТАНЦИЯ
НА ЧАСТОТАХ УКВ СТЕРЕО 89,26 МГц ЧМ и 106,8 МГц FM.

Круглосуточная информация:
новости политики,
экономики,
культуры,
светская хроника,
спорт,
музыка
и, конечно, реклама.

Наш стиль и звук — гарантия Вашего успеха!

Заказы на рекламу:
103064, Москва, ул. Казакова, д. 16
Тел./факс: (095) 265-13-56, тел.: (095) 267-18-11

Нет более хитроумного — и в то же время более надежного — способа пошатнуть основы общества, чем обесценить его денежную единицу.

Джон Мейнард Кейнс

«Пиковая дама»

ЭКОНОМИКИ

Имя: в переводе с латыни — «вздутие».

Пол: женский.

Место рождения: Древний Рим (медноденежная), средневековый Китай (железно-, а затем и бумажноденежная).

В каких странах бывала: практически во всех.

Дети: стагфляция (от брака со стагнацией).

Привычки: обожает галопировать.

Вы уже догадались? Ну, конечно, эта дама — инфляция.

Дмитрий БЕЛОВ

«Оптимизм» поклонников

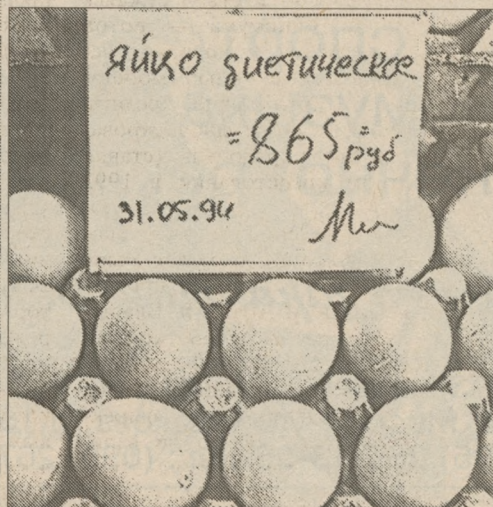
У инфляции — уйма поклонников. С ней выясняли отношения, посвящая статьи и книги, столько экономистов, социологов, политологов, юристов, что одних лишь определенных инфляции ныне существует более тысячи. Разнобой в оценках причин, ее порождающих, и рецептах преодоления в общем-то вполне объясним. Удивительнее другое — это явление все еще не изучено до конца. Ограничимся одним примером: крайне противоречиво трактуется специалистами роль инфляции в периоды социальных потрясе-

ний. Приведем любопытные количественные показатели. По подсчетам ученых, в годы Великой Французской революции чистый доход от эмиссии бумажных денег обеспечил 4/5 всех государственных расходов. Пришедший к власти в США, не имея в казне ни цента, Континентальный конгресс получил от эмиссии 2/3 средств, израсходованных в годы Войны за независимость. Любителей проводить параллели я, возможно, несколько разочарую, напомнив, что в обеих странах в ходе инфляции самым дешевым товаром становилась земля, в результате чего в США окрепло фермерство, а во Франции возникло независимое крестьянство.

У самых разных специалистов по проблемам инфляции есть одна точка соприкосновения. Все они, как, наверное, и положено настоящим кавалерам, уверены, что их «дама сердца» будет жить вечно. Короче, уже очевидно, что инфляция в обозримом будущем сохранится как глобальное явление. Сегодня вопрос стоит не об искоренении, а о приемлемых путях регулирования и ограничения этого феномена.

Народная смекалка

Можно утверждать, что большинство из нас и без чтения специальной литературы знают, как общаться с «пиковой дамой» экономики. Пока ученые мужи спорят, народ интуитивно постигает тактику поведения во время инфляции. Если уже через несколько дней цены могут оказаться куда выше, чем в момент получения вознаграждения за труд, большинство людей предпочитают не откладывать покупки на будущее. С другой стороны, продавцы в ожидании роста цен постараются попридержать часть своих товаров, надеясь сбывать их потом с большей выгодой. Так поступали наши предки еще во времена царя Алексея Михайловича, когда правительство стало

резко уменьшать вес медных денег. По свидетельству летописца, крестьяне, «увидев, какие в одну пору худые деланы деньги... не почали в города возить сена, и дров, и състных припасов, и почала быть от тех денег скудость большая на все товары». Похожая картина (спрос начинает опережать рост доходов, а предложения — отставать от выпуска продукции) достаточно типична, прежде всего при скрытой (как у нас при «развитом социализме») либо «обвальной» инфляции. Об этом применительно к Германии 20-х годов писал еще Ремарк в бессмертном «Черном обелеске»: «...Мы живем сейчас в такое время, когда продажи разоряют... Деньги нынче может заработать почти каждый, а вот сохранить их стоимость — почти никто. Важно не продавать, а покупать и как можно быстрее получать деньги за проданное».

Такая линия поведения — мера вынужденная, особенно в условиях, когда власти не могут или не хотят обуздать инфляцию. В то же время эта тактика сама способствует непрекращающемуся росту цен, представляя собой элемент «самодвижущего механизма» инфляции. В частности, растет скорость обращения денег, что равносильно дополнительному увеличению денежной массы, а значит, также ведет к их обесцениванию. Иными словами, адаптация населения к инфляции парадоксальным образом затрудняет борьбу с ней.

Печальные уроки

Как известно, в России для обуздания инфляции был взят на вооружение монетаристский подход, подкупавший внешней простотой и логичностью схем, а главное — возможной быстротой достижения искомого результата. К сожалению, многие из предпринимавшихся в рамках монетаристской концепции шагов не

только не препятствовали инфляции, но и способствовали ей. Скажем, либерализация внешней торговли и движения капиталов действительно может быть использована как средство антиинфляционного регулирования. Не секрет, однако, и то, что эта мера чревата переливом капиталов из промышленности и сельского хозяйства в финансовые и торговые операции, искусственным ростом непромышленной сферы. Все это было в десятках стран, случилось и в России. И теперь мы констатируем паралич «склонности к накоплениям», хотя его несложно было спрогнозировать, затеяв реформы.

Низкую норму накопления, наряду с неэффективностью сельского хозяйства, высокими издержками производства, перекосами в структуре промышленности и т.д., многие ученые относят к так называемым структурным факторам, против которых антиинфляционистская политика монетаристской направленности, несмотря на всю ее привлекательность, бессильна.

Впрочем, «чистого» монетаризма у нас все-таки не было. Так, никогда не перекрывался — пусть и сужаясь периодами до минимума — поток льготных кредитов, к которым негативно относятся не только монетаристы. В том, что такие кредиты должны быть если не ликвидированы, то хотя бы упорядочены (ставки при льготном кредитовании в 1993 году варьировались от 10 до 240 процентов, что уже само по себе способствует инфляции), сходятся ныне даже такие непримиримые противники, как Гайдар и Абалкин. Власти, однако, не спешат с выработкой государственной процентной политики. Учитывая достаточно сильное влияние на правительство «директорского корпуса», как-то не верится, что, даже если примут соответствующие законы, тут же не воз-

никнет список многочисленных исключений из них.

Другой, завуалированной, формой льготных кредитов у нас стали задержки оплаты поставленной продукции. Перевод средств на счета поставщиков государственные предприятия сегодня зачастую приостанавливают даже не из-за отсутствия денег, а потому, что из-за низкой эффективности штрафных санкций это становится попросту выгодным. Удовлетворение государством настойчивого требования предприятий (как поставщиков, так и потребителей) о новых кредитах для финансирования их взаимной задолженности на практике означает новый виток инфляции.

Чтобы посмотреть, к чему приводит оплата всех видов внутренней задолженности обесцененными деньгами, вновь откроем Ремарка. Все расчеты в Германии в двадцать третьем году осуществлялись векселями, которые в конечном итоге попадали в государственный банк и представлялись к оплате, когда инфляция «съедала» подавляющую часть их стоимости. «Подобным... образом в Германии финансируется каждое предприятие, и государственный банк вынужден печатать все больше денег, вследствие чего курс падает все стремительнее. Но правительству это, видимо, тоже на руку — таким образом оно освобождается от всех своих государственных долгов. Разоряются при этом люди, оказавшиеся не в состоянии оплачивать свои покупки векселями, люди, имеющие какую-то собственность и вынужденные продавать ее, мелкие торговцы, рабочие, рантье, чьи сбережения и банковские кредиты тают на глазах, чиновники и служащие, существующие на заработную плату, на которую уже нельзя купить пары новых башмаков. А наживаются на всем этом спекулянты, валютные магнаты, иностранцы — они за нес-

колько долларов, крон или злотых могут приобретать все, что угодно, — а также крупные предприниматели, фабриканты и биржевые дельцы, акции и ценности которых растут безгранично. Эти всё приобретают чуть не даром. Происходит грандиозная распродажа честных доходов, сбережений, порядочности. Хищники кружат повсюду, и только тот, кто имеет возможность делать долги, спасается от них.

Комментарии к этой цитате, по моему, излишни.

Вся жизнь — борьба?

Суммируя многочисленные высказывания отечественных политических деятелей, приходишь к выводу: экономический «враг» ими вычислен — инфляция. Осталось победить коварного неприятеля — и вперед, к новым высотам. Производство, надо думать, само восстанет из руин, люди, отпраздновав победу всенародным гуляньем, засучив рукава, примутся за работу. Ну а уж для победы «военачальники от экономики» сил и средств не жалеют. Чего стоит прош-

логодняя высадка десанта, состоявшего из сотрудников Центробанка и Минфина, в суровую страну Бразилию — опыт перенимать. Чиновники — честь им и хвала — не испугались многочисленных трудностей и искушений и смело воспользовались возможностью применить свои пылящиеся в шкафу белые штаны по завещанному классиками назначению. Не стало препятствием и то незначительное обстоятельство, что все антиинфляционные программы последних лет в Бразилии с треском проваливались: вовсе ведь не обязательно перенимать только положительный опыт. Можно — для разнообразия — и отрицательный...

Конечно, инфляция — немалое зло. Она усиливает коррупцию и политическую нестабильность, обостряет социальные конфликты и может даже привести к установлению военных диктатур. И все же я бы не стал абсолютизировать ее негативную роль. В наших условиях инфляция — всего лишь один из кризисных факторов, лакмусовая бумага, количеством нулей показывающая глубину экономического и политического

кризиса. С таким же успехом причиной хозяйственных неудач можно было бы назвать, к примеру, проблему внешнего долга. Борьбаться с инфляцией надо, но разумнее и спокойнее, что ли. Пока же ажиотаж вокруг нее только подстегивает ее рост.

Да и стоит ли так мучиться в поисках выхода? Может, пока мы тут ползаем по брэнной нашей земле, за нас все уже решили там, наверху?! Американский журнал «Циклы» предполагает рассматривать зависимость цен на мировом рынке от... расположения планеты Меркурий относительно Солнца. Приверженцы теории «космической» инфляции, обработав и проанализировав астрономические и ценовые данные почти за сто лет, утверждают, что особо сильные колебания уровня цен наблюдались в моменты максимального и минимального удаления Меркурия от Солнца.

Кстати, а не послать ли на Меркурий за опытом кое-кого из правительства?..

...Если коньяк, то «Хенnessи»

Оказывается, большая часть той жидкости, которую мы на протяжении долгих лет потребляли в качестве коньяка, коньяком на самом деле вовсе не является. Все «грузинские», «армянские», «азербайджанские» трех- и более звездочные напитки на самом деле являются только лишь бренди, и не более того. Коньяком же имеет право называться только тот продукт, который был изготовлен в одноименной французской провинции, дистиллирован из произрастающего там, и только там, винограда (кстати, он составляет всего лишь один процент от всего производимого в мире алкоголя).

Все это сообщил собравшимся на днях в Зале Саввы Морозова гостиницы «Метрополь» Морис Хенnessи — нынешний глава знаменитого коньячного Дома, потомок (в восьмом колене) знаменитого Ричарда Хенnessи — ирландского католика, эмигрировавшего в середине XVIII века на континент и основавшего в «полуденной Франции» свою компанию, являющуюся на протяжении вот уже двух столетий производителем

самого популярного коньяка в мире. Так, без ложной скромности, аттестовал свое детище господин Хенnessи, прибывший в Москву с целью посещения симфонического концерта в честь дня рождения А.Д.Сахарова — фирма, уделяющая немало средств благотворительной деятельности, в особенности в сфере классической музыки, являлась одним из спонсоров Нижегородского фестиваля искусств его памяти. К этому визиту было заодно приурочено начало крупномасштабной акции «Хенnessи»: возвращение в Россию», одним из первых шагов которой и стал брифинг для прессы, состоявшийся в «Метрополе».

Факты, поведенные журналистам, вызвали у последних по большей части сладкие и восхищенные вздохи: каждый из сортов «Хенnessи» представляет собой специальную гармоничную смесь, изготовляемую из более чем десятка коньячных спиртов, выдержанных соответственно от двух с половиной до ста лет. Выдерживаются спирты исключительно в особом

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

дубовых бочках, которые мастерятся из породы французского дуба. Так что галльское в этом коньяке все, за исключением суперпрочной пробки родом из Португалии, правда — со специальной плантации, принадлежащей семье Хенnessи. Каждому же сорту, по авторитетному мнению потомка славной династии, соответствует творчество определенного композитора. Коньяки, представленные в Москве, рекомендуются пить следующим образом: «V. S.» — под музыку Шостаковича, «V. S. O. P.» — под аккомпанемент моцартовских сонат,

«X. O.» лучше всего распечатать, вдохновившись звуками Баха, и, наконец, самый дорогой из членов семейства — «Paradis» — прекрасно идет под мелодии Дебюсси.

Впрочем, учитывая стоимость продукта (от 35\$ до свыше 300\$), трудно надеяться, что в самом ближайшем будущем многие наши сограждане станут верными поклонниками хорошей классической музыки.

Александр ВИСЛОВ

Грядут новые чиновники

Замечаете, сейчас все больше политиков (считающих себя заодно и экономистами) и экономистов (думающих, что они и политики), чуть протрезвев от грез «суверенности» и витаний в облаках «независимости», начинают потихоньку осознавать, что объявить себя независимыми и суверенными и на самом деле быть таковыми — две большие разницы, как говорят в одном южном иностранном городе... И вот кто-то нестерпимо хочет обратно в «рублевую зону», кто-то жаждет утерянных хозяйственных связей, кто-то — утерянных связей в центральных министерствах, кто-то не может без команды сверху и желает их опять, кто-то — сразу и того, и другого, и третьего... А заодно, если повезет, и нового политбратания... Кто — чего.

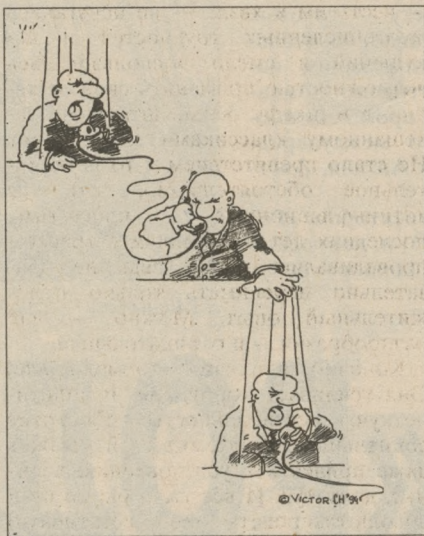
Одним словом, многие политики и экономисты стран СНГ пришли к выводу о том, что необходима срочная интеграция экономик (если то, что осталось, можно таким словом назвать) внутри Содружества. В результате в сентябре прошлого года появился на свет симпатичный документ — «Договор о создании экономического союза государств СНГ». Содержание этого документа на сегодняшний день обсуждалось недавно на парламентских слушаниях в российской верхней палате — Совете Федерации.

Начались слушания с шуток:

— Мы, Россия, похожи на машину с громадным двигателем, но... без колес, — изрек один из инициаторов слушаний, председатель Комитета Совета Федерации по делам СНГ Вадим Густов. (Смех в зале.)

Дальше было, похоже, не до шуток. Практически во всех выступлениях ораторы (а это были в основном первые или в крайнем случае вторые руководители российских министерств и ведомств — иностранных дел, по внешнеэкономическим связям, по делам сотрудничества со странами СНГ, экономики, финансов, председатели парламентских комитетов обеих палат Федерального Собрания) констатировали, что Россия, которая устами своих политиков в последнее время много и красиво говорит об интеграции внутри СНГ, пока мало что делает практически по реализации столь важного документа, как Договор об экономическом союзе, где планируется создание межгосударственной зоны свободной торговли и Таможенного союза, где предусмотрены общий рынок товаров, капиталов, услуг и рабочей силы и, наконец, валютный рынок.

И хотя основной докладчик — вице-премьер и министр экономики России Александр Шохин своим спокойным, тихим голосом поведал собравшимся о мерах, которые изо всех сил пытается принимать правительство и его родное министерство для реализации Договора (например, подготовлено правительственное решение о постепенной отмене таможенных пошлин, налогов и торговых ограничений), в его словах не чувствовалось

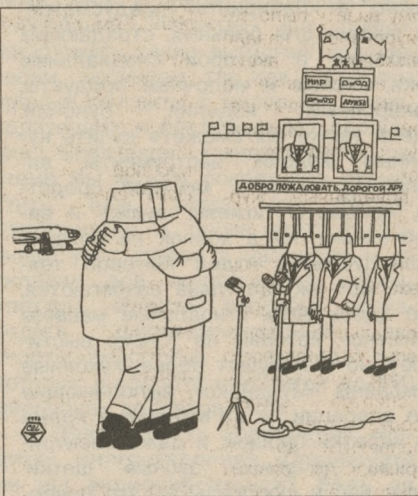

ВИКТОР ЧУМАЧЕВ

безудержного оптимизма, а, скорее, наоборот — сквозила явная озабоченность тем, что и этот Договор может оказаться очередным благим пожеланием, каких уже было множество... Главное, что заботит вице-преьера, это то, что уже принятые соглашения в рамках Договора не выполняются, так как нет механизма его выполнения... Александр Шохин пожелал в этом отношении скорее создать некий организационный инструмент, заставивший бы подписавших договор исполнять его.

— Что это за инструмент? — спросил я вице-преьера в перерыве слушаний. — Может быть, это политический союз вместе с экономическим? Или то, что предлагают многие, — еще один наднациональный орган координации действий Экономического союза наподобие бывшего Межгосударственного экономического комитета СССР?

— Ну... политический союз — дело долгое, процесс длительный. Забегать вперед, по-моему, пока не следует. Сейчас

ВЯЧЕСЛАВ СЫСОВЕВ

важнее создать эффективный механизм выполнения уже подписанных документов, соглашений и договоренностей между странами СНГ.

— А что, таких соглашений в рамках Договора уже много?

— Мы подписали уже несколько сотен (!) межгосударственных соглашений, в том числе и на уровне президентов... А результат — мизерный. Почему? Нет механизма обеспечения выполнения решений...

— Какой же все-таки механизм нужен?

— Нужен новый — международный — чиновничий орган; я согласен с предложениями, исходившими от участников слушаний. Надо, чтобы были чиновники, которые бы знали, что зарплату свою получают за эффективность исполнения принятых решений. Тогда будет нам с кого спросить. И, кстати, это уже несколько раз предлагалось и президентом Казахстана, и другими руководителями стран СНГ. Думаю, надо принять такое предложение, и чем скорее, тем лучше. Но работа этого органа будет эффективна лишь в том случае, если он будет обладать некими, вполне определенными НАДгосударственными функциями. А делегировать ему подобные функции может только межгосударственное соглашение высокого уровня.

— Когда, по-вашему, такой чиновничий орган может быть реально создан?

— Сразу, одномоментно, думаю, это вряд ли возможно. Это будет сделано постепенно, через интеграцию по отдельным направлениям.

— Вы говорите о том, что многие подписанные документы кем-то не выполняются... Но о чем говорить, если даже Россия до сих пор — спустя девять месяцев после подписания! — не ратифицировала Договор?

— Да, вы правы: Россия, которая, казалось бы, сама была инициатором его заключения, являлась автором текста Договора, будет ратифицировать его практически последней: кроме нее и Армении, уже все страны СНГ ратифицировали документ... Конечно, политический казус налицо, хотя... Согласно нашей общей договоренности со странами, подписавшими Договор, он может начать действовать и до ратификации его парламентами стран.

...Почему же опять мы плетемся в хвосте своего же начинания? Может, не все осознали полезность для России этого Договора? Видимо, именно это обстоятельство имел в виду первый заместитель министра иностранных дел Анатолий Адамишин, который, пытаясь убедить политиков и экономистов, всех участников слушаний, привел такой довод:

— Ведь если в нынешней ситуации без Америки мы как-нибудь выживем, то вот, скажем, без Украины наша выживаемость будет под вопросом...

Вот что значит дипломат. Может, убедил?

Григорий КРОШИН

В конце прошлого века Дэвид Родити, грек по происхождению, привез в Англию кварцы, добытые в Южной Америке. Вырученные от их продажи деньги послужили начальным капиталом созданной им компании «Дэвид Родити и сыновья». Собственно, вся компания тогда состояла из четырех человек: самого Дэвида и его сыновей. Занялись они торговлей. Везли в Англию с Востока и Юга различные диковинки, промышленное сырье, ткани; а из Англии по всему свету — готовые вещи, предметы быта. Уже тогда сочетание «британское качество» стало нарицательным, означавшим надежность и долговечность товара. Постепенно компания разрасталась. А сегодня промышленно-финансовая корпорация «Родити» — это международный холдинг, включающий 15 компаний в Англии, Австрии, Германии и России.

Мы встретились с исполнительным директором «Родити» Ларисой Гисаевой ШАМИКОВОЙ и попросили подробнее рассказать о деятельности корпорации в России.

— Лариса Гисаевна, что греха таить, часто негосударственные предприятия, попадающие под определение «коммерческие структуры», вызывают у простого обывателя негативную реакцию. Раздражение наших сограждан отчасти можно понять, но всегда ли оно оправданно?

— Корпорация «Родити», — рассказывает Л.Г.Шамикова, — принесла в Россию новую систему организации науки, промышленности и торговли. Она выражается в сплаве всех трех направлений. В России «Родити» принадлежит 100 тысяч квадратных метров научно-производственных площадей. В основе промышленной деятельности — производство компонентов для электронной техники. Также мы инвестируем такие проекты, как производство искусственных кварцевых кристаллов, медицинского оборудования и средств связи, научные исследования в области прецизионных технологий, внедрение современных технологий лазерной резки прозрачных материалов. На фоне свертывания производства мы, наоборот, обеспечиваем заказами наши заводы и сохраняем рабочие места.

— И все же у большинства москвичей «Родити» ассоциируется с торговой деятельностью. Многие знают центр мелкооптовой торговли «Родити» на ул. Новокузнецкой, 1; магазин «Товары для дома» на ул. Молодогвардейской, 30. А недавно открытый торговый комплекс «Европа-Центр» на Новом Арбате, 21, стал настоящим событием в жизни города.

— В создание комплекса «Европа-Центр» нами вложено много средств, сил и... надежд. Такие комплексы, привычные в Европе, для россиян в новинку. А между тем они дают возможность быстро и без особых хлопот решить массу проблем. Главная особенность «Европы-Центр» — это принцип, по которому он организо-

Л.Г.Шамикова — исполнительный директор корпорации «Родити»

«РОДИТИ»

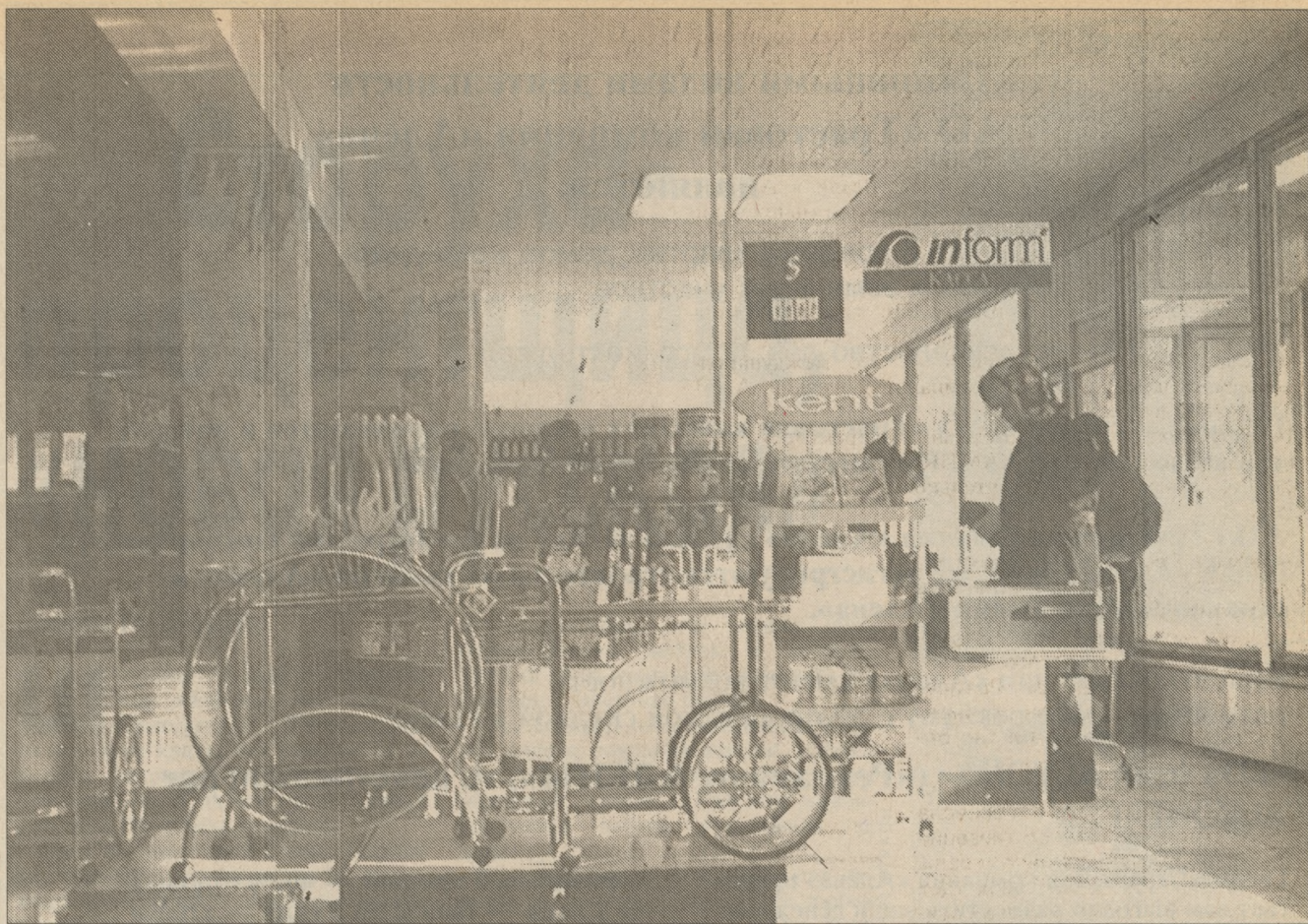
— британское качество в России

ван: товары и услуги для покупателя, а не покупатель для них. Мы постарались сделать комплекс максимально удобным для посетителей. Внизу, в торговом центре «Лабиринт» — товары повседневного спроса, которые люди «забывают» купить после рабочего дня, особенно не выбирая, — это прежде всего свежий хлеб, мясосопродукты, приготовленные в собственном мясоразделочном цехе, детское питание. Что особенно важно, в «Лабиринте» предусмотрена секция для больных, страдающих диабетом, в которой специальные соки, мясные и молочные продукты, макаронные изделия, булочки. Здесь также вы сможете купить кухонные мелочи, инструменты, автопринадлежности, моющие средства, предметы гигиены, аудио- и видеотехнику. Ну а хозяек не оставит равнодушными отдел бытовой техники. Вот уж где глаза разбегаются, все здесь есть: стиральные машины «Сименс», которые не только выстирают, но и высушат белье, кухонные комбайны «Мулинекс», выполняющие все операции — от взбивания крема до нарезки овощей, и даже электрические лечебные зубные щетки. Ждут вас и сюрпризы — это совершенно новые по качеству или дизай-

ну товары. Например, холодильники с супернадёжными моторами от «Дженерал электрик», мороженицы от «Филипс», выдающие готовое, уже охлажденное лакомство, пылесосы «Вакс», проводящие сухую и влажную уборку полов, стен и даже потолков. Наверху, в уже знакомом москвичам торговом центре «Родити-Арбат», куда лучше приходить тогда, когда у вас есть время и желание «примеривать и тщательно выбирать», — одежда, обувь, ювелирные изделия, спортивные товары, игрушки, экологически чистая, прошедшая специальное тестирование косметика, парфюмерия и многое другое. Все товары — только тех фирм, которые гарантируют высокое качество своей продукции и отвечают за взятые на себя перед потребителем обязательства. Продавцы-эксперты расскажут вам о свойствах неизвестных товаров, посоветуют, что выбрать.

— Как разобраться в бесчисленном множестве утюгов, кофеварок, выбрать себе самое подходящее — понятно. А как быть с продуктами, о вкусе которых наш покупатель пока только может догадываться?

— Если вы, например, хотите купить батон колбасы, но не уверены,

Магазин «Товары для дома» (м. «Молодежная»)

что она вам понравится, — купите в кафетерии бутербродик с ней, и все станет ясно. Там же вам предложат напитки, салаты из того ассортимента продуктов, который представлен в магазине.

В «Европу-Центр» можно придти одному, с друзьями или всей семьей. Продолжает работать ресторан «Арбат». Здесь вы отдохнете, обсудите покупки, перекусите. К вашим услугам — филиал банка. Скоро заработают экскурсионное бюро и транспортное агентство. С особым уважением мы относимся к постоянным посетителям «Европы-Центр». Для них — обладателей расчетных карточек «Родити» — предусмотрена целая система скидок и льгот.

— Комплекс «Европа-Центр» — настоящий островок цивилизованного сервиса. Приходишь сюда и ощущаешь атмосферу внимания и доброжелательности. Но, главное, — купить здесь можно практически все.

— Наша мечта, чтобы у всех москвичей и жителей других городов России была возможность покупать первоклассные товары. Поэтому мы прилагаем со своей стороны усилия, чтобы хороших магазинов стало как можно больше. Те товары, которые представлены в «Европе-Центр»,

являются образцами того, что мы предлагаем по оптовым ценам в центре мелкооптовой торговли «Родити» владельцам магазинов, салонов, баров, ресторанов и тем, кто только начинает свой бизнес. Всего 75 000 наименований от самых известных фирм. Товары можно выбрать непосредственно в торговых залах, а в случае временного отсутствия интересующего вас ассортимента — оформить заказ. В последнем случае вам не придется вносить предоплату, а товары вы получите по ценам ниже, чем у фирм-производителей. Корпорации «Родити» «по плечу» предложить такие выгодные условия своим партнерам, так как налажены прямые контакты с мировыми производителями и поставщиками продукции. Благодаря компьютерной системе мы можем оперативно разместить ваш заказ на фирме-изготовителе, а также вести постоянный учет товара в магазинах и на складах для поддержания номенклатуры. «Родити» способна производить широкомасштабные экспортно-импортные операции, при которых в обороте находится до 150 миллионов долларов США.

— Деятельность корпорации «Родити» многосторонняя. Планируете ли вы акционироваться? Ведь за вашими акциями, как теперь ясно,

будут «стоять» не голые обещания, а конкретные товары, магазины, предприятия, оборудование и многое другое как на территории России, так и за рубежом.

— Да, мы выпускаем акции. Но, может быть, нам теперь не так легко будет убедить население, что акции вообще — это действительно ценные бумаги. К сожалению, в нашей стране сама идея «собственность через акции» уже достаточно ополена и скомпрометирована. Хотя на самом деле акции стабильно работающего предприятия могут принести их владельцам немалый доход. Поэтому, прежде чем приобретать акции какой-либо компании, посмотрите, во что ее представители вкладывают деньги: в собственную зарплату или в расширение производства, в инвестирование перспективных проектов, которые в недалеком будущем «заработают» и дадут прибыль. Своим будущим акционерам мы хотим сказать, что, покупая акции корпорации «Родити», вы станете обладателями соответствующей доли богатства огромного международного холдинга. Его гарантии — британские деловые традиции, которые «Родити» сегодня принесла и в Россию.

Вадим БАЕВ

Основными видами деятельности АО «Трастовая компания «Алена» являются:

- покупка и продажа квартир, домов, коттеджей, дачных и земельных участков;
- строительство дач, домов, коттеджей.

Основные средства АО «Трастовая компания «Алена» оцениваются в пятьсот тысяч долларов США. Имущество компании застраховано.

АО «Трастовая компания «Алена» сделала заявку на регистрацию коммерческого банка «Алена», а также регистрируются строительный концерн «Алена» и страховая корпорация «Алена».

Клиенты компании «Алена» имеют возможность разместить свою рекламу с 50-процентной скидкой в газете

«ADs from ALYONA» («Реклама от АЛЕНЫ», «L'advertisement par ALYONE»)

Господа! Трастовая компания «Алена» предлагает вам выгодно разместить ваши денежные средства.

**Премиальный процент — 400% годовых!
На 2 года — 1000%! На 3 года — 1790%!
Не упустите свой шанс!**

Денежные средства принимаются от 100 000 руб. на срок от 3 месяцев до 3 лет.

"АЛЕНА"- путь к вашему успеху!	Денежные средства, доверяемые Клиентом (руб.)	Время доверенности (месяц, год)	Премиальный процент (%)	Сумма денежных средств, получа- емая после окон- чания договора (руб.)
Двести миллионов рублей	200 000 000	3 месяца	100 %	400 000 000
	200 000 000	6 месяцев	200 %	600 000 000
	200 000 000	1 год	400 %	1 000 000 000
	200 000 000	2 года	1000 %	2 200 000 000
	200 000 000	3 года	1790 %	3 780 000 000
Десять миллионов рублей	10 000 000	3 месяца	87 %	18 700 000
	10 000 000	6 месяцев	190 %	29 000 000
	10 000 000	1 год	396 %	49 600 000
	10 000 000	2 года	975 %	107 500 000
Пять миллионов рублей	5 000 000	3 месяца	85 %	9 250 000
	5 000 000	6 месяцев	189 %	14 450 000
	5 000 000	1 год	395 %	24 750 000
	5 000 000	2 года	970 %	53 500 000
Один миллион рублей	1 000 000	3 месяца	80 %	1 800 000
	1 000 000	6 месяцев	178 %	2 780 000
	1 000 000	1 год	390 %	4 900 000
	1 000 000	2 года	968 %	10 680 000
Пятьсот тысяч рублей	500 000	3 месяца	75 %	875 000
	500 000	6 месяцев	176 %	1 380 000
	500 000	1 год	380 %	2 400 000
	500 000	2 года	962 %	5 310 000
Четыреста тысяч рублей	400 000	3 месяца	73 %	692 000
	400 000	6 месяцев	168 %	1 072 000
	400 000	1 год	379 %	1 916 000
	400 000	2 года	960 %	4 240 000
	400 000	3 года	1480 %	6 320 000

Вы можете заключить договор-доверенность на выгодное размещение денежных средств по адресам:

Москва, ул. Знаменка (бывш. ул. Фрунзе), 8/13, стр. 4 — м. «Библиотека им. Ленина», «Арбатская»;

Москва, ул. Новинки, 31 (на территории бывшей ярмарки), — м. «Коломенская»;

Москва, ул. 1905 года, 10, кабина № 30 (Мострансагентство, 2-й этаж), — м. «Улица 1905 года»;

Москва, Ленинский проспект, 45 (Мострансагентство, кабина № 27);

Ногинск, Московская обл., ул. Трудовая, 9.

Тел.: 498-45-22,

473-77-35,

115-62-67,

331-03-55.

Покупаем квартиры в Москве и Санкт-Петербурге; коттеджи до 50 км от МКАД.

РЕКЛАМА

Старуха-процентщица, «Новая русская»

Михаил ПОЗДНЯЕВ

Штирлиц любил старушек. Ему казалось, что они — единственные в Третьем Рейхе накануне краха, кто ухитряется не только сохранять собственное достоинство, но и на все происходящее смотреть без страха и упрека.

Сидя на пороховой бочке, старушка неспешно допивает свой эрзац-кофе и, стряхнув в ладошку хлебные крохи, выходит на бульвар кормить голубей. Ей некуда больше спешить.

Неправда, что будущее принадлежит молодым. Молодые устремлены в прошлое: они тужатся перерастить старших, догнать давно ушедший поезд, схватить все, ни крошки не оставив, на празднике непослушания. Будущее принадлежит старушкам. Удел молодых — повторенье азав.

Джон Апдайк однажды поинтересовался у шестнадцатилетнего наркомана, зачем, собственно, это ему нужно. «Да знаете, — промычал оболтус, лежа на газоне, — хочется чего-нибудь новенького...» — «А ты на медведя охотился? А на машине мчался по Неваде со скоростью полтора миль в час? А ребенка на свет породил? Нет? Так какого же хрена!..»

Сильные доводы — только все они вмиг лишаются какого-либо смысла, стоит лишь юноше приподняться из лужи и процитировать Маяковского: «А вы зайдите через сто лет — тогда поговорим».

Штирлиц любил старушек, потому что был членом ВКП(б): старушек любить легче, нежели мальчиков из гитлерюгенда.

Старушка не заляжет с огнеметом на крыше рейхстага, не станет по ночам расклеивать листовки. Старушка

законопослушна: она подаст русскому Ивану завтрак в постель, уложив туда накануне вечером несовершеннолетнюю внучку.

Она докажет свою лояльность к новой власти, сохранив пенсию, заработанную на выборах в рейхстаг в год рождения малютки Гретхен: новоиспеченная бабуля голосовала за наци.

По правде сказать, Гитлера она никогда не любила. Предмет ее любви — голуби, котята и цветы. Она даже дружила с одной еврейкой, но ей не хотелось, чтобы проезд в берлинском метро стоил дороже пятак.

Года три назад, оказавшись в Берлине, я совсем как Штирлиц разразился похвальным словом немецким старушкам, опрятным, спортивным и жизнерадостным, превратившим город в цветник: у каждого домика клумба, и в каждом окошке герань. Сидевшая за рулем русская старушка, из второй волны эмиграции, чудом не угодившая из фашистского плена в ГУЛАГ, невозмутимо кивнула: «Да. Они очень любят цветы. Что не помешало им отправить несколько миллионов в газовые камеры».

Старость надо уважать. Это не Сергей Михалков сказал — это нам от природы дано. Надо уступать старикам место в трамвае, помогать взойти по крутой лестнице и посещать во дни болезни. «Перед лицом седого вставай и почти лицо старца, и бойся Бога твоего», — назидает Священное Писание. Но в той же Библии повествуется и о премудром Соломоне, погрязшем на склоне лет в разврате и тщеславии, дошедшем до состояния скотского, и об Ироде Великом, на последнем году царствования, уже одной ногой в могиле, истребившем 14 тысяч младенцев, боясь, как бы неведомый ему

ЮРИЙ ШТУКИН

Спаситель не занял его места. И апостол Павел, в том самом Послании к Колоссянам, где утверждается, что в мире, принявшем Христа и уверовавшем в Него, «нет ни еллина, ни иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного», призывает детей слушаться родителей, «ибо это благоугодно Господу», но следом и родителей предостерегает: «Не раздражайте детей ваших, дабы они не унывали» (Кол. 3:21). Унынье — смертный грех...

Не раздражайте — как будто это не о старушке, вошедшей в трамвай с тяжелой кошелкой, а о пионере Николае, не уступающем ей место, потому как «пионеру Николаю ехать очень хорошо» (С. Михалков).

Уступи место, поганец. Не видишь, у бабули сумка тяжелая. А что в сумке-то? А патриотическая, понимаешь, пресса.

«Советская Россия». «Завтра». И «Русский порядок» со свастики в заглавии.

Старушке надо как-то свести концы с концами. Сведет — тут нас с тобой, Николай, и расстреляют.

Я эту бабушку уже давно знаю в лицо. Концы с концами она сводит, как правило, в метро, в переходе с «Краснопресненской» на «Барри-

кадную». Рядом с нею еще две старушки: одесную — с укропом и редиской, ошую — с сигаретами и водкой. Завидев милиционера, те две мигом сворачивают манатки, но он их все равно чеховстит. А на эту, которая посередине, с запрещенной фашистской газетенкой, — ноль внимания. Потому как она — не спекулянтка, а идейный борец. Она не просто так торгует — она народ просвещает. Прямо луч света какой-то. Пелагея Ниловна.

Ай, бросьте. Никакая не Пелагея Ниловна, а вовсе Алена Ивановна.

«Эта была крошечная сухая старушонка, лет шестидесяти, с вострыми и злыми глазами, с маленьким вострым носом и простоволосая. Белобрысые, мало поседевшие волосы ее были жирно смазаны маслом. На ее тонкой и длинной шее, похожей на куриную ногу, было наверхено какое-то фланелевое тряпье, а на плечах, несмотря на жару, болталась вся истрепанная и пожелтевшая меховая кацавейка. Старушонка поминутно кашляла и кряхтела. Должно быть, молодой человек взглянул на нее как-нибудь особенным взглядом, потому что и в ее глазах мелькнула вдруг опять прежняя недоверчивость.

— Раскольников, студент, был у вас назад тому месяц, — поспешил пробормотать молодой человек с полупоклоном, вспомнив, что надо быть любезнее...»

Надо быть любезнее. Надо уважать старость. Мальчишка-чернорубашечник с заточкой — плохой. Потому что мальчишка. А бабушка с иконой Ильича, идущая с ним под ручку в Первомайской колонне, — хорошая. Потому что старенькая.

Все кругом боятся мальчишку. Заточку уже и с топором Раскольникова сравнивают. Хотя, положи руку на сердце, у мальчишки с «разбойником благоразумным» Раскольником так же мало общего, как у лидеров «духовной оппозиции» — с героями «Бесов». Вырождается не только наша интеллигенция, но и наша чернь.

Изредка я навещаю родню, живущую в Останкине, в доме по соседству с другим, в точности таким же, где обитают Бабурин, Константинов, Павлов и еще кое-кто из господ «опозиционеров». Родственники себе жилье купили по кооперативной цене, депутаты-лимитчики поймали даром. И съезжать не спешат.

Наверное, чтобы сподручнее было штурмовать Телецентр: ходу — от силы десять минут. Сталкиваясь то с одним, то с другим, во дворе ли, в

ЭДУАРД КУДРЯВИЦКИЙ

трамвае, сначала порывался подойти и спросить: «Скажите, вы на самом деле верите во все это?» А потом как-то остыл. Не то чтобы Ламброзо — мой кумир, но просто в их лицах нет и тени, слабого намека на веру, одержимость, фанатизм. Вот — самая настоящая, действительная партия любителей пива. Колбасы. И толстого-толстого слоя шоколада. Глаза хитрющие. Улыбка масляная. Сытое презрение ко всем, кто разевает рот и озирается — узнав...

Конечно, соблазнительно — хотя бы по той причине, что, мысля здраво, «духовная оппозиция» бесовщина и есть, — гадать, кому из ее вожаков в текущей российской истории отведена роль Кириллова или Шатова; но я подозреваю, что эти злые духи еще не материализовались вполне, что это — дело будущего, пусть и ближайшего. В конфликте власти и оппозиции гораздо легче обнаруживается параллель с Верховенским и Старогиным; впрочем, и тут уместнее пока говорить о пошлой карикатуре, но не буквально портретном сходстве. Отдельные черты нет-нет прорежутся в чертенячьих рожицах — в Госдуме, на партийном съезде, на манифестации — но уж больно мелкие все бесы... нет, братцы, обождем до следующих выборов по крайней мере.

Если и задуматься всерьез, кто из персонажей Достоевского сегодня «живее всех живых», все дороги ведут к старушонке Алене Ивановне.

Это она громче всех вопит на ступеньках музея Ленина о нищенской пенсии, ценах на лекарства, хлеб и проезд в метро. Пенсия у нее, между тем, вдвое больше жалования учителя, лекарства она получает бесплатно (как и ездит в метро), а кусок хлеба, будьте уверены, вырвет из глотки ближнего глазами не моргнув. Предварительно — удобства ради — оттапав ближнему голову.

Не Лужин со Свидригайловым «новые русские» — она, Алена Ивановна, кроющая в хвост и в гриву «американских сионистов» и «черножопых», что ничуть не мешает ей, живущей круглый год на даче, сдавать московскую квартиру за презренные баксы «лицам кавказской национальности».

— Алена Ивановна, вы продаете дом?

«Дом» — это летняя кухня, курятник, сарай с прохудившейся крышей, пропахший кошками и щами...

— Не продаю! Меняю! На квартиру! На Кутузовском! И за пять соток — доплата! В лимончиках!

А глазки — вострые и злые.

«Лимончиками» она зовет доллары. За сотку хочет две с половиной тысячи. Что она, хочет других?

С Аленой Ивановной связано уже и несколько мифов нашего времени.

Первый миф возник году в 90-м, а основную популярность обрел осенью 91-го. Это басня про то, что КПСС нельзя запрещать из гуманных соображений. Старичков обижать грешно. Старичок всю жизнь верил в КПСС — смеем ли мы у гробового входа лишить его веры, последнего, что у него в жизни осталось. «Надо быть любезнее...»

Один Буковский, похоже, сразу понял все коварство этого мифа. Нам с вами, великим гуманистам, остается заглянуть сегодня на минуточку в любой из залов, где чуть ли не еженедельно проходят сходки легальных марксистов, чтобы удостовериться: из старичков там — все Алены Ивановны да Анатолии Ивановны (почтительно именуемые «патриархами парламентаризма»), а большинство — дамы и господа возраста самого что ни на есть активно-го.

Второй миф рожден в демократическом стане. Согласно ему, провокаторы Анпилов и Макашов прикрываются на маевках несчастными старичками, подставляют их под

ИТАР-ТАСС

удары ОМОНа, приносят как невинных агнцев в жертву своим честолюбивым замыслам. Миф подлый. И лживый вдвойне. О честолюбию применительно к рецидивистам рассуждать странно: кровопусканье для уголовника не средство, а самоцель. Но главное — Анпилов с Макашовым старушонке Алене Ивановне милей отца родного. Еще неизвестно, кто на чьи проценты существует, кто за чей счет живет. Ветераны с мерзкими плакатами в первых рядах демонстрации и «вожди оппозиции», топтающие по их стопам, за их спинами, — в кровавой бандитской повязке. Прокрутите на досуге видеозаписи всех этих сборищ, всмотритесь в лица старушек, вслушайтесь в их истерические вопли — вам поневоле захочется повторить Апостольское: «Родители, не раздражайте детей ваших...»

Наконец и третий миф, самый стойкий. Будто бы режим Ельцина, антиконституционный, антинародный и Бог весть какой еще, наносит самый болезненный удар именно по старикам, а «оппозиция» стариков прежде всех прочих защищает. Но Ельцин, пусть худо и бедно, а латает стариковские лохмотья, о голоде — как понимают это слово в Азии или

Африке — у нас в России кричать преждевременно. Я знаю и встречал множество старушек, вполне довольных нынешним своим существованием: «Мне хватает!» — и подозреваю, что «оппозиция» совсем не о них печется, а все о той же Алене Ивановне, лишенной персональной пенсии, назначенной ей не за труды в поте лица, а за партийный стаж. А вот чего и в самом страшном сне представить не могу — это чтобы Макашов пошел в богадельню ухаживать за паралитиками или чтобы Анпилов подал милостыню где-нибудь в подземном переходе. Жириновский, правда, подал — это мы все перед выборами видели по телеку. Подал — и сказал калеке: «Ну, ты понял, за кого надо голосовать?»

Я боюсь второго пришествия Раскольникова. Но больше я боюсь Алены Ивановны. Она уже пришла. И еще боюсь — топор Раскольникова, явись Родион Романович в Россию снова, пройдет по ее талии вскользь, а сестрицу ее, блаженную Лизавету Ивановну, пришибет непременно.

Алена Ивановна, я вижу, что вы старенькая, жалкая и больная. Но я вас не люблю.

Я не люблю вас за то, что вы люби-

те голубей. Вы кормите их булкой, купленной на мои проценты. А проценты повышаете не оттого, что вам самой хочется кушать, но потому, что такие проценты заламывают все ваши товарки. Вы их терпеть не можете, но о нынешних котировках справляйтесь у них регулярно. «Что я, хуже других?!» Да, Алена Ивановна, хуже.

Я не люблю вас за то, что вы любите цветы. Это последнее, что я еще могу подарить моей милой. Но завтра вы запросите за них столько, что даже и это будет мне не по карману.

И я не люблю вас за то, что вы любите котят.

В последний раз мы с вами встретились у метро «Сокольники». Вы продавали двух голубоватых пушистиков. Мой мальчик спросил: «Это какая порода? Персидская, да?» — и протянул руку, погладить.

— Не трогай! У вас все равно денег нет!!!

Вы крикнули это с такой злобой, Алена Ивановна, что мне показалось, будто за пазухой у вас спрятан топор.

Не у меня — у вас.

Бронежилет для прекрасной дамы

АНДРЕЙ СОЛОВЬЕВ. ИТАР-ТАСС

Владимир ВОРОНОВ

Сейчас многие таинственные незнакомки предпочитают прикрываться не вуалью — маскировочным халатом, баюкая на груди не ребенка, а безотказный автомат Калашникова. Войн на территории бывшего СССР хватает, и на каждую, словно бабочки на огонь, слетаются чьи-то матери, сестры, любовницы, жены. Почему — эмансипация, склонность к убийству или сняты лавры этакой «леди удачи»?

...Наша встреча состоялась в особом отделе — казачьей контрразведке. Есть и такая в Абхазии. Нет, никого не арестовывали и не допрашивали — мне нигде было остановиться в чужом и полуразрушенном Сухуми. А казаки предложили свой кров. Как-то вечером в нашей «казарме» увидел рыдающую женщину средних лет. «Особист» протянул листок: «Почитай, тебе будет интересно».

«...Не волнуйся, мамочка! Я жива и здорова, у меня все хорошо. Прости, что сразу не сообщила. ... Ты помнишь, что после Нового года в 93-м я поехала за мандаринами в Сочи. Так мы оттуда решили ехать в Абхазию — там намного дешевле. В Гагре попала под страшную бомбежку, и пропала все мои документы. Поэтому не смогла вернуться — не пустили пограничники. Знакомые девочки уговорили остаться у абхазов медсестрой. Вот я тут и воевала. Теперь война кончилась, но документов пока нет, поэтому не вернусь. Мамочка, я

Кто сказал, что «у войны не женское лицо»? Чушь! Амазонки, Жанна д'Арк, женский батальон Керенского, женский ночной бомбардировочный полк, Марина Раскова, снайперша Молдагулова... Увы, прекрасный пол не только давал нам жизнь — он и отнимал ее. «Мадонна с младенцем» — привычный женский образ! А разве смерть с косой — не женщина?

решила остаться здесь — мне дают дом. Заберу к себе сына, приезжай и ты... Ирина. ...января 1994 года. Абхазия».

— ...Ей сейчас всего 23 года, сыночек дома остался, четыре годика, муж. Как уехала сразу после Нового года в 93-м, будто в воду канула. Все эти мандарины, деньги проклятые. Разве им не хватало? Все было — машину купили, холодильник, дом был. Может, с мужем нелады? Он у нее осетин. И свекровь Ирину невзлюбила... — рассказывала женщина.

— Когда пропала, кинулась я к ее мужу: «Где? Куда уехала?» А он ничего не знает, только волосы рвет: «Бросила, изменила, на весь род опозорила...» Где только мы ее не пытались искать — все морги Владикавказа обошла, больницы, милицию. Звонила своему бывшему мужу в Одессу — может, туда поехала, к отцу своему? Мне даже и мысли в голову не могло прийти, что она воюет, — такая тихоня была, меня боялась. Ее даже во всероссийском розыске объявили... Сколько свечек поставили, сколько молитв отмолили. Сыночка ее, внука моего, пришлось от свекрови забрать — брошенный совсем, никому не нужный. Я за ним приехала — он худой, как маленький скелетик, оборванный, грязный, голодный... И больше года проходит — это письмо. Но ни адреса не указала, ни как ее найти — ничего. Помогите, роденькие! Вот сама за ней приехала...

Не скажу, что на особистов-казачков это произвело впечатление — не такого за войну навидались.

— Успокойтесь, мамаша, главное, что она жива. Нет, нам ее фамилия незнакома, да и кто тут под своим именем воевал?!

Вы лучше опишите ее, может, приметы особые — найдем, куда денется от нас! Жалко, что фотографии забыли. Но мы через абхазских девочек искать будем — тут все друг друга знают.

Боевой путь Ирины из Владикавказа контрразведка вычислила через час:

— Мамаша! Нашли вашу дочку — жива, здорова. Воевала в отряде «Худого». Вот только выпороть ее вам не удастся — сама теперь кого хочешь поколотит. Офицерское звание имеет — за десантные операции. Воевала классно — мы ее к награде представили. В спецназе была, Сухуми штурмовала... ей здесь уже дом дали, может, и квартиру вдобавок получит. Зачем ей уезжать? Парня найдет, замуж снова выйдет. Кстати, а муж-то почему за своей благоверной не поехал?

Встречу обещали организовать через день-два — она вроде в Очамчира уехала. Но уже на другой день все в том же казачьем особняке увидел сцену встречи матери с блудной дочерью. Удалось уговорить Ирину рассказать нам, при условии, что не будет названа ее фамилия и опубликованы ее фотографии, зачем же русская девчонка приехала из России на чужую войну, бросив маленького сына, мужа, мать?

— Вот, так получилось — приехала в Абхазию торговать мандаринами, да и осталась. Мы с подругами денег хотели заработать — мандарины оптом сдавали в магазины, получали за это неплохо. Во мне вообще торговая жилка есть. А уже здесь познакомились с ребятами-кабардинцами. Они и стали уговаривать: пойдём с нами воевать...

— Так ты про бомбежку и потерю доку-

ментов для отвода глаз матери написала?

— Ну не могла же я прямо сказать, что меня соблазнили воевать?! Да и семейная жизнь не сложилась...

— Но ведь это же не гулянка, к тому же чужая война — ты же не свой дом защищала, не за своих родных мстила...

— Когда-то у меня во Владикавказе была подруга — она прослужила семь лет в Афганистане. Прапорщик. Вот она мне много про войну рассказывала. Было очень интересно и хотелось испытать то же самое — проверить себя, да и ее рассказы. Вот, я и испытала все... Мне понравилось.

— Понравилось на войне?!

— А что? — я приобрела здесь очень много друзей, близких подруг. В мирной жизни у меня таких не было. Воля случая, что я попала на войну? Не уверена, поэтому, никакой случайности нет, все предопределено. Поначалу мне тут было интересно — столько нового узнавала. Ну а потом уже привыкла, даже не задумывалась, тянула лямку, как все. Настолько прикипела к фронтовой жизни, что больше недели в тихом месте усидеть не могла. Да и не только я — другие девчонки тоже. Не могла находиться там, где не стреляют. Поэтому, когда нас отводили на отдых с боевых позиций в Гагру или Гудауту, то хотелось обратно. Стала бы я воевать на грузинской стороне? — Никогда! Хотя бы потому, что я грузин вообще терпеть не могу. Да и знала я, что абхазы защищают свою исконную землю. Вначале я воевала в отряде с кабардинцами — какие парни были! И ведь из 23 в живых осталось лишь двое. Когда я встретила этих уцелевших — тогда воевала уже в другом отряде, вместе с абхазцами, — узнала, то такая злость разыгралась: наши ребята погибли! Стала за них мстить. Да и девочек — подруг моих тоже полегло много. Если честно, то потом уже в основном из-за них и шла в бой... Ненавижу грузин! А еще дикая злость брала, когда мы слышали, как они по рации передавали: «Абхазские медсестры, сдавайтесь!» От такого поневоле озвереешь. Когда одна наша девчонка погибла, то ее подруга, Лика, просто встала в полный рост на позиции с криком: «Грузины, ...я вашу маму!» — выпустила в их сторону 10 или 12 автоматных рожков подряд! Жутко было. И ее даже не задело ответным огнем...

Где только не приходилось быть. Когда отводили в тыл, то мы ходили в рейды — чистили тылы от дезертиров. Мы, девчонки, вынуждены были вытаскивать из-под кроватей здоровенных лбов, не хотевших воевать за свою же землю. Им давали в руки оружие и — вперед, на передовую. И ведь прекрасно знали, что не будут эти ублюдки воевать, так нет, все равно гнали. А они нам в спину стреляли и убегали с оружием.

Один раз, помню картину, зашли в гудаутский пансионат. Жена лежит на диване,

газетку почитывает. А ее муж под кроватью схоронился. Вытащили его, думал, мы его сразу расстреляем...

Чем только не приходилось заниматься — и медсестрой была, и боевиком. Во время наступления 16 марта 93-го мы вместе с Инкой вытаскивали раненых — рижских омонцовцев. Через речку тащили! Ребята здоровые — под два метра ростом — напоролись на мины, десять человек из них ноги потеряли. Вот мы их и тащили из-под огня. Для меня это первый бой был, я с Инки пример брала: маленькая, хрупкая, а таких бугаев на себе тащит — почему я не могу?!

Другой раз, во время отдыха, подняли ночью по тревоге в Гудауте — казаки в пансионате устроили «войну». Пальба идет страшная, даже из гранатометов стреляют. Нас одели в бронжилеты, каски, сферы, загнали в этот пансионат и говорят: «Разнимайте!» А мы что, личная охрана Ардзинбы, комендатура? Мы боевики! Не стали... Всякую пьяную дзракку разнимать

— жизнью не хватит. А казаки любили попойки устраивать. И после каждой — стрельба. Их много полегло вот так, по-глупому, по пьянке, от своих... А вот одну гиду, Сергея-казака, своими руками бы на куски разодрала! — Он двоих наших ребят без суда и следствия расстрелял. Также по пьяни... «Замкнуло» его, как мы говорили, — у него иногда сдвиги по фазе происходили — в Афганистане служил.

Медсестрой я лишь вначале была — одна на батальон. Впрочем, это лишь название, батальон — в отряде было семьдесят человек. Потом стала ходить в спецназе — вместе с ребятами без всяких поблажек тренировалась: нас гоняли по горам в бронжилетах — по 30 километров бегали, заставляли прыгать через заборы, кувиркаться. А в бой ходила с автоматом — как все. Стреляла. Убила ли кого-то? Когда стреляешь, то не видишь. Ну конечно же убивала — война. Раньше, в детстве, я страшно покойников боялась.

А теперь через них спокойно перешагиваю — мертвый не укусит. Было ли страшно? Я же говорю, что привыкла, была лишь одна привычка, и ничего больше...

Но при штурме Сухуми осенью 93-го один раз было очень страшно. Мы тогда воевали вместе с чеченскими парнями. С их батальоном и заняли позицию на подступах к городу — на кладбище. Нам абхазцы по радиации передают: «Зажгите дом, дайте корректировку, где вы находитесь...» Мы зажгли один дом, второй, третий... И тут как стали по нас работать грузинские орудия — кроют из гаубиц, из минометов. Суций ад! Земля трясется, взрывы, гробы над нами взлетают, скелеты всюду валяются. Ужас! Одного за другим наших ребят ранеными выносят. Одному чеченцу-гранатометчику снаряд между ног попал — мы после куски мяса на простыню покидали, все, что от него осталось. В Гаре переложили в цинковый гроб — и за Псоу, домой отправили. Я и отправляла... На этом кладбище в живых нас осталось 9 человек — шесть ребят и три девочки. Остальные либо ранены, либо убиты, либо сбежали. Мы присоединились к отряду Шаратына, вместе с ним спустились в город со стороны обезьяньего питомника... Но усидеть в Сухуми не смогла — скучно стало. Вместе с ребятами «Худого» пошла до границы, до Ингури. Потом воевали в Зугдиди — пока не поступил приказ вернуться в Абхазию. Участвовала в прочесывании Гальского района. Потом меня уже на зенитную установку посадили, наводчицей. После войны вляпалась в одну драчку: «Худой» никак не хотел отпускать Наташу — она хотела из его отряда уйти. Вот мы, несколько человек, рванули к его штабу, навели «душку» — крупнокалиберный пулемет ДШК — на его «кабинет» и ультиматум: если через 10 минут Наташу не выпустят, то... Те взбеленились, вызвали комендантский взвод, зенитку на нас направили, гранатометы. Вот в той перестрелке меня лбом и приложили о какую-то железяку. Ну, еще одно ранение есть — осколок в ягодицу попал. Как говорится, не самой посмотреть, так другим показать...

— Ирина, с другой стороны женщины воевали?

— Да, в основном снайперши. Я видела их своими глазами. Один раз меня такая чуть не подстрелила — пуля просвистела... между ног. Другой раз грузинская снайперша весь наш отряд часа два под обстрелом держала. Парню шестнадцатилетнему из Адыгеи перебила ноги — он истекал кровью на сопке. А мы не можем вытащить — плотный огонь. Тогда другой наш боевик рванулся по кукурузному полю прямо к дому, откуда велся огонь. Подкрался и кинул кирпич в окно. Тут на балкон выскочила женщина со снайперской винтовкой, вся в черном — черная юбка, черная кожанка — грузинки формы не признавали, воевали в своей одежде. И

вот тут ее наш боец из карабина одним выстрелом снял — в горло попал, я видела, как брызнула кровь и она упала. За ней вслед еще двое выскочили — пулеметчик и гранатометчик. Он и их снял... Только тогда мы смогли раненого вынести. Да все равно умер.

Но грузинки не так много воевало, больше латышки были, мы звали их «белые колготки».

— Ты с ними встречалась в бою?

— И не только в бою — мы и в плен нескольких таких девочек брали. Это было страшно — наши ребята над ними очень сильно поиздевались. Ни одна не уцелела — сначала с ними делали все, что мужики могут с женщиной сотворить, а потом и вовсе на куски разодрали. Во время мартовского наступления 93-го года латышки большие потери понесли, бросили все и уехали — в конце войны их уже не было. Воевали они хорошо, грамотно, но за деньги — сами на допросах признавались. А нам ведь ни копейки не платили! За всю войну! И при этом в России добровольцев, приехавших в Абхазию, наемниками называют! За полтора года денег ни разу в руках не держала. Знала, что меня бесплатно накормят, дадут форму, оружие...

Были ли зверства с нашей стороны? Да в основном нет — если пленного грузина сразу не убивали, то он имел хорошие шансы выжить. Ну, отметелят его прикламом, а чтобы пытать — нет. Хотя наши казаки, да и конфедераты-северокавказцы, могли после боя «не наших» женщин изнасиловать в групповую. И не удержишь. Как мы на это смотрели? Ну вот одна моя подруга, не буду ее имени называть, в начале войны попала в плен к грузинским гвардейцам. Она не воевала — ее просто пришли и забрали за то, что ее отец командовал абхазским отрядом. Три месяца над ней измывались так, что просто описать невозможно, — привязали к столу и все это время чуть ли не непрерывно насиловали! Как только она с ума не сошла... Потом ее обменяли на пленных грузин. И вот она попала в наш отряд. Как она воевала! Ты можешь себе представить, чтобы женщина могла с рук вести огонь из крупнокалиберного пулемета?! А ей всего 19 лет. Так вот, после одного боя наши парни захватили несколько грузинских женщин и стали их насиловать. И эта девочка вдруг ворвалась к ним и стала мужиков прикладом охаживать. Все думали, что она просто грузинок кончить хочет — столько натерпелась, что пленных уже и не брала. Нет, отбила женщин и отпустила на свободу!

Ну, еще несколько раз видела, как чеченцы уши отрезали и собирали в кулечек. Для них это вроде реликвий было — хвастались, друг другу показывали. Нет, не у живых отрезали — убивали грузин и отрезали. Чеченцы рассказывали, что у них дома девочки от таких сувениров с ума сходят: «Ах, он воевал в Абхазии,

шестьдесят ушей привез...» Там, например, девушка не сможет отказать кавалеру, если он преподносит ее семейству связочку ушей. Но эта мода до конца войны не продержалась, прошла.

— Что же даже матери не сообщила, сына бросила, мужа?

— Про мужа не будем, ладно? А писать — писала, да, видно, не дошло. И боялась, что мать разыскивать меня рванется. Сын... Ну не думала я, что ребенок в такие плохие руки попал, поэтому за него не переживала. Я его вспоминала — мы с девочками здесь и его день рождения отмечали. К тому же я почему-то верила, что вернусь с войны живая, увижу его глаза. Даже когда попадала в такие переделки, что наши парни не надеялись вернуться живыми, я всегда говорила: «Нет, останусь живая!» Я поставила перед собой цель — вернуться домой живой. Ненормальная я, да? А сюда одни ненормальные и приехали воевать! Сидела бы я дома и воспитывала своего сына, была бы нормальной. Сюда не едут те, у кого все благополучно, со всеми в России что-то произошло: у кого-то с психикой неладит, у кого-то на работе проблемы, семья не сложилась. Многие просто недовоевали — война их стихия. Здесь были и те, кто в Афганистане служил, в Приднестровье, рижский ОМОН... Для кого-то это просто проверка самого себя: смогу или нет? Ну не едут сюда благополучные люди! Вон, в моем отряде из 70 человек высшее образование было у 50 — кандидаты наук, мастера спорта, врачи, учителя, историки, многие МГУ закончили...

...Мать и дочь ушли из особого отдела вместе, обнявшись и едва не рыдая, — матривать выделенный Ирине дом. Когда-то там жили грузины, ныне — казаки. Хороший дом — сам видел. Похоже, мать быстро смирилась с тем, что потерянная была дочка решила навсегда осесть в полуразрушенной, но солнечной и мандариновой Абхазии. Но привезти сюда маленького ребенка наотрез отказалась: «Еще чего, на пороховую бочку сажать!»

— Чем заниматься будешь, Ирина?

— Торговать я люблю, вот и займусь этим делом. Станет лучше — сына привезу.

— А мужа?

— Ну, если захочет, посмотрим...

Утром следующего дня женщины уехали домой, в Россию — навестить родных. Так завершилась (завершилась ли?) на моих глазах эта история, больше похожая на сюжет телесериала. Но таких сюжетов в любой «горячей точке» навалом.

Сухуми — Москва

Не спорь с ослом — целее будешь

Прописную истину о том, что ослы упрямы, абсолютное большинство людей усваивает с детства. Но время от времени некоторые отчаянные голы все же пытаются доказать себе и другим, что «могут переупрямить даже осла». Для 40-летней кенийки Рут Мусока такая попытка закончилась печально.

Жительнице деревни Кианганга, в районе Китуи, понадобилось срочно привезти воду из ближайшего источника. Она вознамерилась «привлечь к работе» любимого осла. Однако животное, присмотревшее в стаде молоденькую ослицу, горело желанием продолжить род и упрямо отвергало настойчивые призывы хозяйки подставить спину под горшки для воды. Не слушая предупреждений осторожных соседей, Рут решила прибегнуть к самому вескому аргументу в споре с упрямым — хворостине. Тут-то он и показал свой норов. Разъяренное животное набросилось на женщину, сбилось ее на землю и принялось кусать. Соседям с большим трудом удалось урезонить осла-буяна.

Рут с ранами на шее, груди и бедрах оказалась на больничной койке. «Надо же, он всегда был таким смиренным и спокойным», — не перестает удивляться она.

Мораль сей басни-были... смотри в заголовке.

С МИРУ ПО НИТКЕ

Бордель на золотых приисках Амазонии

Лучшим «Труженицам тела» — по мандату

Съездами различных политических партий и движений в Бразилии никого не удивишь — их в этой огромной латиноамериканской стране достаточно много и собираются они достаточно часто.

А вот съезд... проституток — явление редкое, и журналистов тянет на такие мероприятия прямо как пчел на мед.

Третий национальный съезд представительниц

древнейшей профессии прошел недавно в негласной столице бразильской проституции — знойном городе Рио-де-Жанейро. Форум собрал около 3 тысяч «профессионалок секса», как они себя предпочитают именовать.

Делегаты из многих штатов страны отмечали круглую дату: 10 лет организованного движения проституток в Бразилии.

Уголовный кодекс Бразилии предусматривает различные наказания за торговлю телом, сутенерство и содержание

публичных домов. Однако конгресс мало напоминал сходку нелегалов: его участницы провели митинг на одной из центральных площадей Рио, выступали с лекциями в стриптиз-клубах и порнокинотеатрах, в барах районов «красных фонарей». А для коллег из провинции в целях расширения их кругозора было организовано посещение метро.

С трибуны съезда ветераны движения призвали к отмене ряда положений, как они выразились, «заскорузлого и лицемерного» уголовного кодекса, подвергли критике качество презервативов национального производства и заодно — бразильских мужчин, наотрез отказывающихся пользоваться «резинками». Было принято решение договориться с компаниями-производителями противозачаточных средств о поставках товара, минуя торговую сеть. Для объединений «профессионалок секса» это должно снизить стоимость презервативов вдвое.

На съезде обсуждались также средства защиты от СПИДа и другие вопросы охраны здоровья, рост проституции среди малолетних, жестокое (вплоть до убийств) обращение с проститутками в борделях золотых приисков Амазонии. В дебатах принимали участие адвокаты, медицинские работники, полицейские чины и даже местные политики.

Борьба борьбой, а покурить-то хочется

Споры о том, какая из стран мира является самой курящей, ведутся давно. Однако доподлинно известно, что каждый четвертый курящий человек на земле — китаец. Несмотря на то, что Китай закупает, производит и экспортирует достаточно много табачных изделий, борьба с курением в последнее время ведется хоть и малоуспешная, но отчаянная.

В ходе отмечавшегося в начале июня Всемирного дня борьбы с курением ценными призами и денежными премиями были отмечены в этой густонаселенной азиатской стране две правительственные организации, а также четыре кино- и телевизионных фильма.

Как отмечает выходящая в Пекине на английском языке газета «Чайна дейли», столь высоких наград произведения киноискусства и государственные учреждения удостоились в связи с тем, что власти сочли их вклад в

борьбу с «никотиновой страстью» за последний год наиболее весомым.

В решении о присуждении наград «весомость» вклада объясняется в одном случае тем, что в отмеченных кино- и телевизионных фильмах ни разу не появляется ни человек с сигаретой, ни сами сигареты в каком бы то ни было виде. Что же касается учреждений, то в постановлении о награждении подчеркивается, что их деятельность способствовала «снижению на 6—10 процентов числа курильщиков как среди их

персонала, так и среди городских и сельских жителей курируемых этими учреждениями местностей». К сожалению, названия этих учреждений в информации газеты не упоминались, а то бы туда сразу можно было отправить российскую делегацию для перенятия опыта.

Однако борьба борьбой, но неумолимая статистика свидетельствует о том, что общее число курящих китайцев сокращается черепашими темпами, а временами и вообще растет.

ФОТО ИЗ ЖУРНАЛА «КАМБИО—16»

ЭДУАРД КУДРЯВИЦКИЙ

Вовина отмазка

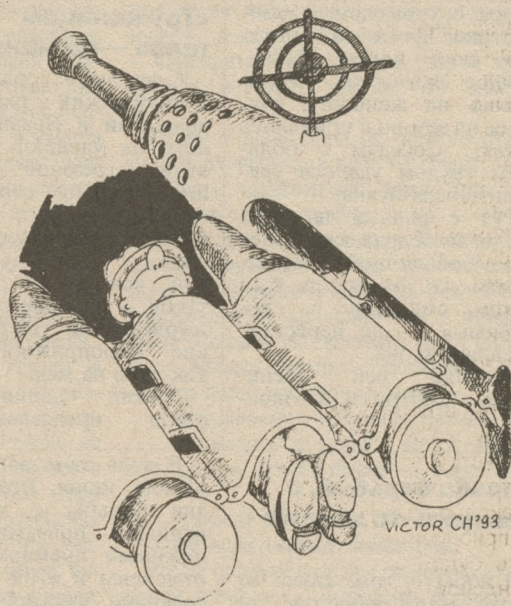
Неправда, что призыва на действительную воинскую службу избегают только трусы, слабаки и дебилы.

«Отмазка» от армии требует решительности характера и гибкости ума. И, может быть, даже вырабатывает в юноше мужские качества так же, как и служба в войсках. Чего стоит одно только сознательное заражение гонореей во время призыва! А энурез, который неожиданно косит призывников. Другие же умудряются родить двоих детей подряд...

Хотя проще всего поступить в институт, аккуратно посещать занятия на военной кафедре, получить звание и стать офицером запаса. Но, увы, и этот способ сегодня не дает стопроцентной гарантии. Примером тому история лейтенанта запаса Вовы.

Елена АВЕРИНА

Надо заметить, что Вова изначально находился в «группе риска». На военной кафедре своего института он изучал не азы военного перевода или никому не нужную профессию идеологического работника, но — обслуживание ракетных установок. А такие люди, в отличие от сочинителей листовок, армии нужны. Вова недавно закончил институт, сдал теоретический экзамен по «войне», прошел сборы — и стал таким образом офицером запаса.

ВИКТОР ЧУМАЧЕВ

И тут ему пришла первая повестка.

Поскольку военкоматы в последнее время не набирают нужного количества призывников, недобор этот стали компенсировать за счет офицеров. Так что повестка Вову не удивила, хотя и, понятное дело, не обрадовала. Но в бега, как некоторые, он не пустился, а срочно стал искать что-нибудь, чем можно заменить службу в доблестных ракетных войсках.

Таких вариантов наша реальность предлагает несколько. Основные — работа милиционером, пожарником

ЭДУАРД КУДРЯВИЦКИЙ

и кагэбэшником.

Вова был нормальным человеком, поэтому милицию отверг сразу. Его привлекла служба в рядах того, что раньше называлось КГБ. Во-первых, каждому ясно, что отслужившего в КГБ могут потом принять на какую-нибудь приличную работу без рекомендательных писем и звонков. Во-вторых, там платят неплохие деньги. Но при этом служить надо пять лет и берут к тому же только москвичей или живущих не дальше, чем в двадцати километрах от столицы. Вовин городок располагается несколько дальше, поэтому полезная и денежная служба «накрылась медным тазом».

Пойти в пожарные — тоже неплохо, хотя контракт подписывается на три года. Рискованность «пламенных» будней оборачивается, как известно, неплохим «откатом» — в виде спасенных из пламени видаков и шмоток. К тому же ходят упорные слухи, что разные коммерческие «структуры», которые горят так часто, бесплатно никто не тушит. То есть приезжает пожарная машина, и с закопченным хозяином проходят энергичные переговоры приблизительно следующего содержания: «Ну что, тушить будем хорошо или не очень? У нас, знаете ли, и брендспойт может в любой момент поломаться...» Хозяева в экстремальные минуты обычно не торгуются и сразу же обещают приличные суммы или подарки.

Все эти прибыльные перспективы весьма вдохновили хозяйственного Вову. Счастье было уже близко, но Вова сглупил и оформляться на службу пришел в очках. Не то чтобы он совсем плохо видел, но очень хотелось придать себе солидность. Вове сразу же сообщили, что он профнепригоден, поскольку натянуть противогаз на очки сможет лишь редкий очкарик-виртуоз.

Тем временем повестки все шли и шли. И нельзя было не вспомнить старинную примету: чем больше ты бегаешь от военкомата, тем сильнее тебя в этом военкомате не любят. Ссориться с этой конторой не входило в планы

Вовы. И он пошел прямо в «логово» и доверчиво предстал перед начальником. Здесь его ждал приятный сюрприз: с офицерами — пусть даже и запаса — в военкоматах обращаются намного ласковее, чем с несчастными будущими рядовыми. Вову спросили, в чем проблема. И он ответил, что служить как-то не хочется, а ему сказали, что да, разумеется, но это не «отмазка». А вот серьезное семейное обстоятельство стало бы хорошим основанием для отсрочки, и об этом стоит подумать, если уж имеется такая нетерпимость к Вооруженным Силам.

Явных «семейных обстоятельств» у Вовы не было. Родителям до пенсии надо было еще работать и работать, даже бабушка на здоровье не жаловалась. Тогда Вова, который, кстати, работал программистом на одной из московских киностудий, решил использовать как основание для отсрочки свою общественную значимость. Целый день вся киностудия сочиняла на бланке с вензелями письмо в военкомат. Письмо сообщало, что отечественная культура понесет невосполнимую утрату, если Вова хоть на минуту оставит работу, что такими людьми разбрасываться нельзя, и вообще, сейчас он активно участвует в подготовке кинофестиваля в Каннах и фестивала мультфильмов в Хиросиме и для службы в армии совершенно не имеет времени. Для усиления эффекта Вова хотел еще заручиться характеристикой своего директора, но директор, которому надоели каждодневные Вовины причитания и постоянные отлучки в разные военизированные заведения, лаконично написал, что для отечественных войск наш программист просто подарок и что в армии он непременно станет отличником боевой и политической подготовки. Поэтому характеристику с работы устроитель Каннского фестиваля решил не использовать.

Да в ней особой надобности и не было, поскольку за глаза хватило одного письма, а точнее, бланка, на котором оно было написано. К Вове стали относиться еще нежнее и дали отсрочку до лета, а это, согласитесь, уже немало.

Вова не был идеалистом и не рассчитывал, что сможет навсегда распрощаться с армией, однако решил раздобыть себе хотя бы нормальное место службы. Ведь есть разница, где выполнять «священный долг»: на Таймыре или в столичной части. И он решил, что настала пора использовать нечестный, но испытанный выход из положения — взятку. Пока он думал, чего и как, способ ему подсказал сам начальник военкомата.

«Вот ты программист, а компьютеры у вас хорошие?» — спросил душевный начальник. Офицер-призывник ответил, что очень хорошие. Начальник пожаловался, что его кондовый советский компьютер издает при нагревании жуткий шум и к тому же на нем не запускается преферанс. Вова, который был готов к более значительным затратам, радостно пообещал привезти в военкомат компьютер с работы (все равно он давно устарел) и стал расписывать параметры и возможности машины. Но про жесткие диски, биты и байты начальник слушать не стал, а только взволнованно спросил, есть ли там преферанс, и рад был положительному ответу как дитя.

Ответом на щедрый подарок военкомату для Вовы стало теплое место в штабе, которое «забронировано» для него до июля.

Ну что сказать на это? Что Вова молодец и максимально подсластил свою горькую, такую горькую пилюлю? Да. Но в нынешнем, простите, бардаке это может сделать каждый, а не только призывники с крутыми папами и дедушками. Сегодня простой мальчик «с улицы» может купить военкомат. И в этом, на мой взгляд, один из немногих плюсов нынешнего переходного периода.

Эти богемные модницы

Тусовка манекенщиц —
зрелище необычное

Юлия МАРЬЯШКИНА

Когда они на сцене — тут все ясно: гарцуют по подиуму грациозные ухоженные «лошадки» под метр восемьдесят. Но, побывав на репетиции или подслушав их разговоры в «бально-гримерном» зале, видишь несколько иное: женский коллектив со всеми вытекающими отсюда последствиями. Есть свои примы, которых уже вывезли за границу. Есть инженеру, вззирающие на «королев подиума» широко открытыми глазами: «Скоро и я так буду!» Есть приодевшиеся холеные красотки — пример для мечтательных простушек, делающих первые шаги пока не на подиуме, но перед большими домашними зеркалами.

...Войдя в зал репетиций, я поняла, что моя «дурацкая шляпка» — хит сезона — стала здесь по меньшей мере десятой. Это, оказывается, «униформа» всех манекенщиц. Барышни рассматривали свои прыщики и колленки и примеряли «шпильки» друг друга. Был перерыв, и длинноногие красотки болтали «о своем, о девичьем». Выяснилось, что одна из них, та, что двигалась наиболее профессионально, — учительница младших классов, иногда выезжающая в дальние края. Другая, симпатичная, но абсолютно без «манекенских» навыков, — финалистка конкурса красоты. Третья, скромница с видом отличницы, стриженная «под мальчишка» по велению дизайнеров, — логoped в детском саду. Четвертая — юная сексуальная шатенка, в красном пальто и красной шляпе с большими полями — еще школьница, но уже и

модель в театре Рафа Сардарова. Она вплыла в залу «как мимолетное виденье», а на репетиции больше всех старалась отточить легкий шаг. После репетиции, заметим, лишь ее ждал симпатичный, некоммерческого вида юноша.

Ворвалась немислимого вида девушка, которую я про себя окрестила «Мисс Гранж» — то бишь наимоднейший нынче образ «Золушки-Замарашки». Это было нечто среднее между Мэри Поппинс, персонажем «Лицедеев» и Золушкой: квадратный саквояж и пара целлофановых кулчков, трикотажная юбка до пят и «щузы-тракторы» в белых разводах тающих снегов на немислимой платформе, блондинистые космы, очки на носу и рокерская «косуха». Эклектичная барышня только что «прибыла из Бундеса», в смысле, из Германии, о чем она громко сообщила открывшей рты «малышне». Там ей заплатили 500 марок, на которые был приобретен этот «крутой прикид». «Правда, классно? — вопрошала она, без усталости вспоминая

цены. — Туфли — 20 марок, куртка — 250, а вот кофточка, девки, смотрите, — показалось нечто вязаное розочками в больших дырках, — всего за 29 марок!» Да, у нее был свой безумно смешной антистиль, неудивительный в странах Европы, но жутко неуместный в слякотной Москве, где ты не сможешь поднять ногу в узкой макси-юбке при входе в автобус, твой саквояж будет занимать в толчее метро слишком много места и т.д. «Мне мой милый дал сто баксов, — продолжала Мисс Гранж в манере попугая Кеши из мультфильма, собиравшего вокруг себя толпу разными байками. Демонстрируя эксцентричный наряд, «девушка из Бундеса» продолжала: «А еще месяц назад мы с ним смотались на Тайвань, вот, загар еще остался, и там он выторговал для меня классный костюмчик от «Диора» за двести баксов». У юных птичек просто перехватывало дыхание от этих финансово-гардеробных деталей. Они и не подозревали, что костюм от «Диора» ну никак не может стоить

200 зеленых, и в таких бутиках не торгуются, а Тайвань шьет много подделок.

Мисс Гранж передела свои уличные «бульдозеры» на не менее причудливые «тракторы» на высоком каблуке, гордо отличаясь от скромных «шпилечниц». После перекура ходьба на каблуках под медленный магнитофонный аккомпанемент возобновилась. Наша «трактористка», будучи звездой локального масштаба, не слишком утруждала себя, рисуя длинными ногами требуемые элегантные па. Но маленький спектакль продолжался — появились новые персонажи. Мощных габаритов стриженная ежиком девушка с тяжелой походкой, в мужском костюме, при галстукке и соответствующем чемодане. С ней — дома в черном парике, дизайнер костюмов «а-ля рюс». Хождения прекратились, юным моделям не терпелось пощупать парик и поглазеть вблизи на интригующую «Мисс Лесбос». Та решила за компанию походить по подиуму, топя тяжелыми ботинками. Репетиция продолжалась...

Года три я наблюдаю и за другой фотомодельной компанией, девушки из которой оказались более разговорчивыми. 23-летняя Лада с умопомрачительной прической («экспонат» на конкурс парикмахеров в Лондон), чей выход на подиум редко проходит без аплодисментов, возвращает праздного зрителя фэшн шоу удивительно открытой и искренней улыбкой. Света, 19 лет, которую я про себя назвала «уверенно вперед по жизни» за ее подчеркнuto профессиональную походку, оказалась весьма интеллектуальной барышней, кажущейся старше своего возраста. И, наконец, Оля, 19 лет, — «королева бала», к которой неприменим примитивный эпитет «красивая». На подиуме она величественна и выглядит при полном мейк-апе лет на 26. Они оказались такими разными! Улыбчивая Лада — из семьи циркачей. Наверняка вы все ее помните по фильму «Любовь и голуби», где в 13 лет она снялась в роли дочки Оли. Сейчас Лада — молодая мама, в прошлом работавшая машинисткой во Дворце пионеров. Пришла в мир манекенщиц и в Театр моды к режиссеру Жене абсолютно случайно — сидела с ребенком, помогали муж и мама, и решила Лада в 21 год дерзнуть. Жена, в прошлом постановщик шоу у Зайцева, а ныне иногда в Париже, иногда в Москве делающий показы самым именитым кутюрье, разглядел в ней изюминку и начал учить ходить «нового ребенка» — так он называет своих длинноногих секса-

пильных учениц.

Через полтора месяца Лада по «наводке» одной из приятельниц преподнесла свою кандидатуру на отбор манекенщиц, или кастинг, говоря фотомодельным языком, опять же просто так, забавляясь, не рассчитывая на оvação. А в конце концов поехала учиться искусству дефиле в подиум в Германию. Ее недавняя победа в предновогоднем телеконкурсе в двух номинациях — зрительская симпатия и приз жюри — произвела фурор. Даже бывшие одноклассники, которые раньше жирафой обзывали, теперь звонят и спрашивают, что нынче модно. Одета, кстати, Лада не от Версаке или Шанели, но с изюминкой — джинсы на забавных подтяжках.

Интеллектуальная Света, провалившись в иняз на немецкий, решила «пустить в ход» свою длинноногую спортивную фигуру и после 11-го класса средней школы подалась с легкой руки мамы — «простого инженера» — к самому Зайцеву. Представляла его коллекции в Китае и Германии. Ныне работает в другом Театре моды и подумывает о долларовом поприще секретаря-референта с немецким языком и длинными ногами, хотя считает себя весьма профессиональной манекенщицей. Наверное, многие мамы прочат своим юным чадам женского пола, рост которых 176—180, красивую жизнь фотомодели или, в крайнем случае, манекенщицы на подиуме. На мой взгляд, манекенщицей может стать каждая барышня, кото-

рую в детстве обзывали «верстой коломенской». Видела я не самых красивых представительниц «подиумного племени», но манекенщицы они были классные и вели себя как королевы красоты. Фотомодель — другое дело. Без «даров природы» в виде идеального носика и всего остального не обойтись, хотя, бывает, требуются женщины-вамп — блонетки с орлиным носом.

Девочки, начавшие эту кратковременную карьеру лет в 17, говорят, что их поезд в настоящий мир моды ушел. Сейчас юные красавицы начинают в 14 лет, и не только в Париже, но и у нас. Тогда к 17 годам к фотомодели придет жизненный и актерский опыт, а агентства узнают об их существовании. Чем раньше, тем лучше. Ведь век фотомодели недолог — примерно лет до 28. А потом придется переквалифицироваться на какую-то более земную профессию. Первый шаг несмысленной мечтательницы, грезящей подиумом, — сделать качественные фотографии, на которых была бы видна индивидуальность. Стоит это в среднем 100 долларов. Свои портреты девочки несут в агентства «Шарм», «Модус Виндиси», «Рэд Старз». И ждут звонка, общаются между собой, обмениваются информацией. Часто вообще сидят дома целыми днями — нет работы.

Супермодель из себя надо лепить: беречь здоровье смолоду, не курить, не напиваться до чертиков, как это частенько делает юное постперестроечное поколение, потому что уже в 22 года образ жизни отражается на «физии». Опытные манекенщицы не советуют заниматься на тренажерах или шейпингом — мышцы сильно увеличиваются, а когда прекращаешь занятия — превращаются в жир. Лучшее всего для поддержания фигуры делать растяжки.

Вступление юной леди в мир моды многие расценивают чуть ли не как шаг в проститутки. Я тоже ждала от моих собеседниц историй о мифических подружках, которые поехали работать за границу «через канале». Они все об этом слышали или вычитали в газете «Спид-Инфо», однако никто никогда, слава богу, не сталкивался с похотливыми дельцами, хотя за границу выезжают нередко. Главное в работе фотомодели — не падать духом, когда твою кандидатуру отклоняют на кастингах, не бояться менять образ. И быть немножечко богемной, забывая о том, что вчера на показе натерла ногу новыми шпильками...

Тристан и Изольда XX века

Шестьдесят лет назад убили Бонни и Клайда

Как мы относимся к Бонни и Клайду — не имеет значения. Важно, что они были, — вот и все.

А.Пенн, постановщик фильма
«Бонни и Клайд» (1967)

Андрей ШЕМЯКИН

Бонни Паркер и Клайд Бэрроу, самые знаменитые любовники двадцатого столетия, погибли в мае 1934 года от пуль техасских рейнджеров. Пуль было много. Их машину поливали огнем добрых пять минут. Бонни и Клайд получили по тридцать ран. К их голым изуродованным телам в морге были допущены репортеры. На следующий день эти снимки увидела вся Америка.

Америка не знала, как реагировать на случившееся.

В первый год деятельности «банды Бэрроу», как их тотчас же окрестили, страна от души сопереживала своим героям. У каждой Великой Депрессии должен быть свой Великий Вор. В голодные времена разбойник вырастает до народного героя. Субъективно стремясь к наживе, бесцеремонно потроша чужие кошельки, объективно он становится выразителем народных чаяний. В дурные, депрессивные эпохи система ценностей переворачивается, как песочные часы.

Великая Депрессия тридцатых годов закончилась потому, что убили Бонни и Клайда. Наша началась с того, что наглухо запрещенный фильм Артура Пенна 1967 года, близко к тексту пересказывающей их историю, показали по российскому телевидению. В шестидесятые годы Бонни и Клайд были кумирами бунтующей молодежи. Скоро станут нашими, если только свихнувшаяся действительность не породит отечественного аналога этой маленькой банды.

Сегодня их история в России хорошо

известна благодаря телесериалу «Самые громкие преступления XX века», показываемому каналом НТВ. Где тут домыслы тогдашних репортеров, где правда — не разберется ни один криминалист. Достоверно известно следующее. Клайду было бы сегодня восемьдесят шесть, Бонни — восемьдесят четыре. Встреча их произошла в 1931 году в Западном Далласе. Клайд только что вышел из тюрьмы, куда попал за пару-тройку мелких грабежей и был отпущен под честное слово за примерное поведение. Не желая работать, он в тюрьме отрубил себе два пальца на ноге и на волю ковылял на костылях. Бонни работала официанткой в кафе. Девушка была, что называется, с запросами, с зачатками литературного дарования и жадной приключений. Про-

винциальная скука плюс нищета — не лучшая среда для таких натур. Не знаю, какая искра между ними проскочила, но берусь утверждать, что никакой любви с первого взгляда не было — была тоска по другой жизни. Решили ограбить банк. Поскольку на дворе была Великая Депрессия, денег в банке не оказалось. Так началась их преступная карьера — надо признаться, на редкость успешная.

Долгое время банду Бэрроу никто не принимал всерьез. Даже когда к ним присоединился брат Клайда, а потом его приятель. Грабили тогда щедро, и меньше всего общество было склонно осуждать ворующих.

бовь: они не грабили бедных и всячески это подчеркивали. Они грабили банки. Закон на стороне толстошума, но общественное мнение на стороне стихийного революционера-экспроприатора, и банда Бэрроу почувствовала это очень скоро. Если бы не помощь и восхищенное любопытство местного населения, их накрьли бы куда раньше.

Все-таки они были не совсем обычные воры. Их чрезвычайно влекла публичность. Все про них всё знали. Работа репортеров облегчалась письмами и фотографиями, которые сладкая парочка в изобилии рассылала по газетам. Слава им нравилась. И это была не наглость удачливых жуликов, не вера в свою безнаказанность, но своеобразный эстетизм, игра со смертью, риск и художество. Бонни писала стихи: как большинство самодеятельных поэтов, она в рифму описывала свои приключения. Стихи на случай сохранились, я их имею, вот они:

*Болтают, мол, Клайд — дурак и
подлец.
Мол, у него с подружкой булыжники
вместо сердец.*

*Но это — сущая ерунда:
Клайд — парень что надо, хоть куда,
Чистый, прямой и честный.
Мне точно это известно.*

Депрессия, что вы хотите. Страна накопила такой заряд злобы и мстительности, что Бонни и Клайд оказались идеальной разрядкой. Им соперничали. За них болели. Никто не хотел их ловить.

Кстати, поймать их было не так просто. Если грабили они с наивной наглостью, чаще всего беря на попут, то уж удирать умели профессионально. Сама того не желая, Америка им в этом помогала. Новый курс Рузвельта начался с того, что страна стала строить дороги (любимый пример Юрия Лужкова). В год, когда Бонни и Клайд начали грабить, изобрели быстроеходный малолитражный «форд». Тактика банды Бэрроу была построена на этих двух факторах: налететь, ограбить и по хорошей дороге махнуть в соседний штат. Федеральной полиции в начале тридцатых не было, в каждом штате управлялись свои. Пересекать границу, продолжая погоню, оказывалось еще более накладно, чем оставлять все как есть. Ну и ездили.

Не поймешь, что их больше влекло — нажива, приключения, охота к перемене мест. Они искренне мечтали объездить всю Америку, совершая ограбления в каждом штате и гремя в местной прессе. Действи-

тельность оказалась мрачнее: они кружили возле Техаса, и круги становились все уже и уже, а метания — все лихорадочней. С самого начала над ними витала тень обреченности. Все знали, что рано или поздно их поймают, но сначала к этому относились с некоторым сожалением, словно выжидая, что будет с героями дальше. Охота на Бонни и Клайда была, пожалуй, первым прототипом страшной телеигры, описанной у Шекли в «Цене риска» или у Кинга в «Бегущем». Парочка грабила. Полиция ловила. Страна соперничала и неотрывно следила.

В это время традиционная система ценностей вообще несколько сдвинулась. Нам сегодня это особенно легко понять. Разумеется, ни один средний обыватель не станет оправдывать разгул преступности на том основании, что жизнь плохая. Кому ж понравится, что в сегодняшней Москве после захода солнца страшно выйти на улицу. Однако даже чикагская мафия удостаивалась тогда определенных «зрительских симпатий»: в стране горбатых будь горбат, в преступном и нищем государстве воровать до известной степени почетно. У Бонни и Клайда были особые шансы на всенародную лю-

Ну и так далее, такой рифмованный Уитмен.

На парочку вешали все преступления подряд, и дело тут не только в лености полиции, желавшей списать нераскрытые дела на заведомо неуловимых народных любимцев, но и в самой природе легенды. Жизнь героев на глазах становилась преданием. Легендарный герой обязан и грабить в легендарных масштабах, так что хвост нераскрытых ограблений за Бонни и Клайдом тянулся немалый. Действительные их подвиги были скромней. Впрочем, создавая им репутацию бессердечных убийц, полиция надеялась, видимо, перетянуть симпатии народа на свою сторону. И преуспела в этом, но благодаря не столько злодействам Бэрроу, сколько «новому курсу» и улучшению жизни. Мораль постепенно входила в прежнюю колею, и сочувствие к грабежу сменилось добродетельным осуждением Бонни и Клайда. К тому же они несколько увлеклись, переоценив меру сочувствия к себе: Бэрроу убили восемнадцать человек. Для имиджа «благородных жуликов» это много. И вообще много. Страна готова оправдывать воров, но не убийц.

...**В**от с их взаимной любовью все далеко не так очевидно. Естественно, обыватели были убеждены, что Бонни и Клайда связывает страсть, подогреваемая риском. В присутствии смерти любовь, как известно, сильнее и отчаянней. Эту легенду и эксплуатировали в фильме 1967 года: Клайд там поначалу оказывался импотентом и овладевал подружкой лишь незадолго до гибели. Как будто их прежнее ритуальное целомудрие (прямая аналогия с Тристаном и Изольдой) поддавалось новому ощущению жизни — яркому и острому мгновению полноты бытия, чего не бывает без постоянного чувства опасности. На самом деле Клайд импотентом не был, а был бисексуалом: с одним из членов банды у него были отношения не менее интимные, чем с Бонни, которую это бесило. Всей правды сейчас не узнает никто, но по части темперамента Бонни явно превосходила Клайда. Возможно, их любовь и в самом деле была идиллией — писала же она в своих стихах, что единственная ее и Клайда мечта — «жить как обычные люди». Однажды они даже сняли маленький домик, но через три ночи его окружила полиция, и пришлось спешно удирать; Эта бесконечная изматывающая дорога обоим надоела до смерти. Весьма вероятно, что оба рассчитывали наворовать достаточно и обосноваться в тихом месте, но игру уже надо было доигрывать. Они оказались заложниками собственной легенды, в конце которой стоит неизбежная, неотвратимая точка. Бонни и Клайду никто не дал бы остепениться и расстаться с ремеслом: их уже выталкивали в колею преступности. Они были нужны такими, им надлежало воплотить мечту нации и расплатиться за это полной мерой при первых признаках нормализации жизни.

Не так уж важно, кто выдал Бонни и Клайда. По фильму, это сделал отец малолетнего Си Даблю Мосса — паренька с бензоколонки, примкнувшего к грабителям. И выдал он их не за совращение сына, а за татуировку, которую Бонни сделала на груди мальчика. Заложил их действительно отец молодого новичка. Была засада. Было пятиминутное побоище. Форд превратился в решето, словно все пули, посланные когда-то Бонни и Клайдом, вернулись к ним. Потом были похороны — пышные, с присутствием родителей. На могиле Бонни начертаны ее стихи:

Когда-нибудь Бонни и Клайд вместе падут,

*И рядом их похоронят.
Искренних слез о них мало прольют,
Стражи порядка с облегченьем
вздохнут,
Но ведь Бонни и Клайд умрут!*

Искренних слез в самом деле было пролито мало. Честные люди отторгали порочных. Их и убили тexasкие рейнджеры, недавние «братья по классу», рукоплескавшие их блистательному началу. Все сыграли свою роль в общей драме. Случай-

ное превратилось в закономерное. Бонни и Клайд стали персонажами нескольких сентиментальных и малолудачных картин с примитивной моралью: они любили друг друга, но плохо себя вели. Страна начинала жить нормально. Можно было по-прежнему уважать собственность.

...Подлинная легенда родилась в середине шестидесятых, когда Дэвид Ньюмен и Роберт Бентон написали сценарий «Бонни и Клайд».

Почему в шестидесятые годы сценаристы обратились к этой истории, объяснять не надо. Сами авторы фильма с изрядным скепсисом относились к узкосоциальным злободневным трактовкам своей ленты. Всем казалось, что «Бонни и Клайд» говорят «о Вьетнаме, о брутальности полиции, об Освальде» и т.д. Ньюмен и Бентон писали не о том. Но, положа руку на сердце, было ведь что-то в той ситуации, что побуждало студентов, оскорбленных вьетнамской войной, увидеть в героях фильма собственных двойников, живущих и умирающих в ожидании настоящего дела! (Позднее Солженицын осудит этих студентов за неприятие войны, которая велась во имя антикоммунизма.)

В истории создания фильма о Бонни и Клайде много мистических совпадений. Написавши сценарий, авторы разослали его во все студии, кроме «Уорнер Бразерс», которая в итоге и запустила картину. Сюжет как будто укладывался в жанровый канон американского «черного» фильма сороковых годов, но Ньюмен и Бентон ориентировались на французскую «новую волну». Они обожали Годара и Трюффо. Оба классика в разное время собирались снимать картину, перерасывали друг другу синопсис с пометками и выводами, но у Трюффо был жесткий график работы — по фильму в год, — и заняться «Бонни и Клайдом» ему «помешали» деньги, внезапно полученные на давно задуманную экранизацию «451° по Фаренгейту». Годар, как экстравагантный гений, не захотел ехать в Техас смотреть натуру, собиравшись снимать в Японии, а в Даллас его к тому же не пускала погода. В конце концов он отбыл в Париж снимать «Альфавилль». Сценаристы задним числом оправдали поведение обоих французов, ибо Годар, по их мнению, снял бы что-то совершенно свое, этакого «Безумного Пьеро» на американском материале. Был бы еще один Годар или Трюффо. А «Бонни и Клайда» не было бы.

Обращались со сценарием ко всем, но об Артуре Пенне, постановщике «Погони», подумали в последнюю очередь. Опасались, что Пенн снимает социальное кино, а Ньюмен и Бентон хотели снять картину о «стиле». Пенн и придумал стиль, рассказав историю сентиментальных грабителей как балладу о конкретной жизни, уходящей в легенду.

Самые серьезные разногласия с Пенном коснулись как раз эротической стороны сюжета: авторам сценария казалось, что Клайд должен быть «голубым» — тогда его отношения с Бонни носили бы уже со-

вершенно трогательный характер, исключая всякий элемент насилия внутри банды и перевода его вовне. Пенн идеи не одобрил, ибо хорошо знал американских зрителей. «Если это будет так, — сказал он, — все поступки Клайда и банды истолкуют в этом ключе. Мол, чего взять с «голубого». История потеряет универсальность». Сошлись на частичной импотенции — «мог, но не хотел».

Трюффо нашел исполнителя главной роли — Уоррена Битти, который стал и продюсером картины. Когда Пенн показал ему молоденькую Фэй Данауэй, Битти сначала не поверил в свою будущую партнершу. Зато потом уже невозможно было представить другую Бонни Паркер. Брата Клайда — Бака Бэрроу — сыграл знаменитый впоследствии Джин Хэкмен, прямой и горячий семьянин, уравновешивающий бездомность Клайда. Истерично-добродетельную жену Бака играла Эстель Парсонс.

В целом вся компания позволяла зрителям ощутить главный пафос фильма — поражение на запретных путях обретения свободы. С первыми признаками стабилизации все, кто следил за странствием Бонни и Клайда, ощутили опасность непредсказуемых поступков, а не только их притягательность. Получилось так, что с каждым следующим экзотическим действием героев у них остается все меньше реальной свободы, которой они так хотели. Роли навязаны, пути назад нет. Был и впрямь дан ответ на анархическое бунтарство персонажей французской «новой волны». В 1967 году в конце пути уже маячил тупик, бунт оборачивался либо возвращением на круги своя (как у героя Сэлинджера), либо гибелью, если уж играть до конца. Фильм подводил итог начала шестидесятых.

Успех картины Пенна был грандиозен. На парижской премьере все оделись в костюмы а-ля Клайд Бэрроу и платья а-ля Бонни Паркер. Заработала сопутствующая индустрия: вошли в моду старые автомобили, шляпы, береты... Саймон и Горфункель сочинили дивную песенку — с аккомпанементом в виде автоматных очередей.

В России фильм был запрещен однозначно. Действовал, как обычно, не запрет, а табу. Причина, собственно, не в произведении как таковом, а в подходе, повороте, интонации. Через три года после выхода фильма в «Искусстве кино» появилась статья одного из самых ярких «зарубежников» — Александра Доросевича: «Бонни и Клайд: герои или жертвы?». После нее ленту надо было немедленно выпускать в прокат. Социальная симптоматика

этой гангстерской картины не требовала доказательств. Но изображение входило в противоречие с содержанием: симпатия по отношению к героям, классовая солидарность с жертвами Великой Депрессии, наказанное зло, — а остается от всего оскомина. Фильм живет своей жизнью. Шесть лет спустя в последнем выпуске «Зарубежных киносценариев» опубликовали запись по фильму, и сюжет работал уже на другую идею — на ностальгическое ретро. «История» оторвалась от киноповествования, фильм не выдавали даже киноведам.

А между тем к году этак восемьдесят седьмому актуальность его для родных палестин стала очевидной. Возник пейзаж Великой Депрессии: мерзость запустения, все срываются с насиженных мест, меняют профессию, пытаются выжить... И новая аудитория была вполне готова сочувствовать героям: она стала уже было и мафию превозносить, и с темными дельцами заигрывать, и вообще возобладала новая мораль: вор — не вор вовсе, а предприниматель, и кто украл булку — попросту выступил этой булки приватизатором. Что уж тут говорить о сострадании к рядовым гангстерам, которые куда благороднее мафии — не нападают со спины, дерутся в открытую, практически беззащитны (какие-то там кольты да пулемет — игрушки рядом с вооруженной до зубов чеченской, допустим, группировкой!). И вообще пафос свободы, отвязанности, снятого запрета был понятен и приятен.

О цене свободы, о неизбежной расплате смертью за такое освобождение не задумывался никто.

Сейчас — тоже.

В январе 1991 года страна посмотрела «Бонни и Клайда». Впервые, причем сразу — по телевизору.

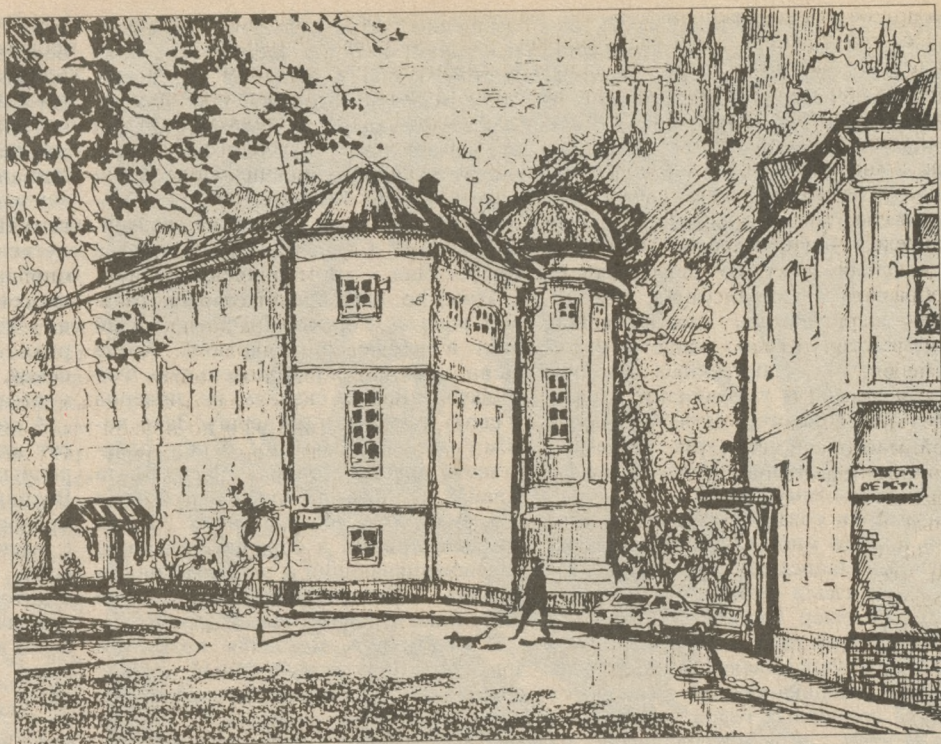
Пошел отчет Великой Депрессии.

...Как, кстати, они выглядели? Она — довольно миловидная блондинка, недалекая, несколько истеричная, с лицом неправильным и нервным. Клайд был на Уоррена Битти совсем не похож. Маленького роста, прихрамывающий, вихрастый, черты мелкие. Зато имел врожденный талант стрелка и прекрасно водил машину. Легко раздражался, орал, под горячую руку мог и поколотить. Особенным умом не отличался и вообще был куда менее романтичен, чем его подруга.

Они очень друг друга любили, жили недолго, но счастливо и умерли в один день.

Алексей
МИТРОФАНОВ

На задворках ВЫСОТКИ

Чтобы попасть на Гончарную улицу, нужно пройти переулком с дурацким названием Ватин. Представьте себе: «Большой Ватин», хотя он до смешного короткий. Говорят, есть еще Малый Ватин, но его отыскать невозможно.

Улица Гончарная немного смахивает на провинциальную. Она славится подбитыми собаками и всяческой дорожной техникой: помоечными, подметальными, снегоуборочными и песочными — по цвету и по функции — машинами. Вечерами (сам видел!) они собираются в кучки по двое, трое, находят асфальтом зажатую клумбочку и кружатся вокруг нее при свете фонарей с потушенными фарами. А прохожим становится жутко. Хоровод отбивает охоту чудачить и гонит прохожих домой. Так крепчают российские семьи.

Улица осенена звездой высотки. Видно ее отовсюду. Она — крест Гончарной. Хотя там есть и православные кресты.

Русло улицы — высоткин двор. Весь какой-то недоделанный, недоухоженный

Гончарная улица названа по бывшей здесь в шестнадцатом столетии Гончарной слободе. С 1919 года и до недавнего времени была улицей Володарского, в честь Моисея Марковича Гольдштейна (Володарского), видного революционера.

Рис. Ю. Николаевой

и недоброжелательный, с подземным гаражом, какими-то спортивными площадками, словно специально созданными для выгула собачек. Он — на крутом холме, а старое название того холма — Швивая горка.

Одни считают, что она так названа по слову «шив», что у языческого народа мокошь означало солнце. Другие думают, что холм был покрыт «ушем», то есть терном, оттого — «ушивая». А третьи уверены: горка та вовсе не швивая, а просто вшивая. И они, пожалуй, правы.

Вшивое место богато всякими позорными событиями. Совсем недавно кончились дурацкие конфликты, связанные с дележом здания «РТВ-пресс», ранее принадлежавшего телекомпании «Останкино». И, как известно, завершились они кризисом «РТВ-пресс».

Да что там газеты-журналы, когда даже церковь Никиты, что стоит на горе, «в революцию влопалась»!

В начале двадцатого века этот холм (кстати, известный еще с XV столетия) уже

начал принимать небрежный вид. Но, тем не менее, его любили. В частности, за галерею, с которой открывался изумительнейший вид. «Лучше всего он утром, когда солнечные лучи отчетливо и ярко освещают всю панораму, — писал путешественник. — Но и вечером, в ясный закат, полны своеобразной прелести четкие черные силуэты башен и стен Кремля на алом небе».

А в ноябре 1917 года в ограде этой церкви (ограде старой, многоценной, но поломанной еще до революции) большевики установили грозные орудия. «Когда я приехал на батарею, с тем чтобы приступить к обстрелу Кремля, то увидел, что вся батарея пьяна и что нужно ее сменить. Артиллерийский кадр был у нас достаточный, и мне удалось сделать это быстро», — вспоминал Н.Туляков, командующий батареей.

Именно отсюда полетел снаряд в часы на Спасской башне, их разбомбивший, — долго потом мастера искали.

В тридцатые, особенно атеистические годы институт литературы имени М.Горького в лице директора, товарища Луппола, добился разрешения построить вместо церкви новый дом для нужд литературоведческих. Однако же храм чудом устоял, и в нем расположился склад студии «Диафильм».

В конце пятидесятых церковь, тезоименитую тогдашнему правителю Хрущеву, старательно отреставрировали (вероятно, по этой причине). И много ходило легенд о подземном тоннеле, что ведет от храма к берегу реки, а то и под рекой — к Кремлю.

Конечно же, сейчас тут действующий храм, да не простой, а как бы иностранный — подворье Афонского Русского Свято-Пантелеймонова монастыря.

А напротив этакой экзотики — другая, из совсем иных миров. На причудливом доме с полукруглым и, пожалуй, неуместным эр-

кером табличка: «Государственная пограничная инспекция по карантину растений по городу Москве».

Что за наваждение? Что за дьявол? Тут и суровые пограничники, и больничный запах карантина, и какая-то загадочная забота о растениях. Да «по городу Москве»...

Может, это просто страшный сон?

Но рядом — пробуждение. Дом номер 3 — узорчатый, досчатый, с забором деревянным, прямо деревенским и с обувно-мастерской в подвале. Бог весть как уцелевшая провинциальная Москва.

А по другую сторону — не менее провинциальные усадьбы. Ту, что принадлежала Строгановым (дом 12), видимо, Баженов строил. По крайней мере, И.Грабарь в ней видел «подлинное произведение великого мастера». И не замечал, что повысил его в иерархии каменщиков до Великого Мастера Н.Новикова. Баженов же был невысокого градуса.

Рядом (дом 16) — не менее роскошная усадьба Клаповской. И этот дом участвовал в сражениях. Совсем недавно туркомпания «Москва» выживала отсюда достойную организацию — Дом научного атеизма, к тому моменту переименованную «до наоборот» — в «Дом духовного наследия». И охранники

«Москвы» шугали муфтия Румынии, руководителя мусульманской общины Польши и прочих высокопоставленных хранителей духовного наследия, приехавших сюда на конференцию.

Правда, сегодня претенденты на усадьбу вроде помирились, живут мирно, делят старый дом между собой, на жизнь не жалуются.

Улица Гончарная проникнута войною и религией. Даже на месте серых зданий, что по правой стороне, в конце, стояли церкви. Сразу две. Одноименные. Космы и Дамиана. Говаривали, будто храмы строили два брата-богача. Сначала один на двоих возвели, а после поругались, и пришлось вторую церковь строить. Чтобы было у каждого.

Кстати, одноименные они только на первый взгляд. Та, что ближе к высотке, — во имя святых мучеников, за христианство в Риме пострадавших. Та же, что дальше, — во имя врачей-бессребреников.

Самый известный храм Гончарной улицы — церковь Успения в Гончарах. И тоже — «иностранец» — подворье Болгарского православного патриархата. Но по дороге к этой церкви, на доме 25 — табличка: «Республиканская инспекция по карантину растений Госагропрома СССР по РСФСР. Респуб-

ликанский фумигационный отряд».

Так, значит, это был не сон! Давно уж нет ни СССР, ни РСФСР, ни тем более Госагропрома, однако грозные фумигационные отряды тайком пытаются поставить наши, без того немногочисленные растения на карантин!

Несмотря на видимый уют, Гончарная зловеща, агрессивна. Здесь страшно жить, страшно гулять, просто подумать о ней — страшно.

Кажется, на этой улице до сих пор бродит дух скульптора Коненкова, бежавшего сюда в паршивейшее время своей жизни — разойдясь с супругой. Здесь проживал опустившийся гений, ел что попало, не творил. Потом оправился, с Гончарной съехал.

А после смерти — возвратился вновь.

Усадьба
Клаповской
Фото
1900-х годов
из собрания
М.Струкова

Быть стройным и здоровым
поможет Вам

ГЕРБАЛАЙФ

— *травы жизни.*

Используя американский экологически чистый продукт питания на основе трав всех континентов, Вы сможете избавиться от лишнего веса, нормализовать давление, прекрасно выглядеть, быть энергичным и бодрым. Не за горами — купальный сезон! Подумайте о том, как Вы будете выглядеть на пляже.

Для желающих доставить удовольствие
прекрасному полу — **НОВИНКА!**
СЕКС-КРЕМЫ!

У нас Вы также можете приобрести
замечательные **ФИЛЬТРЫ-КУВШИНЫ** для
очистки водопроводной воды дома и на даче.

Маленькое чудо в Вашем доме —
вибрационно-вакуумный **ГИДРОМАССАЖЕР**.
15 секунд — и он подключен к Вашему душу!

**БЛАГОДАРИЯ ПРЯМЫМ ПОСТАВКАМ У НАС САМЫЕ
НИЗКИЕ ЦЕНЫ!**

Фирма «Neway's» (США)
КОСМЕТИКА XXI ВЕКА

Приглашает к сотрудничеству распространителей

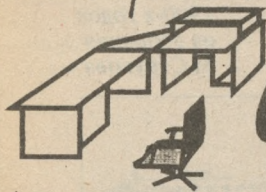
Тел./факс: 245-40-72, 245-59-56,
с 10.00 до 18.00.

ПРОИЗВОДСТВЕННО
КОММЕРЧЕСКАЯ
ФИРМА

КТК

Только у нас вы можете сразу купить

дешево

МЕБЕЛЬ ДЛЯ ОФИСА

ВЫСТАВОЧНЫЙ ЗАЛ

Делегатская 7, м. "Цветной бульвар" (за Театром кукол)

Тел. 973-90-57, 973-90-56.

НПП «МОДУЛЬ»

изготовит и установит:

- стальные и решетчатые двери
- ажурные решетки
- раздвижные и распашные решетки (ширмы)
- городские заборы
- стальные охранные жалюзи;

изготовит:

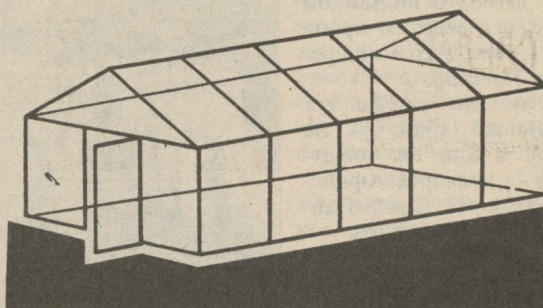
- парники под пленку и остекление
- шкафы для рабочей одежды
- городские заборы.

275-17-07 275-15-48

Наш адрес:

м. «Автозаводская», далее любым транспортом
до ост. «1-я проходная ЗИЛа», Московский авто-
мобилестроительный институт, корпус 3, этаж 5,
комн. 3506, с 9.00 до 18.00, в субботу до 16.00.

ПАРНИКИ МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ

**ПРОДАЖА
КВАРТИР В МОСКВЕ**

**НЕДВИЖИМОСТЬ
В АНГЛИИ
И ГОЛЛАНДИИ**

С 10 ДО 18 ЧАС.

449-3933 449-3943

449-3764 445-4263

445-1462 445-3988

**1-
КОМНАТНЫЕ**

**2-
КОМНАТНЫЕ**

**3-6-
КОМНАТНЫЕ**

114-1893 407-9813 ПОСЛЕ 18 ЧАС.

ЛЬГОТНАЯ ПОДПИСКА

Уважаемые московские читатели

«СТОЛИЦЫ»!

Если вы имеете возможность приезжать за нашим журналом в редакцию, мы подпишем вас на второе полугодие 1994 года по льготной цене:

**6000 рублей (на полгода),
3000 рублей (на квартал),
1000 рублей (на один месяц).**

Подписку можно оформить в редакции по адресу:
Петровка, 22, вход со двора, комн. № 610.

Справки по телефону:
928-10-34

ПОДПИСКА НА "ОГОНЕК" И ЕГО ДОЧЕРНИЕ ИЗДАНИЯ

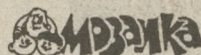
АЛЬМАНАХ

**СДЕЛАЙ
САМ**

Индекс: 73357

ЖУРНАЛ КОМИКСОВ

Индекс: 73242

ГАЗЕТА

ЭХО ЭСНО

Индекс: 32107

Индекс: 70663

Телефон отдела
распространения:
(095) 257-32-13

ГАЗЕТА

Индекс: 32186

Ордена Дружбы
народов
Литературный институт
им. Горького
объявляет прием
в аспирантуру
по специальностям:

русская литература
(в том числе
русская литература
XX века);
литература
народов РФ;
литература стран
нового зарубежья;
литература народов
Европы, Америки
и Австралии;
теория литературы;
теория перевода;
русский язык.

Условия приема — общие.
Прием документов
и рефератов
с 1 по 30 сентября
1994 года.

Вступительные
экзамены —
в ноябре 1994 года
по предметам:
специальность,
философия,
иностранный язык.

Адрес:
103104, Москва,
Тверской бульвар, 25.
Телефон: 203-54-07.

Компас

Флюгер показывает, куда ветер дует.
 Благодетель Отечества указывает, куда ему дуть следует.
 Компас всегда показывает в одну и ту же сторону:
 куда ему свойственно

Драматург, сценарист, режиссер Александр Галин вырос в Курске. До двадцати одного года он жил в непосредственном соседстве с Курской магнитной аномалией. Он любил выезжать за город, в загадочную аномальную зону: там, кажется ему, у всех какая-то повышенная чувствительность и вообще происходят маловероятные вещи. Аномалия зарядила его на всю жизнь. Болевую точку времени, его стержень Галин вычленяет с некоторым даже опережением. Конфликт стареющего романтизма советского образца и молодого прагматизма — начало восьмидесятых, «Ретро», первый шумный успех. Драма эмиграции, отказ от идеалов юности, путь идеалистов в маргиналы — самая кассовая пьеса последнего времени, ленкомовское «Сорри», три года собирающая полный зал. Россия и Запад плюс вечная драма интеллигенции и народа — только что снятый самим автором «Плащ Казановы», равно цепляющий за живое интеллектуалов и массового зрителя. Галин двадцать лет пишет острые, малогеройные, динамичные пьесы на самые болезненные темы: на боль, на главную драму времени он нацелен изначально.

— Александр Михайлович, вот вам завязка для пьесы. У вас ведь всегда мало персонажей?

— Разве что в «Тамаре» пятьдесят, ее и сняли из репертуара, потому что МХАТ распался. А так — да, пять-шесть, зачем больше-то...

— Ну вот. Нас двое. Мы сидим в буфете «Ленкома». Вы ничего не знаете про меня, я кое-что знаю про вас. Пьеса называется «Интервью». Как бы вы построили сюжет?

— Да... ничего себе... так сразу... У меня на пьесу три года уходит! Но вообще это, пожалуй, идея: ситуация интервью сейчас очень живая! Дайте только с завязкой сообразить...

— Сколько угодно: допустим, я сейчас достану пистолет.

— Не-ет...

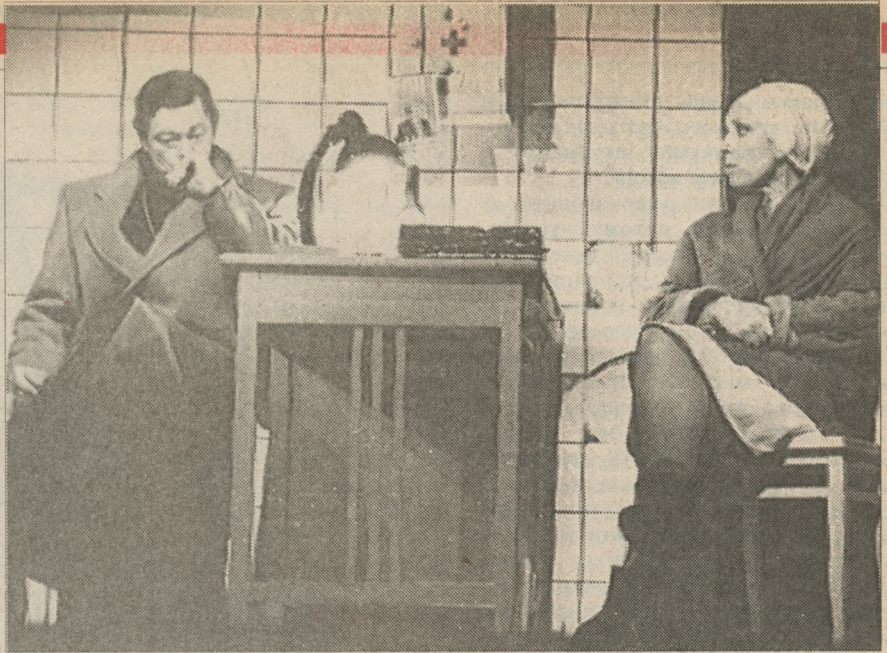
— Тогда вы достанете пистолет...

— Нет, ну, это несерьезно. Экскентрика, условность. Самое трудное в пьесе — удержаться на пяточке реальности, на крошечном пространстве жизни. Шекспир мог себе позволить тень отца Гамлета, а у нас это не пройдет. Показать абсолютно реалистическую коллизию, чтобы зритель не жалел о двух часах потраченного времени, — вот настоящая драматургическая задача. Я бы, пожалуй, придумал тут пьесу с очень типичным для наших дней конфликтом: некорректное использование полученной информации. Я вам что-то наговорил, вы взяли и все вывернули назизнанку, как вам нужно. Ведь пресса сегодня — больше чем пресса. Я, правда, в политике разбираюсь плохо... В общем, был бы строго реалистический спектакль с мотивом обоюдной ангажированности.

— Вы умеете, абстрагируясь от своих пристрастий или опасений, смотреть на современную жизнь как на спектакль? Что, по-вашему, тут изменилось?

— Плохая пьеса. Профессионально несостоятельная. Мы вообще плохие зрители театра жизни: довольствуемся экспозицией, завязкой. Сюжетной динамики нет — есть завязки новых и новых коллизий, которые оставляются автором на полпути. В театре вы бы давно ушли, а тут все смотрите: завязался сюжет с коррупцией — повис, с приватизацией, с реформами — повис... Заявлена подлинная драма — и все уходит в песок. Я вообще не кровожаден, но вдруг вместо простого занавеса опустится железный?.. Но как драматург я хочу развязки. Смысла.

Не сказать чтобы я видел много новых персонажей. Ни гримерам, ни костюмерам, ни декораторам работы не прибавилось: государство олицетворяется теми же фигурами в

Сцена из спектакля «Сорри»

прежних костюмах или форме. Но произошло другое: эти фигуры выхолащиваются, лишаются содержания. Действуют манекены. Вы раньше часто видели пьяных солдат? Или дико хохочущего офицера? Или гаишника, который не успел спрятать чужую взятку, а уже тянется за вашей? И такое выхолащивание жизни, когда всё всем притворяется и ничто ничего не значит, приводит к совершенно новому мироощущению. Людям кажется, что они живут во сне, все происходит понарошку, то есть можно пойти посмотреть, как по «Белому дому» стреляют, покричать, выказать любопытство... Отшибается чувство принадлежности к жизни. Надо как-то поддерживать свое существование, а задумываться нежелательно.

Процесс, в общем, нормальный: вы бывали страстно влюблены, а потом так же страстно разочарованы? Вот и мы все пережили страстную влюбленность в свое будущее. И в страну, кстати, — тоже. Теперь приходит закономерная расплата: вы так разочарованы, будто живете не свою жизнь. Кругом не ваша земля, не ваши дома... Более того: как распорядиться своей жизнью? — абсолютно непонятно. Ваучер дается человеку один раз, и вложить его надо так, чтобы не было мучительно больно. Но во что можно вложить жизнь?

— Какой конфликт вам кажется сегодня наиболее типичным?

— Драматический? Я таких вижу два, по числу только что законченных вещей. Я написал пьесу «Чешское фото» — был такой журнал, и двое наших курских фотографов там напечатали снимки «ню». Шла чешская весна, потом это все прикрылось, их наказали здорово за такую публика-

цию, и вот сейчас они встречаются. Один как-то выкрутился и очень преуспел в жизни, у него все в порядке. Другой вообще бродяга, бездомный, у него нет ни гроша. Вот они сошлись, говорить не о чем, разброс страшный, — а юность была общая, и женщину любят одну и ту же до сих пор... Причем не то чтобы один предал идеалы юности, а другой чистый нонконформист, — нет, просто их так развело по разным социальным полюсам. Эта коллизия сейчас везде и всюду. Надо учиться жить в обществе, которое разорвалось надвое: кто вверху, кто внизу, а прошлое у всех одно.

А вторая вещь — это сценарий «Аномалия», я сам его хочу снимать, как снял «Плащ Казановы». Мне понравилось самому кино делать. Там конфликт сложнее: были такие, знаете, маленькие города без названий, только с цифрами, города-полигоны. Нечеловеческая советская военная мощь, в которую невесть сколько сил было вбухано, и вообще это была национальная гордость, — а сейчас все рассыпается, распадается, такая, в общем, грандиозная уходящая натура. И вот туда приезжает на гастроли маленький кукольный театр, провинциальный, — тогда были такие театры, я сам в нем работал. Люди ставят кукольные представления и полагают, что служат высокому искусству. Это, в общем, теперь никому не нужно, все десакрализовано, а они по-прежнему считают себя жрецами искусства... Встречаются две уходящие натуры: военная и культурная. Сюжет сам по себе простенький, мне важны две уходящие реальности, две аномалии советского образца. Такая была у

нас провинциальная убежденность в нужности всего того, что делаешь...

— **Вы чувствуете перемены в собственном образе жизни?**

— Друзья стали реже звонить. А так... Я не богат, потому что богатство — это вложение денег, а я этого не умею. Живу в странной квартире с обвалившимся потолком — он трескается, а я не знаю почему. В остальном все по-прежнему: подхалтуривать мне не приходится, и жена у меня такая хорошая, что никогда бы не разрешила мне зарабатывать халтурой. Кстати, ее зовут Галя, Галина... У меня, как и у всех, случаются нервные срывы и периоды депрессии. Мне тоже иногда кажется, что мы с ней смотрим общий сон. И вместе с тем я никогда не предполагал, что в моей жизни все это будет... не жизнь, а такой красивый и страшный сон. Недавно, спустился в подземный переход — а там играет прекрасный струнный оркестр. Вполне академического вида. Но слепые музыканты... Я не думал, что до такого доживу.

— **В ваших пьесах постоянно коллизия героя, попадающего в чуждую среду. Какая среда вам наиболее противна?**

— Жлобов не люблю. Конкретно определить трудно, я не распространяю слово «жлобы» на всех новых богатых, но вот с нуворишами очень трудно общаться — они такие закомплексованные, зажатые, все что-то из себя строят — неловко за них и с ними. Потом, холопства очень много. Такая жлобски-холопская страна. Я люблю с артистами общаться — невзирая на их якобы профессиональный цинизм, на их якобы богемность, — все равно люблю. Идеальная для меня среда.

— **Только что вышел ваш фильм «Плещ Казановы» — об интеллигентной переводчице, поехавшей на Запад в составе жлобской группы и там нашедшей свою любовь. Любownik ее оказался впоследствии отельным «проститутком», требующим с героини три миллиона лир за обслуживание и не утратившим все-таки остатков рыцарственности — он видит, что с нее взять нечего, и великодушно идет отрабатывать долг за номер-люкс, куда ее привел... Это своеобразный ответ фильму Мамина?**

— Я «Окно в Париж» не видел. Мне многие рассказывают, что там такая коллизия: правильный, порядочный Запад и нашествие отечественных варваров. У меня получается вроде наоборот: рафинированная интеллигентная переводчица, которая должна вызывать у зрителя не толь-

Парижская премьера спектакля
«Звезды на утреннем небе»

ко жалость, но и антипатию. Она все время оберегает свою личную свободу, в ней вся группа чувствует чужеродность и отталкивание... Эта идеалистка, по имени Хлоя, встречается с современным Казановой, а Казано-

ва в конце концов с нее деньги берет, и хозяин отеля издевается. Стало быть, торжествующий западный цинизм... Но, клянусь, я не этот конфликт имел в виду. Хотя мне не кажется, что Европа такая уж хруп-

кая, и ей грозит нашествие, и наши орды ее в порошок сотрут... Нет, Европа — твердыня, ее порядок незыблем, и постсоветские гости ей ничем особенно не угрожают. Картина моя, однако, не об этом, а о плате за личный выбор. Там две главные героини, я обеих люблю: Хлою играет Чурикова, а волжского водолаза Клаву — Катя Граббе. Хлоя — утонченная, одинокая, красивая, сорокалетняя. Ее выбор — личная свобода, а это страшная вещь! Она за это платит сполна: одиночеством, унижением, некоммуникабельностью, зато и в жизнь ее, в один последний день в Венеции, вместились все. Любовь, обман, разочарование. Человек выбрал и заплатил. А Клава — она простая баба, муж, две дочери, она ко всем встречаемым летит со своей жизнью, своими проблемами, — а все-таки страна держится на таких, как она. Она стремится всем делать добро, даром что неуклюжее и подчас агрессивное. Вот такие два типажа и их личная расплата за свою личность.

— **А кто вам больше нравится?**

— В том-то и дело, что обе! Героиня Чуриковой поначалу не должна вызывать симпатии. Люди ей враждебны, она оберегает свой мир, противопоставляет себя всем... Но у нее есть главная, высокая потребность — потребность делать то, что не приносит пользу. Она не прагматична насковоз. Так — надо уметь, так — трудно жить, но это достойно, я это люблю. Вот об этих двух типажах людей, равно сложных в общении, я и пытался говорить: туповатая неуклюжая польза, семейственность, несвобода — и прекрасная бесполезность, с которой тоже трудно. Вообще, раскручивая любой сюжет, рано или поздно приходишь к тому, что невозможно выразить словами.

— **Вы часто берете жизненные сюжеты?**

— «Плащ Казановы» — реальная история. Как и большинство моих пьес. А «Сорри» выросла из одной сценки: тогда к нам стали наезжать первые невозвращенцы, можно было на тридцать долларов шиковать перед оставшимися, и вот я вижу — в обувной отдел магазина входят двое. Мужчина и женщина. Говорят по-русски одинаково чисто, но он — явно оттуда, в гости приехал. Покупает ей туфли, а ей и приятно, и неловко, и странно, она его тысячу лет не видела, кажется... Я почувствовал в их союзе что-то больное, временное, меня толкнуло, и я написал пьесу. Потом ее коллизия разыгрывалась множество раз — мне рассказывали.

— **Героиня «Сорри», по-вашему,**

одержала моральную победу, оставшись тут?

— Безусловно. Она же пишет стихи!

— **А что она при этом работает уборщицей в морге?**

— Какая разница!

— **И стихи небось плохие...**

— Это совершенно неважно. А вот Звонарев, бывший ее возлюбленный, действительно проиграл — потому что не хотел идти на компромиссы здесь и пошел на компромисс там. Здесь не хотел подделываться под диктатуру подонков — там женился без любви на богатой вдове. Я его не осуждаю, просто поэтесса Инна Рассадина, которая работает в морге и спивается, гораздо более цельный и счастливый человек.

— **Чем вы объясняете долгий успех спектакля?**

— Исключительно игрой Чуриковой и Караченцова. Они столько импровизируют, что я с трудом узнаю текст. У них лучше.

— **Вас поругивают за натурализм деталей — например, за эти пресловутые волосы с лобка героини, которые Звонарев носит в медальоне...**

— Это не натурализм, это тон. У нас была степень близости иная, чем, допустим, в тридцатые годы. Мы играли, мы шутили, о таких вещах принято было говорить... Нормальная интимность.

Ругают меня вообще много, это приятно, я хочу, чтобы больше ругали. Значит, читают и смотрят. Мне не нравится только, когда врут. Вот говорят, что я «Звезды на утреннем небе» написал в 1986 году из конъюнктурных соображений. Во-первых, когда пьесу ставил Додин, она висела на волоске и никто не знал, выпустят или нет. Во-вторых, написана она сразу после московской Олимпиады. Там речь идет о том, как всех проститутток, алкашей и жуликов высылают из города на время олимпийского торжества. Я все это видел: когда на «Ленфильме» Менакер снимал по моему сценарию «Последний побег», мы выезжали в Сланцы, в детскую колонию. Вижу: идет женщина с бутылкой молдавского вина, ее шатает, а она кричит: «Мамочка, погибаю, достали, волки, суки, бляди...» Это была героиня будущей пьесы, Анна. Из всех олимпийских городов — что западных, что отечественных — всегда высылали людей городского дна. Вот из Ленинграда тоже высылали на остров, где во время общегородских торжеств собирались самые красивые и роскошные женщины, самые отпетые типы, самые свободные люди. Кто еще мог в то время крикнуть мили-

ционеру: «Ну иди сюда, мент поганый! Ты что — не мужик? Ведь хочешь меня трахнуть, да? Бои-и-ишься...»

— **Какая самая большая опасность подстерегает драматурга в жизни?**

— Заиграться. Начать играть не только на сцене, за столом, на бумаге, — но и с людьми. Я этого избегал. Ни в отношениях с друзьями, ни в повседневном быту мне мои драматургические способности не пригодились.

— **Что такое для вас профессионализм?**

— Умение вести зрителя за собой на протяжении двух с половиной часов сценического действия. Вот я увлекался астрономией, мы с сыном ходили в планетарий. Входишь из солнечного дня в звездную сферу. Это для меня — театр в идеале: полное выключение из обыденности. Человеческого надо здорово шандарахнуть, чтобы он так отключился... Ведь жизнь вообще довольно коротка, а я как драматург дерзаю отнять у человека три часа этой жизни. Надо как-то это окупить, перевернуть действие, парадоксально выйти из него, держать в напряжении... Это мой профессиональный долг. Тем более сегодня, когда действие из области реального, из сферы событийной все чаще уходит в психику, в подсознание. Происходит кризис внешнего сюжета при полном преобладании внутренних конфликтов. Драма вообще — это когда герой творит события. Выбирает, как Гамлет, или убивает, или влюбляется... Нам еще сегодня повезло: наша жизнь пришлась на время острых катаклизмов. А в тоталитарные или в благополучные времена какой у человека выбор? На жизнь выпадает одно происшествие. Приходится строить сюжет из обыденности. Ненавижу агрессивное искусство, идеологический эпатаж, борьбу: ну, кончилась борьба, а дальше что? Опять пошла дележка... Иногда такое агрессивное, площадное искусство дает замечательные художественные результаты, но это совсем не мое. Я люблю, чтобы несколько обычных людей собирались в обычном месте и из их повседневной жизни выстраивался театр. Настоящий. Сидят двое в буфете и полтора часа не скучают...

— **Кто?**

— Мы с вами...

Дмитрий БЫКОВ

«Последнее дело Вареного»
Вареный — Виктор Степанов

«Вареное» папино кино

«Последнее дело Вареного»
«Голос», «Ленфильм»,
реж. В.Мельников

Первое и единственное, с чем хочется сравнить новый фильм Виталия Мельникова, — это сдувшийся первомайский шарик, который в праздничном угаре позабыли на шкафу и извлекли на свет божий аккурат к не существующим более ноябрьским торжествам. Собственно, не он виноват, а ослабшая ниточка, что выпустила из него воздух.

Последнее дело — оттачивать свое остроумие на фильме, который достоин уважения уже за одну способность выжить на содержании у нашего нищего государства. Однако больно «вареное» кино получилось. Снятое на очевидные копейки, оно наглядно продемонстрировало, как бедность из категории экономической может мутировать в категорию эстетическую. Увы, Мельников на этот раз снял во всех смыслах бедное кино. Роковой ошибкой стала встреча режиссера со сценаристом В.Зайкиным и его недоношенным дитятей: лучше им было разминуться. Первый — режиссер — никогда не чувствовал себя уютно на просторах эксцентрической комедии. Второй — сценарист — получил бы возможность укрепить здоровье отпрыска в барокамере драматургической изобретательности и добросовестности. Не вышло. А вышел фильм в жанре заявки на фильм по сценарию в жанре заявки на сценарий о

добропорядочной юной чете, волею случая окунувшейся в тихий омут уголовщины и завязавшей дружбу с наемным бандитом, который волей того же случая перевоспитался в почтенного семьянина и клерка. Однако не погрешу против истины, если скажу, что драматургу хватило сил только на исходное сюжетное озарение, которое само по себе тянет лишь на короткометражку памяти «Фитиля». А обстоятельная режиссерская манера Мельникова (вполне в духе бытописателя Павла Федотова) гасит неродившуюся эксцентрику в зародыше. В результате мы имеем дело с колоссом на обваренных и, естественно, глиняных ногах. Зрелище не из самых аппетитных.

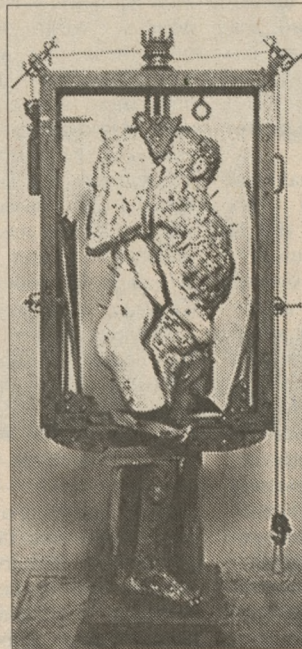
Инна ЯФАРКИНА

Кто кого боится?

«Клаустрофобия цвета»
Выставка в Музее кино

Давно уж интересуюсь вопросом, сколько проходит в Москве разных выставок за один сезон? Посчитать бы — да все недосуг. Вот и в Музее кино состоялась выставка с хитрым названием «Клаустрофобия цвета». Кто кого боится в данном словосочетании — грамматическая загадка. Правда, автор проекта Владимир Опара вроде как берется оную раскрыть: «Цвет, рождающийся в человеке, — это Бог в человеке. Человек, ощущающий цвет, пространство, космос, Бога, боится закрытого пространства. Боязнь цвета оставаться в замкнутом пространстве картины, стремление цвета обрести новые пространства — это и

есть клаустрофобия цвета». Однако сии туманные рассуждения ничего не объясняют, да, в сущности, и не имеют такой задачи — цель их пророчески-витийственная. Что же касается экспозиционного пространства, должно бы воплотить концепцию, оно, напротив, невыразительно молчит. Решение стандартное: на стенах развешены картины, на полу расставлены скульптуры, участники выставки существуют вполне отдельно друг от друга и если чего-то совместно страшатся, то это незаметно. Сам Владимир Опара демонстрирует работы как цветные, так и почти монохромные, как нефигуративные, так и снабженные сюжетами, причем названия декларируют присутствие космоса и Бога в некоторой их части. Андрей Гросицкий показывает живописную коллекцию стен и труб; Леонид Берлин выставляет свои кинетические фигуры, чьи движения приятно оживляют обстановку. Все это делалось, разумеется, в течение ряда лет и без намерений вписаться в определенную «фобию». Так что претензии к участникам предъявлять не стоит: их пригласили — они согласились. Вот с автора проекта — особый спрос, тем паче что тема закрытого пространства заявлена им

Леонид Берлин. Клин. 1992

как основная для целой серии выставок и перформансов. Один из таковых посетителям кажут по видео: группа людей старательно упаковывается в целлофан, а Красная площадь равнодушно взирает на это действо. Лет десять назад оно могло бы показаться ей внове... Понятно, впрочем, стремление вынести свой междусобойчик на историческое пространство. Так же понятно и похвально желание чего-то не бояться. Но вот попытка уверить окружающих в концептуальности, эстетической значимости и, Господи спаси, космичности этого занятия... Сколько выставок в Москве проходит! Посчитаешь — прослезисься.

Александр ТРУСОВ
(Смеляков)

Милые люди

«Чудо Святого Антония»
Учебный театр
Школы-студии МХАТ,
реж. Р.Козак

В небольшой пьесе, написанной Морисом Метерлинком в несвойственном ему сатирическом роде, святой приходит воскресить умершую m-lle Гортензию, родственники которой заняты делом наследства и обильной трапезой поминок. Трактовка сюжета выдает всю разницу между 1903 годом, когда написано «Чудо...», и 1881-м, когда Мопассан в новелле «В своей семье» поднял от летаргического сна старуху, чтобы продемонстрировать убожество ее скаредных родственников. Жесткий мопассановский реализм у Метерлинка претворяется в двусмысленную меланхоличную притчу: просрешенная вновь засыпает вечным сном, а «святой» водворяется полицейскими в сумасшедший дом, откуда сбежал. Кажется, Метерлинк, как говорится, предвосхитил бурный расцвет обычая связывать святость и безумие, противопоставляя то и другое буржуазной расчетливости. Сим не отменяется, однако, мягкий, чувствительный

характер пьесы, созданной еще в преддверии XX века, когда названный мотив окрасится в макаберные тона. Как говорил Вахтангов, ставивший «Чудо...» дважды, причем первый раз — именно в сентиментальной, а не мрачно-гротескной манере, «Метерлинк улыбнулся по адресу людей»: родственники, доктор, аббат — «очень милые люди. Мы их отлично понимаем». Так, добродушно и неаффектированно, играют пьесу и современные студенты. Тонкость психологических нюансов, достоверность ситуации заботит их и режиссера больше, чем сатирические задачи, а удачно выбранное пространство и фантазия обеспечивают спектаклю яркую и ясную театральность. Тесный закуток, притиснутый к лестнице, ведущей на «антресоль», к двери и к окнам — этим естественным декорациям, характерным образом делает действие интимным, забавным и пристойным, а фокусы, вроде ездящей шляпы и прыгающего зеркала, — чудаковатым. Новая интонация в узнаваемой, сильной и гибкой режиссерской речи Козака: умный, незлобивый, слегка печальный и немного усталый театр. Усталый, скорее, не оттого, что все давно известно любому газетчику: человек слаб, смерть неизбежна, свобода недостижима, — а оттого, что зачем-то нужно повторять бессмысленные предложения вновь и вновь. Они и не повторяют, талантливые молодые актеры, просто играют в свое и наше удовольствие, доверяясь наивной пьесе, как будто ничего чудеснее голубя, вылетевшего из супницы, на свете нет.

Михаил СМОЛЯНИЦКИЙ

Был месяц май

«Майская выставка» Выставочный зал МОСХ

Чья это коляска? Чей окорок? Чей портвейн? — Е.Митты, К.Звездочетова, М.Рошала, А.Тер-Оганьяна. «Майская выставка» неожиданно ярко и пронзительно, как всякое воспоминание, напомнила о существовании гигантского

В.Дубосарский, А.Виноградов. «А ну-ка отними»

официального Союза художников: когда-то многонационального и могущественного, когда-то устраивавшего с неотвратимостью смен времен года сезонные отчетные выставки, когда-то являвшегося социальным гарантом для своих членов. Не прошло и десятилетия с тех пор, как большинство вступающих сегодня в «большой» МОСХ художников, так же в поисках мастерских и гарантий вступали в его молодежную секцию. Что изменилось с тех пор? Начиная свою деятельность в середине восьмидесятых стали с тех пор «мастерами», бывшее в диковину искусство — теперь уж не удивит никого, богатый некогда союз — обнищал настолько, что выставку его новых членов спонсирует фирма финской мебели «Константин». Когда устраивалась XVII молодежная выставка, был ноябрь и шел снег, теперь светит солнце и в Москве уже июнь, но искусство, казалось бы почти не изменившееся за эти годы, быть может, немного «повзрослевшее» (побольше профессионализма, поменьше политическое позы), оказалось таким «родным», похожим на московскую жизнь. Красочный ковер живописного панно и старый грязный линолеум, стальная ювелирно точная конструкция из бритв и обшарпанный (бывший лет десять назад белым) подиум, жажда жизни и тусклость освещения, радикальное искусство, вливающееся в традиционный союз, — и в этом нет парадокса, лишь немного ностальгии и почти чересчур

жизни. Быть может, в скором будущем кто-то из участников выставки станет «государственным» художником в лучших московских традициях, а сейчас «Майская выставка» — это в первую очередь шоу, где с помощью «Константина» стало возможным показать столичному зрителю максимально полный обзор современного положения дел в изобразительном искусстве. А ветхость зала и несовершенство выставочного оборудования, вряд ли сильно повлияют на восприятие, мы к этому приучены.

Елизавета ПЛАВИНСКАЯ

Сумбур вместо музыки

Фестиваль «Музыкальная весна—94» Санкт-Петербургское ТВ, реж. И.Тайманова

На телевидении, как и везде, сейчас принято всеми доступными средствами продемонстрировать так называемый творческий почерк, являющийся тем самым когтем, по которому узнают льва. Однако известно, что львы в наших широтах — явление редкое. Гораздо чаще встречаются «львицы», охотно поводящие пальчиком с крашеным ноготком перед носом изумленного зрителя. В передачах попсового направления это совершенно не режет глаз, которому ничего не остается, как солидаризироваться со

слухом. А вот когда привычную (и в общем-то законную) эстетическую косность передач, посвященных академической музыке, решительно рвет когтями вовсе даже не Ксюша или Алена, а дама вполне солидных лет и образования, то глаза становятся совсем по Андерсену — с мельничных колес. Короче. В невероятно лихом темпе сменяются неорганизованные фрагменты: вот некто всей пятерней колотит по клавишам рояля — а в ускользающем титре что-то вроде «Фиртич... соната... автор»; вот какую-то фразу грянул оркестр (и славно грянул!) — титр за нею не поспел, а на экране уже другой оркестр играет совершенно другую фразу с совершенно другими титрами; вот Максима Шостаковича (титры ползут, он устало говорит про музыку отца) бестрепетной рукой отводит дама без сопровождающих титров и уверенно заявляет: эта музыка облетит весь мир, — а в кадр врывается чайка, гордо реющая над седой равниной Невы (облетает, так сказать); вот на фоне ветшающего фасада некто Г.Белов от имени всех петербургских музыкантов прошлого и настоящего говорит благоглупости о том, что город-де чего-то там накладывает (отпечаток, что ли?), и возлагает большую надежду на подрастающее поколение; а вот — «подрастающий» и вполне известный Л.Десятников своими ранними сединами, по-видимому, призван олицетворить его надежды. Но самая большая удача Таймановой — долгий план удаляющегося человека в плаще: только супервнимательный зритель догадается, что это спина альтиста А.Людевига, чей взмах руки со смычком можно было различить в гуще оркестра. Для всего этого есть хорошее название, на этот раз вполне соответствующее событию: сумбур вместо музыки. Но на самом деле речь шла о ежегодном музыкальном фестивале в Петербурге. Похоже, интересном, поскольку публики, тоже мелькнувшей в кадре, было много.

И.Л.

Дневник И.

Неизвестный мне Дюма

«Три мушкетера», США,
реж. Стефан Херек

Господи, как же, оказывается, плохо я помню классику (хотя совсем недавно перечитывал «Трех мушкетеров» с сыном). Как же это я запомнил, например, что папа д'Артаньяна погиб от руки мерзавца Рошфора, правда, предварительно выбив-таки ему глаз. А Арамис был любимым учеником Ришелье. А сам кардинал страшным бабником, возжелавшим королеву и трон и вследствие этого готовящим покушение на короля и секретный договор с герцогом Бокингемским. Кстати, королева-то никаких подвесок и чувств англичанину не дарил, поскольку была без ума (и взаимно) от своего молоденького Людовика. Да, чуть не забыл о главном открытии — самих мушкетеров не было! Ибо коварный кардинал к моменту прибытия г-на д'Артаньяна в Париж уволил весь мушкетерский полк в отставку. А Атос, Портос и Арамис вынуждены уйти в подполье и вести борьбу нелегально, по-робингудовски разбрасывая золото, отнятое у Ришелье, в угнетенных народных массах. Вот такую экранизацию неизвестного досель мне и миру Дюма предложили американские мастера «важнейшего из искусств». Эдакую гремучую смесь вестерна с боевиком, в которой мушкетеры охотнее машут кулаками и по-ковбойски палят из пистолетов, нежели пользуются старомодными шпагами. Где телохранители миледи отлично владеют приемами кунфу, а покушение на Его Величество готовится с помощью снайпера и винтовки с оптическим прицелом. Но больше всего меня потрясла финальная точка этой истории, которую поставил сам король, нокаутировав мощный ударом в челюсть Ришелье в подземельях Бастилии, которая, как выяснилось из фильма, находилась под Версалем. А в Версале в это

Фильмы представляет Петр Смирнов

время восставшие народные массы под водительством трех мушкетеров свергли власть гвардейцев кардинала и устанавливали светлую мушкетерско-демократическую монархию. Приехали! Ну что тут сказать? Туши свет и телевизор.

Страсть

«Ущерб», Англия,
реж. Луи Маль

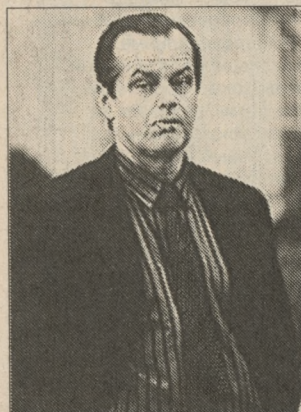
Любовь приносит радость или страдание. Страсть только муки. Любовь поддается осмыслению. Страсть — иррациональна. Страсть приходит. Страсть обрушивается. Любовь созидает. Страсть разрушает. Любовь — жизнь. Страсть — смерть. Любовь можно победить. Страсть — никогда. Французский режиссер Луи Маль — классик «новой волны» и неоднократный приззер Канн и Венеции, ныне чаще работающий за рубежом, — снял гимн и проклятие страсти. Английский министр — чопорный, респектабельный и застывший в проявлении любых чувств — встречает на приеме невесту сына. Между ними вспыхивает страсть. Темная, тяжелая, разрушительная. Недаром и сами любовные сцены сняты не замедленно-красиво, как большинство подобных кадров в американских фильмах, а напоминают беспощадный поединок кикбоксеров, судорожно и остервенело набрасывающихся друг на друга. Победителей нет, есть только побежденные. Покончивший самоубийством сын, заставший в постели отца и невесту накануне свадьбы.

Обезумевшая от горя жена и мать. Раздавленный главный герой, лишившийся всего — семьи, карьеры, родины. Обреченный до конца жизни сидеть в замызганной комнатухе перед гигантской — во всю стену — фотографией, на которой запечатлены лица участников этого рокового треугольника. Лица, еще не тронутые тлением страсти. Это не мелодрама. И даже не драма. По накалу страсти это — трагедия в почти классическом ее варианте. Давно я не видел такого Кино.

Крестный папа из профсоюза

«Хоффа», США,
реж. Денни Де Вито

Самыми любимыми национальными героями американцев (если судить по количеству кинобиографий) являются всевозможные крестные отцы. Конечно же, профсоюзные деятели тягаться с ними в популярности не могут, хотя те и другие очень похожи. Равно как и возглавляемые

Джек Николсон

ими организации: объединение по профессиональному признаку, защита своих членов, борьба с государством на предмет урывания куска пирога. Эта общность мафии и профсоюзов, очевидно, и продиктовала форму фильма, снятого в жанре гангстерской баллады и посвященного Джеймсу Хоффа. Личности легендарной и одиночной. Создателю крупнейшего профсоюза транспортников Америки, осужденному за финансовые махинации и связь с мафией. Человеку, бросившему вызов министру юстиции США Роберту Кеннеди и ни в грош не ставящему его старшего брата — президента Джона Кеннеди. Персонажу, как и положено герою подобного жанра, романтично погибающему от гангстерской пули. При всей стандартности сюжета и ситуаций великолепный актерский дуэт звезд первой величины — Джека Николсона и Денни Де Вито (он же и режиссер-постановщик картины), сыгравшего адъютанта его превосходительства, держит и фильм и внимание зрителей.

Любовь до гроба и дальше

«Исчезновение», США,
реж. Джордж Слюзер

Детективный триллер. Захватывающий. Герой разыскивает таинственно пропавшую много лет назад невесту, хотя у него уже другая семья. Наконец его терпение и настойчивость «вознаграждаются»: маньяк-убийца из интеллигентов захватывает героя в гроб и закапывает живым рядышком с покойной невестой. Но хелпи-энд, как и капитализм, неизбежен: подруга героя появляется вовремя и нокаутирует негодяя лопатой. Я, честно говоря, ждал, что они в отместку маньяка самого закопают живьем. Но герои оказались менее кровожадными и более гуманными, чем я, — они просто ухайдохали убийцу насмерть.

Псовая охота на «Серебряного медведя»

Дмитрий САВЕЛЬЕВ

Мы заслуженно гордимся известием о том, что фильм Семена Арановича «Год Собаки» стал лауреатом Берлинского кинофестиваля. Несмотря на то, что «Серебряных медведей» был по обыкновению целый питомник из шести особей (о чем российский лауреат предпочитает не упоминать). Несмотря даже на то, что «Серебряный медведь» номер два был вручен не за режиссуру или иные кинематографические заслуги, а за «новый взгляд на личные судьбы людей в изменившейся России» (о чем российский лауреат тоже предпочитает не упоминать). Отдаю должное виртуозам из жюри: отбечаемости подобной формулировки позавидовал бы первый и последний советский президент. Приятнее, конечно, получать награды за победу именно на том фронте, где воевал, — то есть на фронте искусства кино. Но что поделаться, новый взгляд так новый взгляд. Тем более что по негласному берлинскому закону — позволю себе такое спорное утверждение в качестве гипотезы — хотя бы один из попадающих в конкурс российских фильмов обречен на один из талисманов позабытой московской Олимпиады.

Лично для меня «Год Собаки» занимателен вовсе не своим загадочным «новым взглядом», который более присущ Евгению Додолеву. У этого фильма есть другое прелюбопытное свойство: он простодушно и искренне хочет казаться всем одновременно. Сентиментальной мелодрамой о трагической любви-нелюбви молодого да раннего бывшего зэка и немолодой да поздней лимитчицы из рабочего общестия. Трагикомедией о двух неустroенных судьбах в равнодушном и циничном мире. Публицистическим памфлетом о грустном житье-бытье в современной России, которую мы обрели, предварительно потеряв неушительный-единный-могучий. Наконец, философской притчей с экологическим

подтекстом и апокалиптическими пророчествами на предмет саморазрушения социума.

Предполагаю, что этим кратким реестром не исчерпан всей бездны авторских намерений. Предполагаю также, что в реализации этих намерений сам автор не слишком преуспел.

Для сентиментальной мелодрамы недостаточно хорошо знакомой беззащитной трогательности героини Инны Чуриковой. Недостаточно неожиданно слезливых откровений озлобленного героя Игоря Скляра. И даже его финальной гибели от предательского выстрела среди лопухов облученного русского поля тоже недостаточно. Как минимум хотелось бы представлять себе, что же привязало **этого** парня к **этой** стареющей даме. Повинуясь законам жанра, с радостью принял бы самую элементарную мотивировку. Пусть даже на уровне мексиканского телесериала. Однако и этой возможности я лишен. Фильм предпочитает галантно отказываться от прямых указаний на год рождения героини, но по отдельным намекам следует понимать, что к возрасту героя следует прибавить лет десять, чтобы получить искомое. Да простит меня замечательная актриса (все то же в ней очарование), но приходится прибавлять куда больше. И все претензии в данном случае не к моей критической некорректности, а исключительно к очевидной авторской неточности.

Воспринимать фильм как незадействованную и необременительную для интеллекта трагикомедию мешает неизбывный пафос вкупе с удушливым психологизмом и отсутствием чувства меры. Трагедийность «Года Собаки» картонна и умозрительна. Зачем меня чуть ли не пинками вгоняют в слепое сочувствие к герою, способному легко воткнуть в живот одного недруга перочинный нож и из чувства мести кормить других недругов отравленным рисом? А в качестве компенсации за сомнительность этих поступков предлагают

многократно пережеванное трудное детство в семье с матерью-одиночкой-алкоголичкой плюс сестра-шлюха плюс придурковатая бабушка. Это не менее странно, чем заставлять учителя-мародера, который с друзьями промышляет набегами на оставленную жителями деревню, объяснять свои деяния скромной учительской зарплатой. По замыслу авторов, дело тут в глубинной психологической неоднозначности характера. Да, он прожженный зэк и убийца — однако в глубине души добр и нежен. Да, он ворует шмотки и продукты из оставленных домов — но у него семья большая и зарплата маленькая. Уместность этих псевдодостоевских претензий под большим вопросом.

Что же касается комедийной стороны дела, то здесь в полный рост встает проблема вкуса, каковая является одной из главных проблем «Года Собаки». Юмор этого фильма носит характер отчетливо специфический и — может рассчитывать лишь на благодарную аудиторию прыщавых подростков в пору полового созревания либо живчиков-пенсионеров в пору полового угасания.

Публицистичность «Года Собаки» заявляет о себе с обезоруживающей очевидностью, причём авторский набор социальных язв отнюдь не страдает эксклюзивностью. Уже упомянутые пьянство матери и безотцовщина, которые сформировали преступную натуру героя. Разгул лачерного бизнеса, который не дал ему возможности обустроиться по освобождению из тюрьмы в незнакомой ему жизни. И так далее. В многократно использованной колоде отсутствует лишь замусоленная перестроечным кинематографом верная карта антисемитизма. К счастью. Иначе перебор был бы явным: все двадцать восемь вместо двадцати одного.

Претензии «Года Собаки» на философское осмысление расейской действительности еще менее осно-

ЮРИЙ ТРУНИЛОВ

Кадр из фильма «Год Собаки»

вательны. После фильма Константина Лопушанского угрозой вселенской катастрофы пронять сложно. Гибель деревни как метафора разрушения всех и всяческих устоев давно знакома по «Прощанию» Элема Климова. Кстати, оттуда же прикатили в «Год Собаки» мрачные люди в серых плащах. А грустные собачьи глаза как подтверждение нехитрого тезиса о том, что животное выше и чище человека, мы видели в «Астеническом синдроме» Киры Муратовой.

Говоря о собственных режиссерских находках автора «Года Собаки», снова приходится возвращаться к проблеме вкуса. В качестве примера — два эпизода. В первом из них героиня на крупном плане омывает руки радиоактивной водой, с придыханием повторяя: «она без

цвета и без запаха... без цвета и без запаха...». В эпизоде номер два герой заходит в избу и задумчиво проводит дозиметром по окладу иконы.

Как говорится, по comments. Фильм напоминает громоздкий цитатник, состоящий из нашинкованных тем и образов советского кино. И потому распространяет аромат вторичности столь же стойкий, как запах нафталина. Замечательная Инна Чурикова отыгрывает в своей роли всю галерею собственных героинь — от Паши из «Начала» до Веры из «Военно-полевого романа». Можно было бы заподозрить автора в постмодернистских амбициях и желании создать экзерсис в жанре «прогулок с советским кино». Однако мешает авторское нежелание пользоваться кавычками.

Можно было бы продолжать, но

все возможные претензии к фильму Семен Аранович успел упредить блистательным по доказательности тезисом на одной из пресс-конференций: «Что бы там критики ни говорили, а «Серебряный медведь» остается «Серебряным медведем». Цитирую близко к тексту. Что поделать, критики для того и существуют, чтобы режиссерам было кого не любить. Однако, похоже, Семен Аранович испытывает к критикам просто личную неприязнь, как подсудимый Мизандари к потерпевшему Папашвили из фильма Георгия Данелия «Мимино». Такую, что даже кушать не может. Отчего бы? Подумаешь: собака лает — ветер носит. А корабль, груженный медведями, львами, леопардами и прочей живностью, плывет.

Быть ли Дому Марины Цветаевой?

ЮРИЙ ШТУКИН

В сентябре 1992 года состоялось долгожданное событие: в Борисоглебском переулке (ул. Писемского), 6, открылся Дом Марины Цветаевой. Дом, как известно, уцелел благодаря многолетним усилиям и хлопотам Н.И. Катаевой-Лыткиной, которая самоотверженно спасала его от разрушения. Да и сейчас ее активная деятельность по поддержанию дома не прекращается.

Однако речь сегодня не о том. Музей-квартиры Марины Цветаевой в Борисоглебском нет. И когда он будет, и будет ли, — неизвестно.

Два года назад Российский фонд культуры собрал ученый совет, на котором обсуждались перспективы и план будущего музея. На том ученом совете присутствовали С.О. Шмидт, И.А. Антонова, Е.Д. Михайлова, М.И. Белкина, А.А. Саакянц, В.П. Енисерлов и др. Рассматривалась «Концепция» Дома Марины Цветаевой, автором которой являлась Н.И. Катаева-Лыткина. «Концепция», понятно, встретила множество серьезных замечаний.

Какой же должна быть квартира-музей Марины Цветаевой? Совершенно ясно, что этот самый сложный вопрос надлежит решать многим. Историкам, Цветаеведом, Художникам-дизайнерам. Опытнейшим музейным работникам. На том совете в Фонде культуры было условлено: регулярно собираться для обсуждения дальнейшей деятельности. Однако это решение осталось на бумаге. Автор «Концепции» Н.И. Катаева-Лыткина к помощи совета больше не прибегала, а впоследствии добилась от Российского фонда культуры назначения ее председателем Дома Марины Цветаевой. Эта странная и беспрецедентная в музейном деле должность поставила Н.И. Катаеву-Лыткину над всей структурой Дома, начиная с его директора, Э.С. Красовской, и полностью развязала руки для единоличной и чисто субъективной работы по созданию музея-квартиры поэта.

Для будущего музея многое закупается, собирается с пожертвователей, и все это — по воле и вкусу председателя.

Никакой коллегиальной работы специалистов не ведется.

Но не только положение с мемориальной квартирой вызывает, мягко говоря, недоумение. В последнее время (года полтора) стали явными попытки председателя Дома дискредитировать научную работу, ведущуюся заместителем директора по науке Л.А. Мнухиным и поддерживаемую директором Дома Цветаевой Э.С. Красовской. Более того: Н.И. Катаева-Лыткина предлагает вовсе упразднить его должность.

Между тем достаточно перечислить лишь часть того, что было сделано Л.А. Мнухиным совместно с научными сотрудниками Дома за то время, что существует Дом Марины Цветаевой:

Подготовка и участие в изданиях: Библиография Марины Цветаевой (совместно с парижским институтом славистики); каталог юбилейной выставки (с привлечением большого числа автографов, рукописей и других документов); специальный выпуск Венского Альманаха, посвященного М.Цветаевой; сборник «Посвящается Марине Цветаевой». Здесь речь идет об участии Л. Мнухина в изданиях Дома Марины Цветаевой, не говоря уже об изданиях и публикациях как в России, так и за рубежом (только за последние годы их было более пятидесяти). В настоящее время Л. Мнухин совместно с А. Саакянцем завершает работу над собранием сочинений Марины Цветаевой в 7 томах — самым полным на сегодняшний момент.

Участие в конференциях и симпозиумах. Создан справочный аппарат в Доме Марины Цветаевой. Продолжается работа над библиографией М.Ц. (1990—1993). Организовано участие Дома Марины Цветаевой в международном проекте «Хроника научной и культурной жизни русского зарубежья» (совместно с библиотеками и институтами Франции, Российской государственной библиотекой и др.).

Безвозмездно передаются материалы Дому Марины Цветаевой: личные вещи поэта, коллекция афиш, книги, скульптурные портреты и пр. в музей в г. Александро-вце — более 150 единиц

хранения, в том числе личная вещь М.Цветаевой; в Болшевский музей — личная вещь Ариадны Эфрон; в Архив русского зарубежья при фонде культуры — книги (на все имеются акты о дарении). Подготовлены экспонаты для передачи в цветаевские музеи в Тарусе и Ново-Талицах.

И вот председатель Дома Цветаевой, Н.И. Катаева-Лыткина, предлагает ликвидировать должность заместителя директора по науке — должность, занимаемую Л.А. Мнухиным. Она полагает, что всю науку может взять на себя, в то время как ее собственный вклад в научное цветаеведение практически пока неизвестен.

И здесь мы вынуждены еще раз повторить, что Дом Марины Цветаевой лишен всяческих признаков коллегиальности решений всех сложных и ответственных вопросов, возникающих в процессе становления и существования Дома как важнейшего культурологического объекта. Единственное, что в Доме Цветаевой налажено довольно успешно, — это издательская деятельность, осуществляемая директором Дома, Эсфирью Семеновной Красовской, что делает далеко не каждый музей, особенно в наши тяжелейшие времена, при катастрофическом положении с издательским делом. За три года при Доме Цветаевой выпущено двадцать книг; их темы — Цветаева, Пушкин, поэзия Серебряного века.

Но ведь ясно, что одной издательской деятельностью работа в Доме ограничиться не может. Порочность сложившейся в Доме ситуации самоочевидна. И если такое положение будет продолжаться, то московскому Дому Марины Цветаевой как научному и культурному центру и мемориальному музею — не бывать.

Мария Белкина
Даниил Данин
Ирма Кудрова
Лидия Либединская
Анна Саакянц

Миллион счастливых детей

ЕЛЕНА ВИНОГРАДОВА

Стыдно сказать, но я желаю одного добра людям.

А.Терц. Крошка Цорес

Наталья БЕЛЮШИНА

Мой несчастный друг, господин Н.Н., вышел из дому и поплелся в контору, с вечной своей вымученной улыбкой любясь лужами и играющей ребятней — мерзнущей, распустившей сопли и пускающей кораблики из щепок, словно в угоду интеллигентным немолодым людям, тоскующим по детству. Да, он тосковал — но как-то странно; ушедшая юность представлялась ему сплошным туманом со звенящими вдалеке трамваями. Мы будем с тобой невероятно счастливы, родная моя. Вновь я посетил то пустое место, где мы любили. Помимо того, что каждый день Н.Н. плетется на работу с известной своей вымученной улыбкой, он еще пописывает стихи и песни, хорошие такие, душевные, но непоправимо ущербные из-за одной какой-нибудь ужасной мелочи, вроде рифмы в последнем его шедевре: «не исправить» — «не поправить». Да и какой он, в самом деле, Н.Н., оставим игры в анонимность, Козловский его фамилия, только и всего.

Теперь обо мне. Завидев его выходящим из соседнего подъезда, я быстро метнулся с балкона в комнату с настоящим старинным зеркалом, увитым тяжелым деревянным виноградом, натянул на голову черный парик, аккуратно наклеил любимую мою, ассирийскую мою бородку и потерял всякое сходство с собой. Невинный никчемный маскарад, но сколько удовольствия! Так я удовлетворяю свою тоску по детству, столь знакомую Н.Н.: мне было недодано игры.

И снова я поспел вовремя. Козловский не успел глазом моргнуть, как я уже шел позади него, ни на миг не теряя из виду эту сутулую, потертую спину. Видит Бог, грусть и скука меня одолевали, я еле подавил зевок, поскольку уже месяц снимаю квартиру в его доме, провожаю Козловского от автобусной остановки до конторы и обратно. Переводческим, домашним моим занятиям это не мешает. Тонкою тросточкой с лягушачьей головкой я постукиваю об асфальт, и спина Козловского неизменно отзывается — я чувствую, как он прислушивается, настораживает-

ся, вздрагивает, ожидая удара. Наверное, он не любит меня. Первое время он убеждал себя, что я просто хожу на работу и нам по пути, что я такой же простой, хороший, честный человек, как и он, Козловский, — но уже на девятое утро он проснулся в холодном поту. Ему приснилось стихотворение. То, что ему снились стихи, было в глазах Козловского признаком особой одаренности, он говорил об этом на своих редких вечерах в клубе туристской песни или на слетах. «А эта песня мне приснилась». На этот раз ему, как всегда, приснился чужой сон — стихи о Черном Человеке, который вот и к нему начал ходить. Стих был вполне приличный, опять же душевный, только вот рифма выскочила — «приходит» — «не уходит», и благодаря этой рифме у Козловского теперь довольно шаткое положение среди тех, кому Черный Человек наносил свои визиты. Не без кокетливого ужаса, сладковатого замиранья думал он о новой поросли гэбистов, работающих в открытую, — хотя ничего нового, уверяю вас, — и видел уже себя, гордого, маленького, задрипанного, идущего на службу, а рядом тут как тут прижавшийся к обочине «воронок», набитый такими, как я. Ах, уведут, уведут Козловского, пройдемте, гражданин, выдерут с мясом дверной звонок, чтобы никто уже не позвонил в его дверь, опечатают квартиру, а он — ничего не подпишет, ни в чем не признается, сгинет, сгинет... За какие такие особые заслуги перед нынешней властью заберут Козловского, помилуйте? Он очень гордится отголосками кухонной фронды в одной из своих нынешних песенок — что-то там о проснувшемся с похмелья богатыре, с рифмой «Ельцин» — «Если б...». Но, увы, увы, кому он нужен со всеми своими рифмами? Как говорил его учитель по НВП, которого Козловский любит цитировать в кругу знакомых, когда говорить не о чем, — «Вот будут вас пытаться, а вы и сказать ничего не сможете, и не потому, что вы такой стойкий, а просто вы ничего не знаете»... Козловский упорно верил, что совершил-таки в своей жизни нечто тайное, значительное, даже им самим не сознаваемое, — хотя, начни бедняга вспоминать, наткнулся бы на такую зудящую пустоту, какую не спасут никакие костры, сосны и весь этот комфортабельный уют его палаточной молодости.

Однако шли дни, вот уж и недели, а Козловского, екая досада, все не брали, и он честно спросил себя, не есть ли у него галлюцинация, вроде черного монаха. Козловский как раз сегодня решил это проверить, но страх мешал обернуться и просто схватить меня, скажем, за рукав. «Что это вы за мной ходите, батенька?»

сказал я, когда мы уже сидели у Козловского на кухне и хозяин с невыразимым лицом разливал чай.

— Вот она, слава, — сказал Козловский заискивающе. Или вы таким образом издеваетесь?

— Понимаю, для поклонника я веду себя несколько странно. Закомплексованность проклятая. А тут общий знакомый, Руслан, увлечение спиритизмом... Подговорил его вас разыграть — дескать, злой дух вышел из тьмы, или как там у вас поется...

Козловский смотрел на меня чистыми, укоризненными глазами — прямой, честный человек. Он грустно улыбался.

— Так вы и есть этот их ведьмак?

— Да, конечно.

— И под столом сидели?

— Разумеется. Я только и ждал, когда же вы к Руслану придете. А сам все хожу... живем-то рядом... и не решаюсь познакомиться.

Чай мы пили уже вполне по-семейному.

— Знаком я также и с вашей биографией — и теперь хотел бы уточнить некоторые подробности, кое-что дополнить...

— Вы знаете, для меня это настолько непривычно... — Козловский медленно светлел; опасность миновала.

— Детские годы я опускаю: ну, чтение с фонариком под одеялом, первые открытия, первые попытки рифмовать... Лет в пятнадцать-шестнадцать — первые песни, наивные, конечно, слабые, но очень мне по душе. Помните «Скамеечку», как вы ее любовно называли? У вас была тогда девочка Рива, еврейка с вашего двора. В песне у вас, правда, она почему-то раздвоилась: «две юных школьницы-еврейки», а когда вы эту песенку стали петь на публике, евреек заменяли грузинками. Рифма, конечно, терялась, и еврейки пикантно угадывались. Вы, боюсь, эту песню забыли, а вот я помню. «Лишь нелюбовь и невезенье держали нас на той скамейке, и мы смотрели в то окошко, и по двору гуляли псы, и бросив старые портфели, две юных школьницы-еврейки кормили брошенную кошку, склоняя длинные носы. А кто-то жил в квартире нашей, и трогал пыльные пластинки, и репродукции на стенке столярным клеем прилеплял, а по утрам кормился кашей, и чистил старые ботинки, листал «Веселые картинки» и в одиночестве рыдал. А мы сидели на скамейке, вздев глаза, ломая руки, и хоть весной слегка запахло, — нам не светило ничего, мы не вставали со скамейки, не прекращались наши муки, уснули все, окно потасло, и в целом мире ничего...»

Козловский как потонул в начале моего чтения, так по ходу его потуплялся все более.

— Да, да, — продолжал я. — Чудесное было время. Опять же Рива, первая любовь, квартирная соседка... Потом их многочисленное семейство по неясным причинам покинуло Москву, а вы поступили в институт, у вас там появился приятель Петечка, милый, наивный провинциал, обаяшка, сочинявший, как и вы, песенки. Тогда кто ж не сочинял? Кто-то у него, помнится, тетрадку спер, а?

— Та тетрадь, — сказал Козловский с виноватой улыбкой, — та тетрадь... Да, грешен, взял тетрадку с Петечкиными песенками после его отъезда, — пополнил репертуар и всегда оговаривал авторство, между прочим. Песни были средние, — не слышь меня, они бы вовсе канули в Лету.

— Ну почему, кое-что там было очень даже... «Помнишь, как мы были рады, что уедем в Ленинград... Еще была такая песенка про Новый год: «Там что-нибудь тебе подарят. Восью командую парадом, там Дед Мороз тебя ударит в фольгу обернутым прикладом... На кухне девочка косая...»

— Босая, — поправил Козловский.

— Босая? Вот видите, различения! Вам она ни о чем не напоминает — эта песенка про Новый год?

— Ну, — Козловский пожал плечами, — после того суицида была наша с Людой свадьба... Неудавшегося Петечкиного суицида, я имею в виду. Однако на вашем месте я не стал бы...

— Кстати! Верные ли у меня сведения насчет всей этой истории с безопасными лезвиями? Как раз под Новый год Петя вро-

де бы застал вас с Людмилой...

— Ну, не то чтобы застал, — Козловский скромно улыбнулся. — Он был, понимаете, юный, восприимчивый. Вылетел со всеми этими делами из института, из общаги и с горя порезался.

— Бедолага... Но главное — выжил! Просто, понимаете, общие знакомые мне рассказывали, а мне все о вашем институте было так интересно! Оттуда же вышла целая генерация мощных авторов. Потом, если я не ошибаюсь, общежитские девчонки спрятали Петечку у себя, чтобы его не забрали в психушку, как делается со всеми самоубийцами. Он был очень плох и незстетичен, и загибаться у девочек ему казалось унизи-тельно, он едва ходил и требовал Люду, а на носу была сессия, — словом, он страшно достал тем, что просто лежал, понимаете ли, такой незстетичный.

— Да, — Козловский грустно покачал головой. — Он был очень страшный.

— Конечно, вы не оставили в беде друга. Козловский никогда не оставляет друзей в беде. И Люда тоже вела себя хорошо — приходила и говорила, что отчаиваться не надо. Потом, если я ничего не путаю, вы с невестой решили, что необходимо отправить Петечку домой, в Караганду. Первое время он и слышать не хотел о доме, говорил, что это верная погибель, что жить он может только в Москве, что он зацепится тут, будет работать, а на следующий год снова поступит... «Если ты любишь меня, ты уедешь, Петя», — говорила ему Люда. Вы клали руку ему на плечо, Петя силится высвободиться — но тщетно: тяжело пожатье дружеской десницы. Ничего, говорили вы в коридорчике у дверей комнаты Петиним друзьям и общежитским девочкам, и опять-таки клали руку на подвернувшееся чье-нибудь плечо, вот хоть Катькино. Катька за больным Петей ухаживала и душевно его полюбила, кроткая девочка вот такого росточка. Ничего, говорили вы, и все склоняли головы — в знак того, что все мы, мол, с Петей, когда ему плохо. Ничего, говорили вы, наварим ему яиц на дорогу и пусть катится — так говорили вы, сжав челюсти и поигрывая желваками. Хотя, согласитесь, не нужно было большого мужества, чтобы наварить яиц.

— Я, по правде говоря, думал, что Пете надо развеяться, поехать домой...

— Совершенно согласен. Бывшие однокурсники, несмотря на морозец, пришли его проводить, Петя стоял у вагона, стучал зубами и почему-то держался за живот, и Катя не решалась сказать, что в таком состоянии он не доедет. И мне так жаль, право, что девочка оказалась права...

— Он не доехал? — изумился Козловский. — Как странно...

— Его не было в поезде, когда тот приехал в Караганду. Может, он на дальней станции сошел, трава по пояс, может, еще чего, — во всяком случае, теперь он считается пропавшим без вести, поскольку за положенный срок не объявился. Погиб, может, или просто лег на дно, кто знает... Затем пошли непрекращающиеся праздники — Новый год, свадьба, день рождения, первые роды, новые песни... были написаны, если я ничего не путаю, «Альпинисты», «Скалолазы», «Песенка под сосенкой», «Прощальные костры», «Последний поход», «Кораблики»...

— Да, все точно.

— А затем приехала Рива. Вы нашли ее сидящей на скамейке во дворе — пришла, значит, посмотреть на окна бывшей квартиры. «Ты ли это, девочка, ангел горбоносый», и так далее. Старые дружбы не забываются. Ривины трогательные старые ботиночки и узкие ладошки в потертых перчатках, курчавая головка и редкостный, прямо скажем, профиль. Однако времена уже несколько не те, портфель Риве носить не приходится, да и нет уже никакого портфеля; сидение во дворе до позднего часа также отменяется. Она живет на другом конце Москвы, снимает квартиру, работает машинисткой и понемногу рисует — исключительно для себя. Одинока и несчастна, но мила и весела. Идет с вами по узкой тропиночке, протоптанной наперекор широким аллеям, и радостно рассказывает, сияя глазами, что ночной кораблик негасимый, на розу желтую похожий, — это ведь не что иное, как отражение луны в лужах. Вы невпопад киваете

и отыскиваете взглядом телефон-автомат, чтобы позвонить жене (песня «Стреляет двушки автомат, подайте двушку автомату, там ждут меня, и там не спят, а я шагаю по канату...»). Канат ваш отчего-то всегда приводил в одно и то же место, к одним и тем же запоздалым мукам совести, которыми вы успевали отравить жизнь не только себе, но и Риве (песня «На дворе весна, а мне со-вест-на!»). Вы обещали, что свозите ее погулять на Ленинские горы, — обещали, к слову сказать, года три, да так и не свозили. А летом, Рива, я увезу тебя на дачу. Рива просила не завираться, но в душе верила, и бедный дачный домик разросся в ее воображении до утонувшего в садах дома с мезонином. Ах, эта еврейская русская интеллигенция, вечно они были и остаются более русскими, чем сам суперэтнос, принявший их в свое негостеприимное лоно! Чувство вины, печальные пейзажи, вечера в беседах... Запах свежих яблок, крыжовник, Ионыч... Никого, кроме вас. Рива, как это иногда случается, подзалетела, очень обрадовалась и решила стать хорошей еврейской мамой. У меня будет миллион счастливых детей! Строит грандиозные планы в области пеленок, распашонок и комбинезончиков — вам же все это видится в несколько ином свете. Вы перестаете звонить, Рива сходит с ума (песня «Телефон-2»). Оказывается, ей мало быть просто мамой. Рива вяжет, читает, моется в ванной, таская за собой телефон. Рыдает перед проклятым устройством и умоляет его зазвонить! В итоге аборт, детей иметь более не может, на чужих детей всю оставшуюся жизнь не может смотреть. Мораль: не уверен — не залетай! Ваша песня «Что она во мне нашла» подводит итог: вы уходите прочь от мешанского уюта, от миллиона счастливых детей, куда-то в дым костра, в таежные дали... Развод с женой, раздел имущества. Песня «Четыре мальчика, четыре карапуза, верхом на осликах, по досточкам моста». Поразительно, с каким упорством вы называли себя мальчиком! Люда выходит замуж за вашего сослуживца, которому вы...

Козловский заерзал:

— Если можно, о песнях, они мне как-то ближе.

— Извольте! Последняя ваша удачная вещица — о девочке Тане, уронившей в речку мячик. Мячик утонул, но автор убеждает ребенка, что лет через 20—30 мяч сам всплывет на поверхность. Так что не плачь и не рыдай, моя красавица, я расскажу тебе, что дальше с нами станется, кто заболеет, кто уедет, кто преставится, любовь придет, и жизнь пройдет, а мяч останется...

— Вообще-то, — сказал Козловский, — после этой песенки я написал еще очень много...

— Да? Но это уже, как бы сказать... Особых подвижек для сочинения новых песен почти не было. Ну, служба, то-се, старые друзья, редкие встречи, долгие проводы, мелкие пакости, две юных любовницы, а ведь для песни, как бы это сформулировать, нужен толчок, подвижка, некая ситуация, позволяющая себя вообразить лирическим героем. Дальше вашей основной темой сделалось прощание с юностью, с которой вы и поныне никак не распрощаетесь. Этакие очки при зрении всего минус ноль-пять, этакая общая потрепанность — нет более надежной защиты, чем эта ваша беззащитность...

— Я не совсем понимаю. У меня после этого действительно было много песен, и...

— Ради Бога, — сказал я, встал и поклонился. — Я знаю. «Канатоходцы». «Катамаран». «Два берега». «Февральская». «Дальняя пристань». «Прощальная». «Студенческая застольная». «Палатка и рюкзак». — Я снова поклонился. — Прошу простить за поздний визит, в любом случае мы еще увидимся.

Козловский растерянно проводил меня до двери, постоял молча перед зеркалом, себя не узнавая; скривил рот и отправился спать. Наутро я, как всегда, шел за ним в контору; Козловский было кинулся меня приветствовать, улыбаясь хорошо отработанной смущенной улыбкой. Но я вовремя предупреждающе поднял трость — не подходить! — и растерянный поэт, ничего уже не понимая, поплелся дальше под привычным конвоём. Я шел за ним, стучал тростью и размышлял: поймет ли он, на-

конец, что за ним ходит, грубо говоря, его совесть? Все эти дети, их игры, странные их перелезания через обруч, скакания через скакалку, все эти казаки-разбойники и партизаны, детские попытки попасть в наше измерение и с нами немного пожить — покажутся ли ему когда-нибудь Ривиными детьми, восставшими из небытия? Во всяком случае, я до конца буду ходить за Козловским — времени у меня много. И, верно, послужу причиной не одной еще песни о Черном Человеке. И хватит о нем, и прекрасно, теперь обо мне.

Обо мне. Я мог бы признаться, что я еще больший подлец, — но если бы, если бы все было так просто! Да и Козловский-то подлецом кажется только мне. Дело в том, что я заклею навеки, что я отщепенец, вечный изгой — по причине своей безукоризненно чистой совести. Это хуже, чем быть рыжим или альбиносом. Это моя единственная и постыдная тайна. Разгадав ее, лучшие друзья от меня отворачивались. Это я ехал с Петенькой в том поезде — так судьба впервые меня свела с Козловским, хоть и заочно; я предложил Петеньке сойти со мною по пути в Караганду, устроил его на работу, обиходил, поил чаем, уверял, что верить в людей необходимо, — и своим добродетельным, правильным занудством надело его через неделю. Он не простил мне моей доброты и уехал из нашего города — по моим сведениям, куда-то на север, о котором так душевно пел Козловский. Это я — опять-таки по чистой случайности — встретил Риву, брошенную Козловским, — и снова подтыкая одеяла, снова чай, снова утешения и призывы верить в людей, — и точно так же я, со своей добродетелью и опекой, сделался ей скучен через месяц. Но в вас-то, в вас-то, Козловский, что они находили? Ужели обаяние таланта? Вы очень любили, помните, цитировать: «Входя ко мне, неси мечту, иль дьявольскую красоту, иль Бога, если сам ты Божий, — а маленькую доброту, как щяпу, оставляй в прихожей...» Очень хорошо-с, творцу можно, творцу даже положено. Но скажите вы мне, Козловский, что сами-то вы сделали из этих разбитых вами жизнью — преданного друга, измученной жены, брошенной любовницы? Скажите вы мне, Козловский, — вы ведь оправдывали все это тем, что вы творец, что для вас это — повод к творчеству, если угодно... Да где ж оно, ваше творчество, Козловский? Что, все это было ради туристских экзерсисов на темы сухарей, палаток, ушедшей молодости? Ради набора банальностей, положенных на три аккорда? Неужели это и есть секрет вашего обаяния — не приписывать же его весьма посредственному голосу и блатной мелодике, а равно и рифмам «уходит» — «приходит». Здесь, на горошине земли, будь подсвинок — и жизнь твоя будет исполнена глубокого смысла и всеобщего обожания, — так, Козловский?

Но обо мне, обо мне. Любимые женщины, поняв, что я не брошу их, отворачивались от меня, бросали сами. Когда знакомые говорили обо мне — им не о чем было говорить. Я не ставил подножек — и со мной некуда было пойти, кроме как в разведку. Я никому не делал зла и оставался один — только мне и радости, что дарить конфеты чужим детям. Поэтому я буду вечно ходить за Козловским — больше мне не осталось ничего. Жизнь проходит мимо, она не имеет ко мне отношения, ей дела до меня нет. Другие, о Господи, женятся, расходятся, живут, ревнуют, обижают и топчут друг друга, собираются в шумные компании, и пьют за дружбу, и дружат, продавая друг друга на каждом шагу и за это уважая вдвойне. Только я один, как всегда, один — как поется в песенке моей юности.

Шире шаг, Козловский! Наш автобус.

МАТЕРИНСТВО

ЛЮДИМИЛА ПЕТРУШЕВСКАЯ

Все было бы хорошо в семье таракана Максимки, если бы карликовые муравьи внезапно бы не оценились (после одной прогулки в состоянии течки).

И буквально каждый карликовый муравей, что Хна, что Сенна, принес по сто сорок с лишним яиц нетто, итого куда ни ступи, везде сидит этот маленький крокодил и караулит яйца.

Как сквозь землю провалилась их хваленая доброта, их уступчивость!

Они даже подлизывать прекратили.

Оба муравья твердо выбрали себе для высиживания самые светлые места жилплощади, упорно таскали с собой свои рюкзаки с яйцами к местам общего скопления: телевизор смотреть — они тут же сидят, как мешошники, среди своих узлов, по сторонам зырят, глаза отпетые, руки-ноги цепкие, не квартира, а Казанский вокзал!

Обедать — они тут же громоздятся прямо на стол с баулами, хватают из тарелок в четыре руки, а ногами подгребают.

Жвала выросли у них, как пассатижи, если кусок взят, не отыметь: буквально новая порода мурбультиртеры!

Таракан Сильва, уж на что существо терпимое, и сама, бывало, в постели до обеда и там же ужинает, и газеты тут, и детей выводит — даже и Сильва встрепенулась, когда карликовые мураши Хна и Сенна стали бегать, как кони, у ней по ногам во время сна, подбирать крошки и косточки, а Сенна, как наиболее скандальная, караулила на подушке и выхватывала прямо с усов, что налипало.

Причем яйца они сложили у Сильвы в районе ее собственного яйцеклада, уверяя, что там якобы теплей, хотя это интимное дело каждого.

Что делать, вечный вопрос (и как остановить), встал перед семьей таракана Максимки: гнать не получается, нехорошо, неинтеллигентно.

Шелобанов Хна и Сенна не понимали, могли и цапнуть.

Далее, экология, Гринпис и восточные медитации запрещают гонения на живую силу противника: не вами создано, не вами и будет съедено.

Но, с другой стороны, и так в дому бедлам, а тут карликовые муравьи

блеют, а то, бывало, яйца из мешков повытаскивают и разложат везде (такой, видно, цикл), вообще не ступишь ногой — но ведь тараканы не летают, даром что крылатые.

А дети у таракана Максимки и сами с усами, заводные, как танки, играют чужими яйцами в расшибалочку, а то и омлет в кастрюлю накокают без спросу и едят в сыром виде!

У Хны и Сенны бессонница, скоро окот, в яйцах уже у них постукивает без причины.

И еще другой вопрос: кому раздашь двести восемьдесят (грубо) штук помета?

Знакомых много, но не все согласны, хотя карликовые муравьи известны как санитары пола и плитуса.

Таракан Сильва дала объявление в газету: «кар.мур.ласк.мил.буль-терьерн.отдам в хор.руки уничтож.люб.отбросы за 2 мин.пять долл. шт.».

Однако все устаканилось в тот момент, когда малыши вылупились на свет: такие хорошенькие, беспомощные, лапки-усики крохотные!

Сильва с детьми была в восторге, носилась с помоями, поила муравьят из лакушек, водила их гулять (колонна по десять) и гордилась ими.

Карликовые вызвали повсеместный интерес, и из деревни прибыл зооветеринар гигантский муравей Зоя Мурадовна с бутылкой собственного муравьиного, забрала все пополнение на природу, сказала, что у них в деревне доллары не ходят, только стеклянные с наполнением, и ушла во главе стада.

В результате Сильва и таракан Максимка потом гуляли всем на удивление, набилось народу, т.е. вышло даже лучше: с долларами еще неизвестно что делать, пошли бы ссоры куда прятать, дети бы требовали мотоциклы, ругая родителей за жадность, Сильва ночей бы не спала в мыслях о будущем, таракану же Максимке мерещились бы, как всегда, импортные химикалии: вопрос вопросов!

А так все безвозмездно оттянулись. Кстати, Хна и Сенна стали снова добрыми, милыми, уступчивыми, как только детей у них взяли на воспитание. Все-таки материнство — опасный момент для окружающих, согласитесь.

худ. А. Лукьянчиков

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ИГОРЯ ИРТЕНЬЕВА

Песнь

Словно коршун в синем небе,
Кружит серый самолет.
А во ржи, срывая стебель,
Дева юная поет.
Песнь ее летит с мольбой
В неба кумпол голубой,
И слова ее просты,
Как репейника цветы:
«Летчик, летчик, ты могуч,
Ты летаешь выше туч,
Ты в воздушный океан
Устремляешь свой биплан.
Гордо решишь в облаках ты,

Распыляя химикаты.
Ты возьми меня с собой
В неба кумпол голубой.
Там, в ужасной вышине,
Ты поженишься на мне.
Обязательно должна
Быть у летчика жена!»
Но не слышит авиатор
Девы пламенный напев.
От вредителей проклятых
Опыляет он посев,
Чтоб не смел коварный враг
Портить наш могучий злак.

Как не стать художником

Алексей ТАРХАНОВ

Художественное образование в России следует законам гвардейских наборов эпохи государыни Екатерины, когда ребенок получал свой первый чин одновременно с рождением. Невероятная сила воли требуется дочке художника и к тому же внучке художника, чтобы художником не стать. История Маши Цигаль, дочери Анны Бирштейн и внуки Макса Бирштейна, исключения не составляет.

Конечно, классический путь художественного образования изрядно изменился (да и существует ли оно теперь?). Раньше средняя художественная школа подводила Дитя к порогу Суриковского института, где прилично было учиться живописи. Затем следовало вступить в Молодежную секцию Союза художников, обязуясь тем самым «своей творческой и общественной деятельностью активно участвовать в строительстве коммунизма, в борьбе за социальный прогресс, за мир и дружбу между народами» — цитирую правила с обложки собственного билета. Далее путь лежал во «взрослый» Союз. В сущности, это была серия неприятных конкурсов на право стать чуть более свободным человеком и, согласно тексту билета, участвовать в строительстве не активно, а пассивно.

Все это забылось так быстро, как будто бы и не существовало никогда. Маша Цигаль — художница поколения «после Sotheby», именно здесь она впервые увидела выставку худож-

ЭДУАРД КУДРЯВИЦКИЙ

ников, так и не попросивших у государства лицензии на живопись. На золотом крыльце тогда сидели Кабаков, Чуйков, Волков, Захаров, Янкилевский и другие герои Flash Art и Art in America. Но из всех представленных тогда великих произведений российского гения она отметила самые простые и декоративные работы — вроде «Ассы» Сергея Шутова. Потому что

все идеологические комплексы, от которых так шумно и изобретательно отрекалось советское искусство, для нее уже совсем ничего не значили.

Уже ни у кого не надо было спрашивать позволения быть художником. Никакой специальной художественной школы. Вместо Суриковского института и почетной профессии живописца — дизайнерское Строга-

новское училище, факультет обработки стекла. Очевидная уступка домашним, сделанная безо всякой уверенности в том, что училище все же придется заканчивать, и с тайной надеждой на то, что оно само постепенно куда-нибудь денется из ее жизни. (Так оно, заметим, и получилось.)

Гораздо больше значила художественная среда, ее действующие лица и исполнители, представлявшие совершенно иной путь, если не к успеху, то к самоутверждению. В те полные счастливой суеты времена в Москве и в Ленинграде появлялись художественные сквоты. Опоздав на Фурманский переулок и на Трехпрудный переулок, она провела зиму 1993-го в художественной коммуналке одного из самых забавных и бессмысленных персонажей московской художественной тусовки, Петлюры, и вернулась домой не раньше, чем обнаружила, что и здесь ее пытаются учить жизни.

Она предпочла искусства неважные, но веселые — гляцевую рекламную фотографию Vogue и Harper's Bazaar, видеоклипы, подпольное кино — и захотела попробовать себя в типографии и в фотографии. Она начала с коллажей со сложной фактурой, с приклеенными золотыми бумажными хвостиками или картинками из модных журналов. И наконец (полюбив ночь больше, чем день — священное время живописи) оказалась в компании Андрея Бартенева и занялась «авангардной модой».

Андрей Бартенева делал

отнодь не «одежду», а футляры для тел, не костюмы, а некую индивидуальную архитектуру. Бартнев имел самые важные для современного художника качества: он был странен на вид, но мог связно, с любезностью и без раздражения объяснить, что он делает и почему. В качестве тем для своих показов (называемых, разумеется же, *перформансы*) он с большевистской прямотой использовал мистический и этнографический флер — всякого рода эскимосские легенды и другие мотивы интеллектуального шаманства, которые в свое время ввели в обиход ленинградской и международной тусовки Курехин, Тимур и Африка. К тому же его этнографические увлечения были весьма «политически корректными», что свидетельствовало о четком западном векторе его восточных пристрастий. Он сделал очень много хорошего. В частности, ввел «альтернативные» модные показы в порядок ночной жизни полусвета и приучил к ним публику. Он воспитал к тому же целую стайку художников, которые помогали ему, оставаясь до поры до времени в тени.

Маша Цигаль — первый художник, осмелившийся из этой тени выйти. В марте она показала свою *Виниловую моду* на дискотеке «Эр-

митаж». Показ назывался «Будем как солнце», и успех был даже слишком велик для дебюта — от «Коммерсанта—DAILY» (вначале) и «Сегодня» (затем) до «Курантов» (впоследствии) все с удовольствием написали про «восход винилового солнца», отмечая примерно одно и то же: в отличие от большинства рассудочных и эпатажных авторов альтернативной моды Маша Цигаль предложила откровенно декоративный вариант костюмов. По выражению одного из самых тонких театральных критиков Москвы — «как выглядит» для нее гораздо важнее, нежели «что означает».

Свою коллекцию, сделанную из темной ткани с золотой и серебряной росписью и дисков старых грампластинок, Маша Цигаль показала в Риге на Ассамблее неукротенной моды и получила одну из премий — такую же, как и Бартнев. Дипломы их с одного конца подписал Пако Рабанн; но с другого — Валентин Юдашкин. Сейчас у нее множество разных возможностей. Либо соревноваться с соседями в увеличении масштабов и умножении фигур, либо заняться сценическим костюмом, либо уйти с подиума в галерею, чтобы все-таки стать художником.

Коллекция Марии Цигаль

«Будет как солнце»

на Ассамблее Неукрощенной Моды в Риге

Фото Юрия Феклистова

Наличные деньги могут остаться лишь на полотнах старых мастеров да в нашей памяти

Ведь теперь у нас есть банковские карточки STB-card

Адрес: Москва, 113095, ул. Пятницкая, 72.
Телефоны: (095) 236-81-80, 236-80-57. Факс: 236-83-20.
Телекс: 411913 SBANK SU. Телетайп: 114250 СМОЛЯК